

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Учреждение Российской академии наук
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО ПРОБЛЕМАМ
КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

60 лет КНР

Шестидесятилетие дипломатических
отношений СССР/РФ и КНР
(1949-2009 годы)

Тезисы докладов
XVIII Международной
научной конференции
"Китай, китайская цивилизация и мир.
История, современность,
перспективы"
(Москва, 21-23 октября 2009 г.)

Часть 2

Москва
2009

Рабочая группа по подготовке материалов к печати:

Островский А.В. (руководитель),
Горбунова С.А. (заместитель руководителя),
Портяков В.Я., Лузянин С.Г., Клименко А.Ф., Смирнов Д.А.,
Новоселова Л.В., Бергер Я.М., Мамаева Н.Л., Усов В.Н.,
Завьялова О.И., Ганшин В.Г., Ушаков И.В.

В сборнике, состоящем из 2 частей, публикуются тезисы XVIII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы», организованной Институтом Дальнего Востока РАН совместно с Научным советом РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая, Обществом российско-китайской дружбы.

Тезисы публикуются в авторской редакции. Содержащиеся в них выводы не всегда совпадают с мнением членов Оргкомитета. За достоверность опубликованных сведений ответственность несут авторы тезисов.

Проведение конференции и издание материалов осуществлено при финансовой поддержке Фонда социальной защиты «АКАДЕМИА»

В оформлении использованы иероглифы, выполненные Гао Маном

**Оргкомитет XVIII Международной научной конференции
«Китай, китайская цивилизация и мир.
История, современность, перспективы»
выражает благодарность генеральному спонсору
Президенту китайско-российской
торговой палаты (Гонконг)
Хуан Сяодуну
за финансовую поддержку проведения конференции.**

СОДЕРЖАНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КНР

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КНР

Мазырин В.М.

МОДЕЛИ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ ВО ВЬЕТНАМЕ И КИТАЕ:
ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ.. 11

Островский А.В.

ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ НА КИТАЙСКОМ РЫНКЕ
ЭНЕРГОРЕСУРСОВ. 15

Жигулева В.В.

РАСШИРЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО СПРОСА КАК ОДИН
ИЗ ПУТЕЙ УСКОРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
КИТАЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ИМ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО
КРИЗИСА.. 18

Палагин В.С.

ПРОЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КНР 24

Наумов И.И.

КНР: ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ К ИННОВАЦИЯМ 27

Карлинская Е. В.

ОПЫТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НОВОГО КИТАЯ. . . 31

Пивоварова Э.П.

ШЕСТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ НОВОГО КИТАЯ: ОПЫТ ВЗАИМО-
ДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ЧАСТНОГО КАПИТАЛА. 36

Карлусов В.В.

КИТАЙ: ВЛАСТЬ, БИЗНЕС И БОРЬБА С МИРОВЫМ
КРИЗИСОМ. 38

Чуванкова В.В.

ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО НА РАЗЛИЧНЫХ
ЭТАПАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КНР .. . 43

Кудин А.П.

ГОСУДАРСТВО И НАЦИОНАЛЬНОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КИТАЕ 46

Бони Л.Д.

ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ
НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ 60-ЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ КНР.. . . . 49

Волкова Л.А.

60 ЛЕТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КИТАЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ	52
---	----

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА КНР

Сазонов С.Л.

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА КНР И ПОСЛЕДСТВИЯ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА..	56
---	----

Муромцева З.А.

60 ЛЕТ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КНР: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ	60
--	----

Шишкин М.А.

ОТРАСЛЕВАЯ ПОЛИТИКА КНР В СФЕРЕ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	63
--	----

Джальчинова Е.К.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КНР	66
---	----

Петухов И.А.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ КНР	69
--	----

Карлусов В.В.

ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА КИТАЯ И РОЛЬ ПРОГРАММЫ «ФАКЕЛ»	73
---	----

Рабогошвили А.А.

НАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ..	77
--	----

Коледенкова Н.Н.

РАЗВИТИЕ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ КНР: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ	78
---	----

Пиковер А.В.

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ.	82
---	----

Кранина Е.И.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА, ВОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ И ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА КИТАЯ . . .	85
--	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Величко В.В.

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ КИТАЯ 89

Михайличенко А.Г.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ
АНКЛАВОВ КНР 92

Намжилова В.О.

ПРОГРАММА ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНЫХ РЕГИОНОВ В КНР
В КОНТЕКСТЕ ГАРМОНИЧНОГО РАЗВИТИЯ 94

Бессарабов Г.Д.

10 ЛЕТ СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ
И ВЫЗОВЫ СЫЧУАНЬСКОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ 98

Козлов А.А.

УСКОРЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ СЯНГАНА В ЭКОНОМИКУ
МАТЕРИКОВОГО КИТАЯ В НАЧАЛЕ XXI века 101

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Баженова Е.С.

НАСЕЛЕНИЕ КНР: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЗА 60 ЛЕТ 105

Ван Лулу, Промахина И.М.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И БЕЗРАБОТИЦЫ
В КИТАЕ (1978–2007 гг.): ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ. . . 108

Хаджиева Г.У.

РЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В КИТАЕ: ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ С УЧЕТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ
КИТАЙСКОЙ СТАТИСТИКИ 110

Афонасьева А.В.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЭМИГРАНТОВ В КНР 114

Цзи Вэйвэй, Пэн Хуамин

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИТАЯ
В ПРОТИВОСТОЯНИИ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОМУ
КРИЗИСУ 118

Садовская Е. Ю.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И РАЗВИТИЕ
МИГРАЦИЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И РЕСПУБЛИКАМИ

И ГОРОДСКИХ КОМИТЕТОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ В КНР В ПЕРИОД РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ	165
<i>Манро Н.</i> ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В КИТАЕ: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ИХ ДЕТЕРМИНАНТЫ . . .	169
<i>Трощинский П.В.</i> БОРЬБА КИТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА С ОТМЫВАНИЕМ ДЕНЕГ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	170
<i>Сухомлинов В.А.</i> РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ И ЮРИДИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В КНР	173
<i>Грэтэр Р.</i> 60 ЛЕТ ОХРАНЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КИТАЕ	176
<i>Гордон А.В.</i> ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В СЕЛЬСКОМ КИТАЕ	178
<i>Бирюлин Е.В.</i> СМЕНА ВЕХ В ПОЛИТИКЕ «УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» КИТАЯ	181
<i>Ушаков И.В.</i> ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ: 60 ЛЕТ СПУСТЯ	185
<i>Переверзев Е. В.</i> ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ В КИТАЕ	187
<i>Ломанов А.В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КНР	190
<i>Кожин П.М.</i> «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА.	193
<i>Виноградов А.В.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В РАЗВИТИИ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	197
<i>Морозова В. С.</i> РОЛЬ ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА	200
<i>Шугаев А.В.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕЛЕВИДЕНИЯ КНР В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	205

<i>Ли Яотань</i>	
СРАВНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ТАЙВАНЕ И В КНР	208
<i>Као Юанькуан, Чу Мэйли</i>	
ПУТЬ К СОТРУДНИЧЕСТВУ И МИРУ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ТАЙВАНЬСКОГО ПРОЛИВА.. . . .	209
<i>Степанова Е.Н.</i>	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН НА ТАЙВАНЕ И В ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ . . .	210
<i>Бартко У.Я.</i>	
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИТАЯ И ТАЙВАНЯ И «ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС»	215
<i>Верченко А.Л.</i>	
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И СОЦИАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ НА ТАЙВАНЕ	218

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КНР

<i>Новоселова Л.В.</i>	
РОССИЯ И КИТАЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АНТИКРИЗИСНОГО ПАРТНЕРСТВА	222
<i>У Синьцзянь</i>	
РЕСУРСНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В РОССИИ И КИТАЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЯ.. . . .	225
<i>Ларин А.Г.</i>	
КИТАЙСКИЕ РАБОЧИЕ В РОССИИ	229
<i>Терентьева Т.Г.</i>	
РАЗВИТИЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ КИТАЯ ЗА РУБЕЖОМ	233
<i>Сизова А.А.</i>	
НЕФТЕГАЗОВЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В НАЧАЛЕ XXI века (ЕВРАЗИЙСКИЕ АСПЕКТЫ). . .	237
<i>Троекурова И.С.</i>	
РЕАЛИЗАЦИЯ ДВУСТОРОННЕГО РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОГЛАШЕНИЯ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ НЕФТЕПРОВОДА «ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ – ТИХИЙ ОКЕАН».. . . .	240

<i>Александрова М.В.</i>	
РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ КРУГЛЫМ ЛЕСОМ (1997–2008 гг.)..	244
<i>Романова Г.Н.</i>	
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ.	248
<i>Рыжова Н.П.</i>	
МОДЕЛИ (ДЕ)ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЫНКОВ КНР И РФ..	252
<i>Горбачев Б.Н.</i>	
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ СВЯЗИ В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ ..	256
<i>Каменнов П.Б.</i>	
ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.. . . .	260
<i>Бергер Я.М.</i>	
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЮАНЯ – ВАЖНЫЙ КАНАЛ РАСШИРЕНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ КИТАЯ.	264
<i>Калашников Д.Б.</i>	
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ БИЗНЕС КИТАЯ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА РАЗВИТИЯ	268

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КНР

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КНР

Мазырин В.М.,
к. э. н., ИДВ РАН

МОДЕЛИ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ ВО ВЬЕТНАМЕ И КИТАЕ: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ

Общие черты. Прежние экономические модели Вьетнама и Китая базировались на одинаковых принципах, поэтому их объединяет решение общих задач переходного периода, которое, начавшись с небольшим временным разрывом (около 10 лет — соответственно в 1978 и 1986 гг.), происходит в одну эпоху, в похожих и выгодных исторических условиях.

Реформы осуществляются в обеих странах под руководством компартий, на схожей идеологической платформе. Выработка и реализация новой политики реформ прежними элитами в лице партии-государства отличает Китай и Вьетнам от стран Восточной Европы и СССР, где коммунисты только инициировали переход к рыночной экономике и затем утратили власть в результате политического кризиса. Это говорит о важности обеспечения политической стабильности, рискованном и трудном характере системных реформ, которые при потере контроля над ними не скоро приносят плоды.

Формирование нового базиса при сохранении надстройки до-реформенного периода предопределило цели развития двух стран, отличающиеся в основном формулировкой: Китай строит «социалистическую рыночную экономику», а Вьетнам — «ориентированную на социализм рыночную экономику». Это потребовало коренной перестройки мышления и теоретических взглядов партийно-государственного руководства и кадров.

Китай и Вьетнам находились на более низком уровне экономического развития, чем другие соцстраны, поэтому переход к рыночной экономике в них имел существенные общие отличия от этих

стран. Здесь более отсталыми были сельские районы, возник серьезный разрыв в уровне развития тяжелой и легкой промышленности, неэффективной и негибкой оставалась система управления, экономика переживала тотальный дефицит, эгалитарный характер носило распределение, что обуславливало низкий уровень жизни.

Основным содержанием процесса в обеих странах был переход от одного основного вида собственности (общенародной в государственной и коллективной формах) к многоукладной структуре с различными формами собственности в отличие, например, от других стран АСЕАН и СВА. Китай и Вьетнам начали переход к рынку от командно-административной системы, недостатки которой проявлялись все очевиднее. Обе страны были вынуждены пойти на реформы перед лицом нарастающего внутреннего кризиса.

Китай и Вьетнам выбрали осторожные, но настойчивые меры преобразований, следуя принципу «практика — критерий истины». Они не применяли «шоковой терапии» в больших дозах, что позволило избежать краха прежней политической системы, развала экономики и социальных волнений. Этот подход позволил руководству двух стран адекватно реагировать на реалии и своевременно корректировать свою политику, учитывать национальную специфику и особенности.

И Китай, и Вьетнам начали рыночные реформы в южных, прежде всего в приморских, провинциях. Это логично, так как морские порты и прибрежные территории имели более легкий доступ к мировым рынкам. Сдвиги в этих провинциях стимулировали процесс изменений в более отдаленных районах, что придало ему общенациональный характер. Такой подход отражает концепцию «точечного роста» и «локомотивов» экономического роста, прошедшую апробацию в других странах Восточной Азии на более ранних этапах.

За 20—30 лет переходного периода обе страны, несмотря на различие внутренних условий и применяемых мер, достигли видимых результатов. Их экономики росли быстрее, чем в других странах или в период до начала реформ. Удалось преодолеть кризисные явления и постепенно добиться стабилизации производства, обращения и потребления. Ранее зависимые и дефицитные экономики обеих стран стали развиваться в регулируемом режиме на основе самонастройки. Повысились, хотя в разной степени, жизненные стандарты населения, произошла интеграция в мировое хозяйство.

Переходный период, как и в других странах, поставил перед Китаем и Вьетнамом во многом схожие, сложные проблемы. Это — трудности преобразования государственных предприятий, сохране-

ния прежней политической системы, социальные конфликты между различными группами населения, городом и деревней, передовыми и отсталыми районами. Неизбежным следствием рыночных реформ стало распространение коррупции, воровства, преступности. В экономической сфере одной из основных проблем оказалось создание механизмов макроэкономического регулирования, включая банки и финансовые институты, налоги, страхование, рынок недвижимости. Для ее решения потребовалось дополнительное время.

Рыночные реформы в Китае и СРВ представляют собой не просто экономический процесс, а смену модели развития с ориентацией на магистральный путь человечества. Учитывая, что политическая надстройка в рыночных условиях неизбежно подвергается демократизации (причем чем успешнее работают рыночные механизмы, тем более спокойно протекают политические изменения), в обеих странах происходит системная трансформация. Движение к социализму осуществляется в них, не минуя, а в разной степени через капиталистическую стадию развития (что партийные лидеры не признают официально), поэтому здесь одновременно существуют элементы двух систем — капиталистической и социалистической, т.е. возникает новая система конвергентного типа. Вопрос в том, насколько долго это состояние будет сохраняться и в чью пользу меняться.

Различия. Хотя обе страны применили общую модель, ввиду различного стартового уровня и темпов проведения реформ, для них характерно множество различий в мерах, путях, соотношении внутренних и внешних факторов развития.

Китай — крупная страна с глубокими традициями централизованного государства и более строгой дисциплиной. Государство с сильной властью долго существовало и во Вьетнаме, но дисциплина и порядок были подорваны вследствие продолжительных войн. Хотя размеры Вьетнама значительно меньше, законы и постановления не соблюдались здесь так строго, как в Китае, поэтому изменения легче начать, но сложнее завершить.

Реформы в КНР начались под прямым давлением внутреннего экономического кризиса. Экономическая система Вьетнама также переживала кризис, но страна долгое время получала иностранную помощь, которая помогала скрывать, сдерживать его. Императивы реформ здесь возникли не только изнутри, но и извне — под влиянием глубоких сдвигов и краха прежних режимов в других социалистических странах.

Китай приступил к реформам после того, как преодолел блокаду и изоляцию на международной арене. При этом его переход к рыноч-

ной экономике во многом облегчил пример Гонконга, Макао и в определенной мере Тайваня. Вьетнам не располагал такими преимуществами. Ему пришлось сначала решать свои внутренние проблемы, и лишь затем удалось использовать благоприятные внешние факторы, в том числе помощь обширной эмигрантской общины на Западе своим родственникам.

При выработке и апробации новой политики Китай и Вьетнам применяли различные методы и последовательность шагов. Китай начал с теоретических вопросов и решил их до внедрения новых установок в жизнь, хотя затем использовал практику для дополнения теоретических представлений. Во Вьетнаме же практические изменения проводились сначала — для выхода из тупиковой ситуации, а теоретические вопросы не ставились как требующие неотложного решения. При этом, в отличие от Китая, нарушение правил или осуществление хозяйственных экспериментов происходило без формального разрешения и, нарушая табу, осуществлялось на основе относительного консенсуса в обществе. Здесь практические результаты, достигнутые на свой страх и риск на нижнем уровне, служили для проверки эффективности новых решений, а потом распространялись и утверждались.

До начала реформ частный сектор и свободный рынок существовали во Вьетнаме в значительно более широких масштабах, чем в Китае, где они были почти полностью ликвидированы в 1950-е годы. Это произошло вследствие незавершенности обобществления производства и обращения во Вьетнаме. Их развитие стимулировал также опыт южной части страны, присоединенной к ДРВ в 1975 г. В Южном Вьетнаме частный сектор и свободный рынок, господствовавшие в экономике при сайгонском режиме, были официально признаны и получили возможность открыто действовать в 1987 г.

В Китае благодаря более высокоразвитому чувству коллективизма и дисциплины сохранился кооперативный сектор хозяйства, причем в различных формах. Он не только выжил в условиях рыночной экономики, но и показал свою эффективность во многих отраслях. Во Вьетнаме кооперативы не смогли продолжить свой рост и стали распадаться из-за слабых экономических связей между их членами.

Проявился ряд особенностей в проведении экономических реформ в деревне, при том что они стали общей основой экономического подъема в обеих странах. Эти особенности состоят в различии земельных прав крестьян (во Вьетнаме они шире, законодательно лучше оформлены и закреплены на длительный срок), организации производства (в КНР оно более ориентировано на интенсивный тип и многообразно

по формам, крупнее по масштабам), развитии сельской промышленности и инфраструктуры (в Китае сильнее инвестиции и защита крестьян, активнее внедряются научно-технические достижения).

Реформирование государственных предприятий и в КНР, и в СРВ сходно во многих аспектах, так как направлено на обеспечение их эффективной работы в рыночной среде при сохранении ведущей роли общественного сектора и развитии негосударственного сектора в экономике (двухсекторная модель). В то же время эта работа ведется с отличиями в силу больших размеров, более высокого стартового уровня госпредприятий КНР. В Китае перед ними ставятся более высокие и сложные цели, реформы ведутся более быстро, синхронно, работники предприятий социально защищены. Всемирную поддержку имеют крупные, эффективные государственные корпорации, перед которыми ставится задача обрести конкурентоспособность на мировом рынке.

Китай продемонстрировал лучшие результаты, чем Вьетнам, в обеспечении контроля над основными экономическими инструментами, включая цены, налоги, обменный курс и процентные ставки, кредитование, денежную эмиссию и т.д. Благодаря этому Китай за время реформ избежал ценовых лихорадок, краха финансовых пирамид, которые привели к массе нерешенных проблем во Вьетнаме.

КНР на основе более высокого стартового уровня развития, более высоких темпов роста и достижений активнее проводит внешнеэкономический курс, в частности, осуществляет вывоз капитала за рубеж, поддерживает бизнес своих предпринимателей в других странах, сохраняет тесные связи с эмигрантской общиной и опирается на нее.

Вывод. Вьетнам, отставая от КНР в создании рыночной экономики, темпах роста и глубине результатов, успешно использует китайский опыт. Во взятых двумя странами на вооружение моделях системных преобразований преобладают общие черты, а различий немного.

Островский А.В.,
д. э. н., ИДВ РАН

ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ НА КИТАЙСКОМ РЫНКЕ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ

Для оценки возможностей Китая в производстве необходимых объемов энергоресурсов необходимо проанализировать реальную ситуацию на китайском рынке и оценить его возможности по импорту энергоресурсов из других стран мира.

Китай в настоящее время относится к числу крупнейших в мире потребителей энергетических урсов. По общему объему производства и потребления энергии КНР занимает 2-е место в мире после США, ее доля составляет свыше 10% мирового потребления первичной энергии. В 11-й пятилетке (2006–2010 гг.) Китай взял курс на экономию энергии, и в течение 5 лет предполагается снизить удельную энергоёмкость на 20% на единицу продукции.

Однако уже с 1995 г. потребление нефти в КНР заметно опережало ее производство, а потребление каменного угля и природного газа было ниже объемов производства. Но такое положение не может сохраняться вечно, и в ближайшие годы потребность Китая в энергоносителях будет возрастать. Таким образом, исходя из тенденций современного экономического развития в XXI в. перед Китаем в полный мере встает вопрос обеспечения спроса на энергоносители.

Для КНР существует три пути решения энергетической проблемы.

1. Разработка и эксплуатация имеющихся нефтяных и газовых месторождений в западной части страны. К ним относятся Таримский бассейн (СУАР), среднее течение р. Хуанхэ (провинции Шэньси, Ганьсу и Нинся-Хуэйский АР), Цайдамская впадина (пров. Цинхай), пров. Сычуань, Синьцзян. Это приведет к увеличению резервов энергоресурсов в стране, с помощью которых можно будет как регулировать цены на китайском внутреннем рынке энергоносителей, так и обеспечивать необходимый баланс потребления нефти в масштабах всей страны.

2. Частичная замена нефти каменным углем, природным газом и гидроэлектроэнергией в энергобалансе страны. Это связано с тем, что Китай располагает огромными прогнозными запасами угля и природного газа, а также гидроресурсов в западных районах страны — реки Янцзы, Хуанхэ и др. Кроме того, значительно расширилось потребление новых видов энергии — таких, как атомная энергия, и воспроизводимых видов энергии — ветровой и солнечной, а также использование малых ГЭС, гидро-термальной энергии, энергии морских приливов и отливов и др. По плану развития энергоресурсов Госсовета КНР, объем производства воспроизводимых видов энергоресурсов в 2005 г. должен был составить 13,0 млн т у.т., а его доля — 0,7% общего объема производства энергоресурсов, в 2010 г. — 25 млн т у.т. (1,25%), в 2015 г. — 43 млн т у.т. (2%) соответственно¹. Однако возможность использования воспроизводимых энергоресурсов на территории Китая неравномерна и находится в зависимости от местных условий. В одних провинциях более выгодно использовать солнечную энергию, в других — ветровую, а в ряде провинций — биоресурсы или геотермальные ресурсы, а также энергию морей и океа-

нов. Возможности использования воспроизводимых энергоресурсов в будущем в значительной степени связаны с развитием инновационной экономики и научно-технического прогресса в стране, созданием зон развития новых и высоких технологий и увеличением государственных расходов на развитие науки и техники.

3. Увеличение импорта нефти из-за рубежа. В настоящее время большая часть нефти по импорту поступает из различных стран мира. В 2006 г. на 1-м месте находилась Саудовская Аравия — 23,87 млн т, на 2-м — Ангола, 23,45 млн т, вытеснившая на 3-е место Иран — 16,77 млн т.; Россия вышла на 4-е место — 15,97 млн т, а Оман отступил на 5-е — 13,18 млн т².

Однако возможности России в решении китайской нефтяной проблемы пока невелики — примерно 10–15 млн т в год, так как объем экспорта нефти из РФ ограничен пропускной способностью Транссибирской железной дороги. В дальнейшем может произойти увеличение доли импорта нефти в КНР из Европы и стран Западного полушария за счет ввода в строй нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан с ответвлением на Китай из Сковородино, а также завершения строительства 2-й очереди нефтепровода из Казахстана в КНР с месторождения Кенкияк-Жаназол до уже вступившего в эксплуатацию нефтепровода Атасу—Алашанькоу.

В самом Китае ситуация с обеспечением энергоресурсами стала меняться после завершения строительства основного газопровода Запад—Восток (Тарим—Шанхай). Первое время после ввода этой трассы в эксплуатацию многие эксперты считали, что ее пропускная способность намного выше, чем возможности по заполнению трубы газовых месторождений на Северо-Западе Китая. Однако практика показала, что проблемы не с запасами природного газа, а с растущими потребностями восточных районов Китая в природном газе и относительно низкой пропускной способностью трассы. В этих условиях на сессии ВСНП в марте 2008 г. было принято решение не только о строительстве параллельного газопровода по трассе Запад—Восток (*сици дуншу*), но и о строительстве новой трассы газопровода из Синьцзяна. Новая трасса должна пройти через газоносные районы пров. Сычуань в одну из наиболее экономически развитых провинций — Гуандун, хронически страдающей от нехватки энергоресурсов, несмотря на бурный рост добычи. По мнению ученых Института нефтегазовой геологии и геофизики Сибирского отделения РАН, без реализации проекта «Алтай» по поставкам газа из Западной Сибири в Западный Китай энергообеспечение Китая не может быть надежным

в долгосрочной перспективе. Состояние и перспективы увеличения разведанных запасов газа в России позволяют значительно увеличить добычу газа в ее азиатской части, а месторождения Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока могли бы выступать главными источниками поставок газа в Китай¹. В этой ситуации сотрудничество в нефтегазовой сфере выгодно России и Китаю как крупнейшим производителям и потребителям энергии в Евразии, а организация крупномасштабных поставок нефти и газа будет способствовать укреплению долгосрочного стратегического партнерства между РФ и КНР.

На наш взгляд, Китай вполне может обойтись текущими запасами энергоносителей на территории страны с учетом огромных запасов каменного угля и других энергоносителей, программы экономии энергоресурсов, принятой в 2006 г., освоения воспроизводимых источников энергии для обеспечения высоких темпов развития экономики. К тому же Китай имеет сложившиеся к настоящему времени источники импорта энергоресурсов с Ближнего Востока, из России, стран Центральной Азии и Латинской Америки. В связи с вышеизложенным становится очевидным, что Китай в целом будет обладать необходимыми источниками энергии для обеспечения высоких темпов экономического роста.

¹ Подробнее см.: Чжунго нэнюань тунци няньцзянь–2006 [Китайский энергетический ежегодник – 2006], Пекин: ГСУ КНР, 2007. С. 62–63; 2007 Чжунго нэнюань фачжань баогао [Доклад о развитии энергоресурсов в Китае – 2007] /Ред. Ван Цзячэн, Чжао Чжилинь, Пекин: Шуйли шуйдянь, 2007. С. 13.

² 2007 Чжунго нэнюань фачжань баогао [Доклад о развитии энергоресурсов в Китае – 2007]/ Ред. Ван Цзячэн, Чжао Чжилинь, Пекин: Чжунго шуйли шуйдянь чубаньшэ, 2007. С. 4.

³ Чжунго нэнюань кэчисуй фачжань чжаньлюэ. Чжуаньти яньцзю [Стратегия устойчивого развития китайских энергоресурсов. Специальные исследования] (Strategic Research Report on China's Sustainable Energy Development)/ Отв. ред. Пэн Шэнху, Цянь Юйфэнь, Бу Синь. Пекин: Кэсюэ, 2006. С.88. URL:www.sciencerp.com.

Жигулева В.В.,
к. э. н., ИДВ РАН

РАСШИРЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО СПРОСА КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ УСКОРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ИМ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Мировой финансовый кризис к концу 2008 г. затронул экономику Китая, приведя к некоторому снижению производства, что проявилось в замедлении роста ВВП, хотя и в меньших масштабах по

сравнению с другими странами мира. В первую очередь сокращение производства отразилось на экспортно ориентированных отраслях. Сокращение объемов экспорта в развитые страны привело к закрытию сотен предприятий в разных районах страны. В ноябре 2008 г. экспорт впервые за последние 7 лет сократился на 2,8% по сравнению с октябрём. Еще значительнее оказалось снижение импорта — более чем на 20%. Существенная часть этого падения связана с параличом обрабатывающего производства, сырье для которого ввозилось из-за рубежа, но и внутреннее потребление в Китае также росло медленно. Буквально за месяц, по сравнению с августом 2008 г., экономическая ситуация в стране кардинально изменилась: инфляция, еще в марте достигавшая 10%, упала до 2,8% и грозит перерасти в дефляцию. С режимом плавного торможения ускорения развития экономики, только начавшим по-настоящему работать в начале 2008 г., покончено, китайское руководство вновь начало применять отмененные во 2-й половине 2007 г. — начале 2008 г. методы по ограничению роста экспорта.

В ноябре 2008 г. эксперты Всемирного банка опубликовали прогноз, что в 2009 г. темпы роста китайской экономики составят 7,5 %. По мнению большинства китайских экспертов, 8%-ный рост экономики является минимальным порогом для поддержания нужного уровня безработицы. 2 декабря 2008 г. АОН Китая опубликовала Голубую книгу по экономике на 2009 г., где отмечено, что прирост ВВП Китая в 2008 и 2009 г. составит 9,8 и 9,3% соответственно.

Китайские эксперты также учитывают, что в соответствии с большинством прогнозов неопределенность на мировых рынках, возможно, продлится до 2010 г. В докладе также отмечено, что в 2009 г. возникнут проблемы с поддержанием должного уровня безработицы, а цены на недвижимость в крупнейших городах Китая будут падать в связи с низким уровнем спроса на нее.

Анализируя экономическую ситуацию за 6 месяцев, с сентября 2008 г., можно сделать вывод, что кризис в основном коснулся экспортно ориентированного сектора экономики. 3-я сфера производства во многом стала кризисоустойчивым «островом» китайской экономики. В первую очередь это касается сферы образовательных и медицинских услуг.

За годы реформ в Китае трижды наблюдалось сокращение темпов прироста ВВП, сопровождаемое снижением совокупного индекса цен (1990—1992, 1997—1999 гг., с сентября 2008 г.); также за последнее десятилетие, с 1998 г., Китай в области экономики пережил 3 кризи-

са — 1998 г., 2004—2005 гг. и текущий кризис — с IV кв. 2008 г., которые существенно отличались как по причинам возникновения, так и по степени проявления по внешнеэкономической ситуации.

В начале 1990-х годов снижение темпов экономического роста было в основном вызвано началом перехода к новому этапу реформ и сменой их сценария, а также явилось результатом политических беспорядков в 1989 г.; сокращение индекса цен — результат искусственного «замораживания» цен и отказа от проведения обвальной либерализации цен.

Кризис 1997—1998 гг. характеризовался замедлением темпов прироста ВВП, снижением совокупных ценовых индексов, уменьшением темпов прироста денежных агрегатов, и хотя формально пришлось на развертывание азиатского финансового кризиса, фактически являлся реакцией китайской экономики на постепенный переход от планового распределения сырья и топлива к закупке и реализации их на рынке, т.е. на реформу системы распределения, которая была одним из завершающих элементов реформы государственных предприятий. В эти годы сохранялась определенная закрытость экономики, что позволило китайскому руководству существенно смягчить воздействие сокращения экспорта в страны ЮВА. В эти же годы начался значительный рост инвестиций крупных иностранных компаний в китайскую экономику, когда часть предприятий этих компаний переносилась на китайскую территорию. Фактически в эти годы закладывались основы стремительного роста китайской экономики в XXI в. Во второй половине 1990-х годов также осуществлялась реструктуризация сельского хозяйства. В результате гибкого применения закупочных цен на сельхозпродукцию возрастал уровень маркетизации сельского хозяйства, а также проводилось повышение его технического уровня — переход к современным агротехническим методам обработки земли и использованию новых элитных сортов зерновых. Китайское руководство в рамках активной финансовой политики, т.е. повышая объем государственных инвестиций в строительство объектов инфраструктуры, выравнивая уровень развития отдельных регионов страны и стимулируя потребление населения, преодолело кризис и стагнацию экономики.

Кризисные явления 2003—2004 гг. (их особенность в Китае — наличие этих явлений на фоне высоких темпов прироста ВВП) пришлось на начало фазы роста китайской экономики и переход от дефляции к росту цен, что было вызвано как ростом мировых цен на нефть, так и дисбалансом между спросом и предложением зерна. Рост цен

на продукты питания и переход потребления населения в городах на качественно новую ступень потребовали начала применения новых методов управления. Преодолению кризисных явлений способствовало расширение экспортоориентированного сектора, а также проведение китайским руководством новой политики в области сельского хозяйства (*саньхун*)¹.

К началу мирового финансового кризиса Китай находился на фазе подъема. В течение последних 5 лет китайская экономика росла более чем на 10% в год, существенно повысилась ее зависимость от мирового рынка. Китай, используя свои относительные преимущества, не только стал «мировой» фабрикой по снабжению многих стран мира потребительскими товарами, но и в результате расширения присутствия иностранного капитала в отраслях тяжелой промышленности является одним из важных в мире экспортеров продукции черной металлургии, машиностроения и электроники. В 2007 г. и в течение первых 3 кварталов 2008 г. на развитие китайской экономики влиял ряд схожих факторов, в числе которых следует отметить сохранение довольно высоких темпов роста мировой экономики и расширения масштабов иностранных инвестиций, продолжение роста цен на энергоносители и сельскохозяйственную продукцию.

В 2007—2008 гг. в стране практически во всех областях наблюдался перегрев. Инфляция имела структурный характер. Рост цен на многие товарные позиции был вызван как внешними, так и внутренними причинами. Среди причин внутреннего порядка следует отметить напряженность в соотношении между внутренним спросом и предложением, вызванную значительным разрывом между уровнем внутренних и мировых цен. Рост экспорта угля, кокса и продукции черной и цветной металлургии привел к повышению внутренних цен на данную продукцию. Аналогичная ситуация прослеживалась и в сельском хозяйстве, когда рост мировых цен на зерно превратил зерновое производство Китая в конкурентоспособное и вызвал стремительный рост экспорта зерна из Китая. Рост на 90% внутренних цен на зерно и мясо вызвал рост ИПЦ. В результате современных тенденций развития китайской экономики в дополнение к имеющейся диспропорции между развитием города и деревни, и следовательно уровнем доходов и жизни, появилась новая диспропорция — между техническим уровнем предприятий, ориентированных на удовлетворение внутреннего спроса или на экспорт. Замедление экономического роста в предыдущие два кризиса китайское руководство оперативно использовало для структурной перестройки отстающих в развитии секторов эко-

номики (транспорт и сельское хозяйство). Временная переориентация многих предприятий тяжелой промышленности на внутренний рынок должна стать основой для повышения общего технического уровня страны. Следует отметить, что вклад потребительского спроса в прирост ВВП Китая только в годы кризисов или стагнации начинает превышать вклад инвестиционного спроса. В 1990 и 1999 гг. вклад конечного потребительского спроса в рост ВВП составил 47,8 и 74,7% соответственно. Однако в течение 2003–2007 гг. доля конечного потребления постоянно возрастала, с 35,3 до 39,4%, что свидетельствует о повышении уровня жизни населения, переходе его потребления на качественно новый уровень, а также о расширении внутреннего спроса.

В качестве ответа на вызовы глобального финансового кризиса правительство КНР поставило задачу увеличить внутренний спрос, чтобы компенсировать потери от снижения экспорта для поддержания необходимого 8%-ного уровня роста китайской экономики. Для этого правительство 9 ноября 2008 г. опубликовало 2-летнюю программу по стимуляции экономики на общую сумму 4 трлн юаней. Другой мерой правительства стало сокращение личного подоходного налога. Кроме этого китайский центральный банк с начала сентября 2009 г. 4 раза понижал базовые процентные ставки по вкладам и кредитам. Однако существует ряд проблем, которые значительно ограничат эффективность мер, предпринятых китайским правительством: во-первых, данные меры, по всей вероятности, не смогут подтолкнуть китайцев, которые славятся самым высоким уровнем сбережений по всему миру (46%), тратить больше²; во-вторых, многие эксперты выразили свое беспокойство по поводу того, что данная программа может существенно увеличить долги правительства. Третья проблема связана с эффективным использованием средств. Предыдущий китайский опыт показал, что средства подобных крупных программ не всегда расходуются по назначению.

Следует отметить, что опубликованная антикризисная программа китайского правительства больше ориентирована на развитие инфраструктуры и поддержку тяжелой промышленности, нежели на прямое стимулирование внутреннего потребления населения. Предполагается адресная помощь группам населения с низкими доходами, однако данная акция должна осуществляться на средства бюджетов местных правительств, многие из которых остаются дотационными. В числе этих антикризисных мер не указано повышение низкого уровня системы социального обеспечения в КНР и ее совершенствование, что можно назвать в качестве основной причины низкого внутреннего

потребления. Что касается переориентации экспортных товаров на внутренний рынок, в первую очередь товаров длительного пользования и продукции электронной промышленности, то согласно китайской статистике, спрос в городах на телевизоры, стиральные машины, холодильники практически удовлетворен. В числе основных «горячих точек» потребления по-прежнему остаются автомобили, компьютеры и объекты недвижимости, покупка которых невозможна без расширения системы потребительского кредита. Китайское руководство ориентируется на рост потребления на селе.

Можно сделать вывод, что дальнейшее развитие китайской экономики осложнено не столько проблемами внутреннего развития КНР, сколько неопределенностью на мировых рынках. В начале 1990-х годов вследствие ускорения проведения реформ, которое негативно встречено населением, китайское правительство было вынуждено ввести ряд ограничений, что привело к замедлению темпов роста китайской экономики. Затем был азиатский кризис 1997 г. В обеих ситуациях китайское правительство смогло найти правильные решения проблем. Однако нынешняя кризисная ситуация отличается от предыдущих тем, что сегодня китайская экономика тесно связана с мировой экономикой и в результате больше зависит от нее. Пока трудно сделать вывод о продолжительности мирового финансового кризиса в целом и в Китае в частности. Замедление темпов роста китайской экономики в конце 1990-х годов продолжалось 16 месяцев и было приостановлено только после непосредственного повышения на 30–40% уровня заработной платы в госсекторе и пенсий. Наиболее «кризисные точки» пришлось на 4-й, 10-й и 13-й месяцы после начала азиатского финансового кризиса. В настоящее время в результате ряда принятых правительством мер экономика Китая довольно успешно преодолела первую кризисную точку. Однако китайское правительство комментирует ситуацию I квартала 2009 г. довольно сдержанно и считает, что выводы о конкретных тенденциях развития кризиса можно сделать не раньше августа–сентября 2009 г.

¹ Трудно дать оценку реального роста китайской экономики в 2004 г., так как в результате проведения 2-й экономической переписи все данные были существенно пересмотрены. Так, величина ВВП была повышена более чем на 17%.

² В 1998–1999 гг. существенное снижение потребительских цен не вызвало значительного роста потребления. Опросы покупателей в 70 крупных и средних городах показали, что одной из причин неосуществления покупок были ожидания дальнейшего снижения цен. В 2007–2008 гг. норма сбережений китайского населения составила 50% совокупного объема банковских депозитов (20 трлн юаней).

ПРОЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КНР

Введение. Успех китайской модели осуществления структурных реформ на переломе 20-го и 21-го столетий стал вечным укором российской практике. Парадигмы государственного управления, отображая баланс важнейших потребностей и возможностей общества и власти, оказывают мощное системообразующее воздействие на управленческую практику корпораций и проектов [1].

Транзит через глобализацию. По окончании холодной войны КНР и Россия решали сходные задачи транзита экономик, вхождения в мировой порядок. Евроатлантическая глобализация пока не смогла поглотить двух гигантов, поэтому встал вопрос о различии «либерального» и «авторитарного» капитализмов. Последний реализуют Россия и Китай, бросая тем самым вызов западной цивилизации. Оценки этого вызова в западном восприятии принимают порою обостренный характер.

«Теперь противниками свободного мира являются не мелкие диктатуры на Ближнем Востоке, а великие автократические державы Китай и Россия, которые все активнее сопротивляются либерализации... Вывод о том, что Китай и Россия «страшнее» «Аль-Каиды», кажется абсурдным. Однако... определение достойного идейного противника для Запада позволяет наметить новую линию глобального противостояния, намного более простую и доходчивую, чем борьба с размытой угрозой «международного терроризма» [2].

Провал тотальной интеграции закономерен. Несмотря на многовековую цивилизационную экспансию Запада, КНР и Россия еще не утратили вкуса к суверенитету, что подтверждается и в области проектного менеджмента.

Китайский опыт интеграции в мировой проектный менеджмент. Управление проектами в Китае берет свое начало в древности, что подтверждается рядом выдающихся строительных проектов (Великая Китайская стена, Великий канал, Запретный Город). Современные методики и инструменты проектного менеджмента стали известны в Китае в 1960-х годах, когда Китай запустил свои программы по ядерному оружию и разработке спутников [5]. Оборона, аэрокосмическая сфера, наука и строительство были первыми областями в Китае, где

были применены современные методики проектного управления. Главенствующую роль в продвижении проектного управления в Китае сыграло Министерство строительства (МОС) [5].

К концу 1995 г. уже 140 образовательных учреждений были аккредитованы МОС, которое сертифицировало в общей сложности более 500 000 менеджеров проектов. Начиная с 1 июля 1996 г. все кандидаты на позиции проектных менеджеров должны быть сертифицированы [5].

Управление проектами уже не ограничивается только сферой строительства, но применяется и в других экономических секторах Китая. Всемирный банк предложил ряд обучающих программ, нацеленных на улучшение проектного управления в стране, с тех пор как начал выдавать кредиты в Китае в 1980-х годах [5].

В Китае активно работают национальные ассоциации и отделения мировых организаций IPMA и PMI, тысячи человек имеют соответствующие сертификаты.

Постепенно китайские ученые и практики начали осознавать, что международный опыт и знания в этой сфере должны быть видоизменены под особенные условия и характеристики Китая. В 2001 г. был запущен проект создания документа, учитывающего современные экономические и социальные условия Китая. Финальный документ, C-PMBOK, был опубликован в апреле 2002 г. [5].

Китайские исследователи активно ищут различные пути для продвижения современных теорий проектного менеджмента с начала 1990-х годов. Исследовательский комитет проектного менеджмента был сформирован в июне 1991 г. В 2001 г. IPMA разрешил Комитету проводить сертификацию в Китае. Для этих целей была создана компания под названием Xi'an Huading Ltd. Кроме того Комитет создал местный NCB (National Competence Baselines) для Китая под названием «Cs-PMBOK». В стране создано 53 авторизированных провайдера образовательных услуг. Более 10 000 IPMP-сертификатов выдано с 2001 г. [5].

Поскольку сертификации PMP® и IPMA основаны на опыте западных стран, была внедрена собственная система сертификации профессиональных проектных менеджеров в Китае. Для этого в сентябре 2002 г. Министерство труда и социальной безопасности объявило о создании Национальных стандартов для профессионалов проектного управления, которые составляют основу сертификации CPMP [5].

Первый национальный экзамен на CPMP-сертификацию был проведен в декабре 2003 г. Это 4-уровневая система, где человек, учитывая его опыт и знания, может быть сертифицирован как Клерк проектного менеджмента, Ассистент проектного менеджмента,

Профессионал проектного менеджмента, Старший профессионал проектного менеджмента [5].

По мнению китайских специалистов, основные причины для модификации западных методов ведения проектов включают: языковые и культурные различия, финансовые институты, государственное управление, инфраструктуру логистики, защиту интеллектуальной собственности.

Управление проектами не было одобрено Министерством образования Китая как самостоятельная дисциплина до 2003 г. В конце 2003 г. Университет Tsinghua и Университет Beihang (Пекинский университет науки и технологии в аэронавтике и астронавтике) были впервые лицензированы министерством для проведения программы М.Енг (Управление проектами).

Сейчас существует множество частных компаний, предоставляющих услуги в сфере обучения проектному менеджменту. Некоторые иностранные университеты, в большинстве своем из США, Австралии и Великобритании, также стали предоставлять высшее образование в Китае по направлению «Управление проектами» начиная с 2001 г. Для этого иностранный университет должен подписать соглашение о сотрудничестве с местным университетом и получить разрешение из Министерства образования и DCSC [5].

Результаты, если судить по итогам экономического развития КНР в начале XXI в. и в период глобального кризиса, впечатляющие.

Сегодня китайская экономика стала 3-й по величине в мире, обойдя германскую. В то же время многие специалисты предпочитают для сравнения экономик разных стран считать ВВП по паритету покупательной способности, при котором учитывается разница в ценах. По данному показателю Китай уже несколько лет идет на 2-м месте со значительным отрывом от занимающей 3-ю позицию Японии [6].

Результаты по итогам конкурса IPMA (International Project Excellence Award) великолепные. С 2005 по 2008 г. среди 36 финалистов со всего мира 8 финалистов было из КНР, а в их числе — 5 призеров и 2 победителя конкурса!

Заключение. Успешное противостояние Китая глобальному финансово-экономическому кризису подтверждает эффективность усвоения мирового опыта управления экономикой и проектами через фильтр национальных интересов и традиций, национальной стратегии и суверенитета. Аналогичный подход положен в основу Евразийского стандарта управления проектами, благодаря чему он может стать не просто инструментом для решения прикладных задач

управления проектами, но средством эффективного развития диалога культур и цивилизаций [3, 4].

1. Евразийский путь управления проектами: Отчет об исследовании. ЕЦУП-2008. URL: http://www.epmc.ru/docs/report_080725.html
2. Ломанов А.В. Транзит без пункта назначения// Россия в глобальной политике. 2008. № 2.
3. Палагин В.С. Диалог культур и цивилизаций: роль китайской философии в развитии проектного менеджмента в Евразии/ Доклад на XV конференции «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». ИДВ РАН, 19.05.2009.
4. Палагин В.С. Стратегия развития национальных моделей проектного менеджмента для России: доклад для конференции ИНИОН. URL: http://www.epmc.ru/docs/Doklad_Strategiya%20razvitiya%20natsional'nyh%20modelei%20proektnogo%20menedzhmenta%20dlya%20Rossii.pdf
5. Из истории проектного менеджмента в Китае. URL: <http://www.pmexpert.ru/library/rpm-world/detail.php?ID=1413>
6. Соб. инф.; Китайская экономика вышла на 3-е место в мире // Аргументы недели. 14.01.2009. URL: <http://www.argumenti.ru/news/news/8062>

Наумов И.Н.,
д. э. н., ИДВ РАН

КНР: ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ К ИННОВАЦИЯМ

За 60 лет своего существования КНР по экономической мощи из самых отсталых и беднейших стран поднялась на уровень самых высокоразвитых стран мира. Ныне по производству ВВП (по ППС) КНР занимает 2-е место в мире после США. В 2008 г. этот показатель составил 70% по отношению к ВВП США; в мировом ВВП на долю КНР пришлось 15, на долю США — 22%. Китай вышел на 2-е место в мире по объему внешнеторгового товарооборота (2,56 трлн долл.), а также по объему золотовалютных резервов (около 1,9 трлн долл.). Этот взлет в Китае стал возможным в результате победы народно-демократической революции под руководством КПК и реализации курса на строительство социализма с китайской спецификой.

Вместе с тем создание в КНР в годы реформ монетарной экономики и ее подъем невиданными темпами сопровождалось огромными издержками для китайского общества в виде разрушения окружающей среды, деградации земельного фонда, загрязнения водного бассейна, атмосферы, истощения природных ресурсов. Причиной всему стал ресурсорасточительный экстенсивный рост.

Поэтому, оценив сложившуюся обстановку в свете предложений, принятых на Генеральной Ассамблее ООН в 1992 г. в Рио-де-Жанейро,

о необходимости перехода с экстенсивной модели роста на интенсивную, основанную на экономике знаний и инновациях, руководство КНР приняло этот тезис для использования применительно к условиям Китая. Под инновациями понимается создание на основе науки новой техники, новых и высоких технологий для глубокой переработки природного сырья и материалов и увеличения в продукте доли добавленной стоимости за счет эффективного использования интеллектуальных ресурсов и повышения качества производимого продукта. Важным направлением инноваций является развитие экологически чистого, безотходного производства.

Переход к инновационному периоду развития начался с утверждения в марте 1996 г. на сессии ВСНП плана—прогноза развития экономики на 15 лет (1996—2010 гг.). Главными положениями, заложенными в этом плане, являются: обеспечение относительно высокого экономического роста, возрождение Китая на основе образования и науки, реализация двух стратегических переходов — перехода к системе социалистической рыночной экономики и перехода от экстенсивного способа роста к интенсивному.

Как было заявлено на XVII съезде КПК (октябрь 2007 г.), ядром национальной стратегии и ключом к повышению комплексной государственной мощи является *преобразование Китая в государство инновационного типа*.

Первым шагом в данном направлении стало принятие Закона об инновационной политике КНР, определяющего правовое и финансовое обеспечение этого процесса. В соответствии с разработанной программой к 2010 г. в Китае должна быть сформирована национальная система создания и реализации инноваций. В результате этого — до 2020 г. Китай по 11 основополагающим направлениям научно-технического прогресса должен выйти на мировой уровень, а по 3—5 позициям в каждом направлении занять лидирующее место в мировой науке. По планам китайского правительства, к 2050 г. в стране должна быть создана «экономика знаний». Для организации единого управления в данной сфере в Китае создан Государственный комитет по разработке национальной инновационной системы. К основным направлениям деятельности Комитета относятся:

- координация и управление НИОКР;
- разработка стратегии и направлений развития технологий и научных исследований;
- развитие технологий и инновационной деятельности;

- формирование рынка инновационного капитала и информационно-консультационных услуг;
- обеспечение инновационной экономики высококвалифицированными кадрами;
- совершенствование нормативно-правовой базы защиты прав на интеллектуальную собственность¹.

Поставив перед собой эту задачу, КНР непрерывно увеличивает ассигнования на развитие инновационных технологий. Китайские фирмы, при широком участии правительства в качестве соинвестора, активно вкладывают средства в развитие современных технологических процессов и их внедрение в производство. Предпринимаются усилия для создания национального контингента инженеров и научных сотрудников. По оценкам аналитиков Европейского союза, в ближайшие годы доля расходов на исследовательские программы КНР в общем объеме ВВП будет значительно выше, чем в ЕС.

В опубликованных в феврале 2006 г. «Основных положениях государственного плана средне- и долгосрочного развития в области науки и техники (2006—2020 гг.)» отмечается «заметное усиление способности к самостоятельной инновационной научной деятельности». В связи с этим делается прогноз, что «...к 2020 г. доля капиталовложений в научные исследования в валовом внутреннем продукте Китая возрастет до 2,5%; более чем до 60% вырастет коэффициент вклада науки и техники в экономику; до 30% снизится внешняя техническая зависимость»². При сохранении намеченных темпов роста объемов финансирования НИОКР Китай к 2020 г. может войти в число государств инновационного типа, к которым относятся, в частности, США, Япония, Республика Корея.

На XVII съезде КПК была дана расширенная трактовка инновации применительно к условиям Китая. Были определены 3 главные цели и 8 направлений ее проведения. В числе целей значились:

- преобразование модели роста (переход с экстенсивной ресурсозатратной на интенсивную ресурсосберегающую модель);
- создание новой социалистической деревни;
- всестороннее развитие человека.

В числе главных направлений достижения этих целей намечается: 1) в процессе преобразования экономики делать упор на развитие собственной научной школы и создание собственных инноваций; активно готовить ученых, инженеров, конструкторов и т.д. мирового уровня; 2) преобразовать крупномасштабную экономику в мощную по наукоемкости и эффективности, что предполагает создание системы современных предприятий, способных конкурировать с зарубеж-

ными ТНК; 3) осуществлять курс на гармоничное развитие города и деревни, перевод сельского хозяйства на индустриальные рельсы, урбанизацию села и подъем крестьянства по уровню образования и профессионализма на уровень требований современного общества; обеспечить продовольственную безопасность; 4) обеспечить всеобщую экономию природных ресурсов и экологически чистое производство; воспитывать население в духе экономии ресурсов и заботы об окружающей среде; 5) стимулировать гармоничное развитие регионов, нацеленное на их интеграцию в масштабе страны, создание единого народнохозяйственного комплекса и единого национального рынка; 6) укреплять основную экономическую систему как многоукладную при доминировании общественной собственности; 7) совершенствовать стимулирующую роль финансовой системы, включая налоговую, банковскую, кредитную, страховую системы; 8) всемерно активизировать использование мировой экономики, мировых стратегических ресурсов, мировой науки для подъема экономики КНР.

План экономического и социального развития КНР на 2009 г. разрабатывался с учетом сдерживающего отрицательного воздействия на экономику страны мирового финансового кризиса.

В числе осуществляемых правительством антикризисных мер, направленных на стимулирование экономического роста, — расширение внутреннего спроса при одновременном ускорении процесса формирования национальной системы создания и реализации инноваций. При этом намечается ряд крупных маневров в движении денежных потоков. Одним из них является снижение налогов на предприятия, в том числе НДС, с целью способствовать накоплению средств для модернизации производства. В связи с ожидаемым снижением финансовых доходов и увеличением расходов запланирован дефицит центрального бюджета в размере 750 млрд юаней, что на 570 млрд юаней больше, чем в 2008 г. Одновременно предусмотрен выпуск Минфином КНР местных займов на общую сумму 200 млрд юаней, которые будут зачислены в провинциальные бюджеты³. Объем госбюджета в 2009 г. предполагается сохранить на уровне 2008 г. (около 6,1 трлн юаней). Для оживления рынка количество денег в обращении (M_0) предполагается увеличить на 17%, а инвестиции в основные фонды — на 20%.

В реальном секторе экономики предполагается осуществление специальной программы по поддержке 9 ключевых отраслей промышленности: черной и цветной металлургии, судостроения, автомобилестроения, станкостроения, нефтехимической, легкой, текстильной промышленности, электронно-информационной отрасли.

В развитии инноваций большое значение для Китая сохраняет научно-техническое сотрудничество с Россией. В ближайшей перспективе стороны намерены с учетом приоритетных направлений развития науки, технологий и техники двух стран реализовывать совместные проекты с наибольшим инновационным потенциалом и коммерческими перспективами; в их числе такие перспективные сферы, как нанотехнологии, авиастроение, энергетика, информационно-коммуникационные технологии, энергосбережение, экология, рациональное природопользование⁴.

Итоги развития экономики КНР в I кв. 2009 г. в результате мирового финансового кризиса оказались хуже, чем в предыдущие годы. В частности, рост ВВП по сравнению с I кв. 2008 г. составил всего 6,1 вместо ожидаемых 8%, в том числе: в агросфере — 3,5%, в промышленности и строительстве — 5,3, в сфере услуг — 7,4%. Внешний товарооборот сократился на 25%, в том числе экспорт на 19, импорт — на 30,9%. Приток прямых иностранных инвестиций составил почти 22 млрд долл. и был на 5 млрд долл. ниже, чем в 2008 г.

Вместе с тем мировой финансовый кризис не привел к снижению объема и темпов роста финансирования научно-технических инновационных программ КНР, которое по-прежнему остается приоритетным. Если в 2008 г. ассигнования из центрального бюджета на эти цели составили 116,3 млрд юаней (годовое увеличение 16,4%), то на 2009 г. данный показатель предусмотрен в сумме 146,1 млрд юаней, что на 25,6% выше показателя 2008 г.⁵

¹ www.cskp.ru.

² <http://www.cskp.ru/clauses/45/1980>

³ russian.china.org.cn. 13.03.2009.

⁴ www.viperson

⁵ russian.china.org.cn. 13.03.2009.

Карлинская Е. В.,
*ООО «ИннИТ»,
Генеральный директор*

ОПЫТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НОВОГО КИТАЯ

Введение. Изучая опыт развития современного Китая, нельзя оставить без внимания историю его инновационного прорыва. В настоящее время Китай производит более 34% инновационной продукции в мире, тогда как Россия — не более 1%. Тема китайского успеха актуальна не только по причине добрососедства, дружбы, взаимовыгод-

ного сотрудничества и стратегического взаимодействия между нашими странами. Для России и стран Евразии опыт Китая очень полезен в методологическом и геополитическом смысле, особенно сейчас, когда на первый план выходят вопросы антикризисного и инновационного развития.

Общность и отличия подходов к инновационному развитию. Понимание инноваций динамично меняется. Даже само официальное определение менялось в течение последнего столетия не менее десятка раз — от понимания инновации как инструмента управления бизнесом до мощного фактора и эффективного рычага развития и саморазвития общества и его отдельных сфер деятельности в условиях мирового финансового кризиса [3]. Модели управления инновациями различны для разных стран. Так, для США это мировое господство и инновационное лидерство, страны Евросоюза в первую очередь рассматривают решение вопросов благополучия и процветания своих народов, Китай предлагает ставить во главу угла национальные интересы, последовательное решение конкретных задач развития страны и повышение благосостояния народа на основе железной дисциплины.

На рис. 1 показаны основные подходы в понимании инновационного развития, общность и отличия восточных, западных и отечественных подходов к управлению инновациями.

Ошибки инновационного развития России. До сих пор инновации часто принято рассматривать исключительно в плане продуктов и технологий. При этом, однако, начисто забывают, что одновременно с ними развивались управленческие, социальные инновации, инно-

Рис. 1. Подходы к инновационному развитию в мире

вации бизнес-моделей, маркетинговые инновации и др., что современные инновации – это спектр действий. Когда в рамках UNIDO и OECD разрабатывались инновационные стратегии «догоняющих» стран, эти организации добивались не их лидерства и процветания, а максимально эффективного развития и использование инновационного потенциала для собственного блага. К сожалению, в 1990-х годах именно этим путем пошла Россия.

Разрушив собственную инновационную систему, которая обеспечивала ей лидерство во времена СССР, она начала полностью интегрироваться и механически копировать предлагаемые европейские и американские модели для развивающихся стран и стран Латинской Америки в отрыве от особенностей развития России. История уже показала, что это является наиболее простым и наименее успешным путем, который обрекает страну на роль аутсайдера, плетущегося в хвосте мировой цивилизации и обслуживающего чужую экономику. Этот путь отбросил Россию на несколько десятилетий назад. Поэтому сейчас, в период жесточайшего за всю мировую историю кризиса, осознав наконец безальтернативность инновационного пути, необходимо понять, на каком уровне развития мы находимся, разработать собственный путь ускоренного инновационного развития [1]. Опыт Китая является для нас и укором, и упреком и требует настоящего изучения и анализа для создания собственного эффективного инновационного пути развития.

Основные особенности инновационного развития Китая. Свои реформы Китай начинал в значительно худших условиях, чем Россия, и его экономическое положение было тогда намного слабее. Но уже в 2007 г. ВВП Китая по паритету покупательной способности стал вторым в мире после США [2]. Даже сейчас, в период мирового кризиса, китайская экономика демонстрирует стабильность и рост инноваций. В чем же секрет китайского чуда развития инноваций?

Понимание собственного национального пути. Китай никогда не принимал на веру советы стран Запада, все действия производились в соответствии с собственными интересами и собственной моделью развития. При взаимодействии с такими международными авторитетами, как UNIDO и OECD, Китай отстоял выгодные ему условия в соответствии со своей моделью развития.

Страны – нелидеры инноваций должны сначала внедрить организационные и управленческие инновации. В Китае не пошли путем подражания и копирования традиционной модели опыта развития инноваций в США и Европе, а в течение многих лет внедряли одну за

другой инновации в организационной и кадровой политике, в государственном управлении и культуре. Инновации в области управления полностью отвечали национальной и социально-экономической специфике на данном этапе развития, и внедрение осуществлялось как плавный переход от старых, привычных способов управления к новым. Примерами таких инноваций являются переход от сельских народных коммун к семейному подряду, создание специальных зон и «двухколейной» системы в экономике, консультативная демократия в политике. Это позволило КНР создать необходимую инфраструктуру для развития, а потом уже осуществлять это развитие, избегая традиционной утечки собственных продуктовых инноваций на Запад.

Имидж безобидного плагиатора для увеличения китайского экспорта, создания рабочих мест и привлечения иностранных инвестиций. Если другие страны Юго-Восточной Азии, например, Япония и Республика Корея, быстро осваивали импортируемые технологии и создавали на их базе собственные продукты, то Китай до последнего времени использовал их напрямую, всячески доказывая, что конкуренты могут не опасаться. Эта политика позволила создать огромное количество рабочих мест, обеспечить для китайского экспорта рынок сбыта в общемировом масштабе, сделать Китай крупнейшим держателем золотовалютных резервов. Были созданы фантастические условия для инвесторов: только за 30 лет реформ КНР привлекла в свою экономику 860 млрд долл. прямых иностранных инвестиций. За это же время было создано 650 000 предприятий с иностранным участием, которые устранили зависимость ряда отраслей экономики от импорта и стали ведущими поставщиками продукции на мировой рынок. В настоящее время Китай вышел на первые позиции по поставке высокотехнологичной машиностроительной продукции, обеспечив 500%-ный рост экспорта промышленных товаров от уровня 2002 г. Этот прогресс явился результатом соответствующей экономической политики поддержки экспорта, который заслуживает серьезного изучения в России.

Минимальные затраты на инновации. Благодаря созданному имиджу и обеспечив огромное количество рабочих мест и мировой экспорт, Китай создал необходимую инфраструктуру силами других стран. С 2006 г. инновационная политика КНР начала ориентироваться на создание собственных технологических инноваций. Сегодня по количеству исследователей Китай приближается к США. На его долю приходится 14,% научных сотрудников мира (в США — 22,8, Японии — 11,7, в России — 8,9%). Число дипломированных специа-

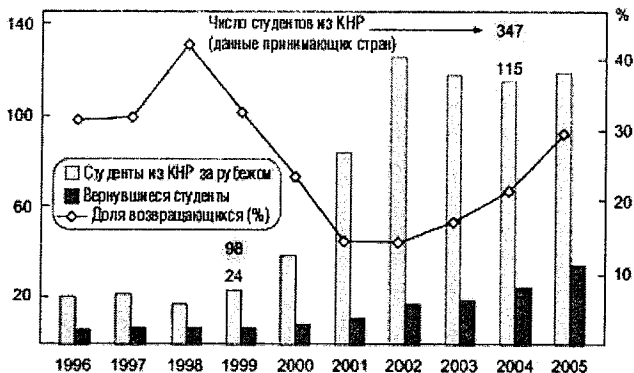

Рис. 2. Динамика возвращения студентов из КНР, получивших образование за рубежом.

листов в области информационных технологий ежегодно прирастает в 5 раз быстрее, чем на Западе. На рис. 2 [4] показано, что Поднебесная стимулирует возвращение студентов из КНР, получивших высшее образование за ее пределами.

Использование кризиса для поддержки инновационного развития. Мировой кризис — время, когда многие готовы продать, чтобы выжить. Пользуясь кризисом, Китай скупает технологии и создает инновационные центры по всему миру, продолжая развития инновационных технологий внутри страны. Таким образом, максимально используя кризис, Поднебесная ускоряет построение и развитие национальной инновационной системы.

Заключение. Китай преподнес миру блистательный урок стратегии инновационного развития страны, не имеющей, казалось бы, никаких шансов на инновационное лидерство в мире.

1. Евразийский стандарт управления проектами (корпоративная версия). Расширение для инновационных проектов, версия 2, ЕЦУП, ИнНИТ, 2009. URL: http://www.rpm-consult.ru/pdf/ESUP_K_Innovation_080922.pdf.
2. Инновации в Китае — развивать и покупать // ChinaPro. URL: <http://is.park.ru/doc.jsp?urn=19870940>.
3. Карлинская Е.В., Катанский В.В. Эволюция управления инновациями: идеи, методы, инструменты. Общий обзор. URL: <http://www.rpm-consult.ru/pdf/article11.pdf>.
4. Стерлизов И. Инновационные системы стран БРИК: Китай. URL: <http://www.sibai.ru/content/view/1338/1487/>

ШЕСТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ НОВОГО КИТАЯ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ЧАСТНОГО КАПИТАЛА

На исторически не таком уж продолжительном 60-летнем пути развития Китайская Народная Республика накопила немалый опыт социально-экономических преобразований, среди которых особое место занимает опыт взаимодействия государства и частного капитала.

1. Первое обращение к необходимости такого взаимодействия имело место сразу после образования КНР в 1949 г., когда основным принципом экономического строительства в стране было названо «развитие производства на основе политики учета как общественных, так и личных интересов, выгод, как труда, так и капитала».

В целях ликвидации послевоенной разрухи в экономике и наведения порядка в промышленности и торговле задача на ближайшие три года была сформулирована в 1950 г. правительством КНР таким образом, чтобы «эффективно и должным образом улучшить отношения между государственным и частным секторами и между трудом и капиталом», с тем чтобы различные общественно-экономические уклады под руководством государственного сектора могли при наличии разделения труда и сотрудничества играть подобающую им роль в целях содействия восстановлению и развитию всей экономики страны.

Мнение тех, кто считал возможным «преждевременно ликвидировать капитализм и ввести социализм», было названо ошибочным и не соответствующим обстановке в стране.

Таможенная и внешнеторговая политика народного правительства стала важным и действенным орудием в деле охраны развития национальной промышленности нового Китая. Благодаря ей сырьевые ресурсы страны шли в первую очередь на удовлетворение нужд собственной промышленности. Тем самым было устранено самое большое препятствие, которое на протяжении предыдущего столетия тормозило развитие предприятий национальной буржуазии страны.

Правительство не стало запрещать частным лицам создавать любые предприятия, если они приносили пользу национальному благосостоянию и шли на регулирование отношений между рабочими и предпринимателями с помощью трудового законодательства, заключения коллективных договоров, создания совещательных органов и т.п.

В целях ускорения восстановления сельскохозяйственного производства были внесены изменения в политику по отношению к

кулачеству: от политики реквизиции земельных и имущественных излишков перешли к политике сохранения кулацких хозяйств, старались оградить интересы середняка и лиц, сдающих в аренду мелкие земельные участки.

2. Вопрос о необходимости взаимодействия государства и частного капитала не утратил своей актуальности после завершения восстановительного периода в КНР и начала преобразований отношений собственности в годы 1-й пятилетки. Дело в том, что принятая в 1953 г. генеральная линия КПК на переходный период ставила задачу в течение 15 лет осуществить не только индустриализацию страны, кооперирование сельского хозяйства и кустарного производства, но и преобразовать капиталистическую промышленность и торговлю. В истории нового Китая этот процесс стал известен как политика «использования, ограничения и мирного преобразования» частнокапиталистической собственности путем направления необходимого до известной степени и на известный срок развития капитализма в русло госкапитализма.

Превращение капиталистического сектора в госкапиталистический шло в КНР путем развития госкапитализма от низших форм к высшим (низшая форма — закупка государственными предприятиями продукции частных предприятий; средняя форма — предоставление государством заказов частным предприятиям на переработку сырья и производство готовой продукции, которую те обязаны были сдать государству в определенный срок, в определенном количестве, отвечающую определенному качеству и в установленном ассортименте; высшая форма госкапитализма — смешанные государственно-частные предприятия, имеющие совместные государственно-частные капиталовложения и управляемые командированными государством кадровыми работниками совместно с капиталистами).

Хотя этот процесс перехода был рассчитан на 3 пятилетки, после того, как со второй половины 1950-х годов руководство КНР пошло на принципиальный пересмотр сроков преобразований — в сторону их чрезвычайного ускорения, — всего за несколько месяцев 1955—1956 гг. было осуществлено поотраслевое преобразование капиталистической промышленности и торговли, а сюжет госкапитализма в КНР фактически сошел «на нет».

3. Особенностью государственно-капиталистического сектора КНР на этапе рыночных реформ, в отличие от периода 1950-х годов, стало то, что если тогда он использовался для мирного преобразования капиталистической собственности, то теперь он не направлен на

преобразование капитализма, а является следствием развития многоукладности в ходе реформы отношений собственности, — неизбежным атрибутом «открытой политики» и поощряется в целях привлечения передовой зарубежной техники и технологии, управленческого опыта, поставленных на службу модернизации народного хозяйства страны.

И, тем не менее, общим для всех периодов, во время которых КНР обращалась к активному взаимодействию государства с частным капиталом, является осознание руководством страны необходимости «мобилизации всех активных факторов», имеющихся в стране, для выхода из наиболее трудных ситуаций и решения непомерно сложных проблем для достижения реального социально-экономического прогресса, а также использование самых разнообразных форм и самых гибких методов взаимодействия для того, чтобы пополнить финансовые и материально-технические ресурсы Китая. Непременным условием такой политики остается макрорегулирование и макроконтроль, с тем чтобы взаимодействие с зарубежными и выросшими в ходе рыночных преобразований собственными капиталистами не наносило ущерба национальным интересам государства.

Карлусов В.В.,
д. э. н., ИДВ РАН,
МГИМО (У) МИД России

КИТАЙ: ВЛАСТЬ, БИЗНЕС И БОРЬБА С МИРОВЫМ КРИЗИСОМ*

В марте 2009 г. в Китае состоялась очередная, 2-я сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 11-го созыва. В докладе премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао о работе правительства, а также на пресс-конференции по окончании сессии¹ констатировались существенные трудности в функционировании китайской экономики, которые «резко возросли в силу натиска международного финансового кризиса». В частности, в IV кв. 2008 г. произошёл спад темпов экономического роста, ощутимо замедлилось промышленное производство², сократился спрос на энергоресурсы, сырьё, транспортные услуги, дорогостоящие виды потребления, в частности товарное жильё и автомобили³, снизился объём внешней торговли⁴, возросли хозяйственные трудности предприятий, связан-

* Подготовлено при поддержке РФНФ, проект № 08-02-00346а.

ные с сокращением заказов, объемов сбыта и прибыли; обострились проблемы в сфере трудоустройства⁵. Все это в совокупности нанесло «серьезный урон жизни и имуществу населения», ощутимо замедлило рост финансовых доходов государства⁶.

В связи с указанными проявлениями кризиса Вэнь Цзябао подчеркивал необходимость взять за основу работы китайского правительства в 2009 г. «противодействие глобальному финансовому кризису и стимулирование устойчивого и относительно быстрого развития экономики», обеспечить «повышение вариативности и практической результативности мер макрорегулирования и макроконтроля», с помощью которых можно было бы «в максимально короткие сроки остановить тенденции спада роста экономики и обеспечить ее устойчивое и относительно быстрое развитие».

Озвученный китайским премьером и другими официальными лицами правительственный план по борьбе с кризисными явлениями в национальной экономике состоит из нескольких взаимосвязанных направлений, часть из которых фактически уже реализуется начиная с сентября 2008 г. Основные из этих направлений целесообразно сгруппировать следующим образом.

- *Реальный сектор*: реализация программы перегруппировки, стимулирования и подъема наиболее важных производственных отраслей, включая экспортоориентированные и внутриориентированные импортозамещающие; активизация дальнейшего развития производственной и транспортной инфраструктуры; развитие малого и среднего предпринимательства (МСП).

- *Инновационная система*: активизация государственной научно-технической политики; поощрение развития самостоятельных инноваций со стороны предприятий различных форм собственности.

- *Финансовая сфера*: масштабное увеличение объема государственных инвестиций; облегчение налогового бремени предприятий и населения⁷; стабилизация и устранение диспропорций товарных цен, в том числе «ценового разрыва» с мировым рынком; финансовая помощь МСП; поддержка в восстановлении и стабилизации экспорта; расширение и ввод в действие бюджетной системы хозяйствования за счет госкапитала на центральном и, частично, — местном уровнях; увеличение объема выпуска облигаций госзаймов; совершенствование и ужесточение методов финансового контроля за использованием бюджетных средств.

- *Социальная сфера*: расширение внутреннего спроса, в том числе за счет увеличения занятости, борьбы с безработицей; строительство

доступного жилья; развитие комплексных социальных программ и общее повышение уровня социального обеспечения населения; сокращение диспропорции между развитием экономики и социальной сферы.

Конкретизируя некоторые из указанных направлений, следует подчеркнуть, в частности, что на борьбу с кризисом и расширение внутреннего потребления в конце 2008—2010 г. правительство Китая планировало выделить в целом 4 трлн юаней (около 586 млрд долл.). Причем основная часть этих средств должна быть профинансирована из центрального бюджета, часть — из местных бюджетов (провинциального и окружного уровней), часть — из собственных средств предприятий государственного и частного секторов экономики.

Уже в конце 2008 г. — I кв. 2009 г. планировалось выделить 1 трлн 180 млрд юаней (172,8 млрд долл.) из указанного выше общего объема средств.

Расширение совокупного внутреннего спроса в Китае рассчитывается обеспечить за счет: временного увеличения доли государства в общенациональных расходах; общего повышения уровня жизни населения; увеличения дотаций крестьянам и городскому населению с низкими доходами; обеспечения роста спроса в сфере услуг за счет развития торговой сети и сетей коммунально-бытового обслуживания населения в городских микрорайонах и деревне; совершенствования и развития политики автомобилизации и других мер, стимулирующих потребительский спрос и соответствующую трудовую и накопительную мотивацию населения.

В числе мер по стимулированию стабилизации товарных цен и уменьшению ценового разрыва с мировым уровнем Вэнь Цзябао выделяет следующие: уже в 2008 г. были значительно увеличены комплексные дотации на средства сельскохозяйственного производства и элитные сорта зерновых; трижды осуществлялось значительное повышение минимальных закупочных цен на зерновые, расширился импорт дефицитной в стране сельскохозяйственной продукции и важнейших видов сырья, введены строгие ограничения на экспорт зерна, химических удобрений и т.п., упорядочен и усилен контроль в отношении запасов наиболее важных видов товаров. Осуществлено субсидирование пяти крупных отраслей, в том числе рыбного хозяйства, на деятельности которых серьезно сказалось корректирование цен на нефтепродукты. Активную поддержку получили предприятия, производящие сырьевую продукцию, разрыв в ценах на которую «трудно поддается устранению за короткий промежуток времени». Своевременно повышались размеры субсидий для людей с низкими

доходами, в частности, были выданы временные пособия на питание студентам и аспирантам вузов с полной и неполной программой обучения⁸.

В целях облегчения налогового бремени предприятий и населения был введен в действие новый Закон о подоходном налоге с предприятий, способствующий снижению соответствующей фискальной нагрузки. Повышен стандартный необлагаемый личным подоходным налогом минимум в отношении доходов от заработной платы, временно отменены личные подоходные налоги на проценты по сберегательным вкладам и на проценты по расчетным средствам в операциях с ценными бумагами. Предприняты финансовые и налоговые меры поддержки строительства недорого арендуемого и доступного жилья, а также развития рынка аренды жилья. Снижено налоговое бремя в отношении осуществления сделок с недвижимостью. Уменьшена ставка гербового сбора на фондовых биржах, взимание которого теперь осуществляется в одностороннем порядке. Откорректирована политика акциза на автомашины. Предприятиям, оказавшимся в трудном положении, разрешено на поэтапной основе отсрочить внесение взносов на соцстрахование, при этом снижены ставки по 4 категориям взносов в этой области. Согласно предварительным данным, в 2008 г. политика частичного или полного освобождения от налогов и сборов позволила облегчить налоговое бремя для предприятий и населения приблизительно на 280 млрд юаней⁹.

В рамках оказания помощи развитию малых и средних предприятий из центрального и провинциальных бюджетов было выделено 28,64 млрд юаней на стимулирование их технической инновационной деятельности, качественное обновление продукции МСП и освоение ими международных рынков. Стимулировался эксперимент с венчурным инвестированием. Была усовершенствована система кредитных гарантий для МСП, включая выдачу премий и дотаций для осуществления операций по предоставлению таких гарантий. Расширилась сфера выдачи небольших гарантийных кредитов, повышена норма субсидий из центрального бюджета для погашения процентов по таким кредитам, создан механизм поощрения кредитных организаций, совместного деления рисков и компенсаций за причиненный им ущерб. Активно осуществлялась политика избирательных и комплексных налоговых льгот для общего стимулирования развития МСП¹⁰.

В плане оказания господдержки в стабилизации экспорта в 2008 г. четырежды в сторону повышения были скорректированы ставки возврата налогов на экспорт текстиля, готовой одежды и прочих видов

трудоемкой продукции, а также продукции с высокой добавленной стоимостью и высокой техно- и наукоемкостью. Отменены вывозные пошлины на часть стального проката, продукции химической отрасли и зерновые, снижены экспортные пошлины на некоторые виды химических удобрений и соответственно откорректированы методы налогообложения. В целом в указанном году для поддержания экспорта правительство КНР снизило экспортные налоги на 3770 товаров, что составило более 27% от общего объема китайского экспорта¹¹.

Следует также отметить, что в итоге 5-го раунда китайско-американского стратегического диалога по экономическим вопросам, состоявшегося в конце 2008 г., было, в частности, принято совместное решение о выделении импортно-экспортными банками двух стран довольно крупных денежных средств на нейтрализацию некоторых кризисных явлений в их внешней торговле (в том числе 11 млрд долл. — банком США, 8 млрд — банком Китая). Конкретная цель — поддержка двусторонней торговли, а также «финансирование кредитоспособных импортеров товаров из США и КНР в развивающихся странах»¹².

Для покрытия дефицита, вызванного уменьшением финансовых доходов и увеличением расходов государства, в Китае, в частности, планируется увеличить объем выпускаемых облигаций госзаймов. Так, Госсовет КНР дал согласие на осуществление Минфином выпуска 200 млрд юаней местных займов, которые будут зачислены в местные бюджеты. Хотя в результате этого, с учетом внутреннего долга, общий финансовый дефицит по стране составит 950 млрд юаней, но его удельный вес в ВВП останется в пределах 3%. Возможности же для выпуска внутренних займов, как считают в КНР, будут и впредь довольно большими за счет предыдущих лет и могут составить по объему до 20% ВВП¹³.

Уже предпринятые и намеченные к выполнению китайским правительством меры по борьбе с кризисом, по мнению премьера Вэнь Цзябао, имеют и будут иметь «важное значение для стимулирования плавного и относительно быстрого экономического развития Китая». Дальнейшее выполнение этих мер, как ожидается, должно обеспечить прирост ВВП страны в 2009 г. на уровне около 8%¹⁴.

¹ См.: Жэньминьжибао. 06–07.03.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/95197/6613338.html>

² С октября по декабрь ежемесячный объем роста добавленной стоимости на крупнейших промышленных предприятиях страны снизился соответственно на 9,7; 11,9 и 11,7% по сравнению с показателями аналогичного периода предыдущего года.

- ³ Например, общая площадь проданного товарного жилья в 2008 г. сократилась на 19,7%, а темпы роста сбыта автомобилей замедлились на 15,1%.
- ⁴ В ноябре–декабре понижение объема экспорта, в частности, составило 2,2 и 2,8%.
- ⁵ Так, массовый характер приобрело возвращение в деревню работавших в городах сельских жителей; рост количества новых рабочих мест в городах в октябре–декабре 2008 г. сократился с 840 до 380 тыс. человек.
- ⁶ По сравнению с 1-м полугодием во 2-м полугодии 2008 г. рост доходов консолидированного бюджета сократился с 33,3 до 5,2%, в том числе собственные доходы центрального бюджета снизились на 0,9%.
- ⁷ В частности, унификация порядка взимания подоходного налога, налогообложения недвижимости и некоторых других видов налогов с предприятий иностранного и отечественного капитала, включая китайские частные предприятия.
- ⁸ См.: URL: <http://russian.people.com.cn/95197/6613338.html>
- ⁹ Данные Министерства по налогам и сборам КНР. URL: <http://www.chinatax.gov.cn/>
- ¹⁰ По материалам Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев. URL: <http://www.acfic.org.cn/>
- ¹¹ Данные Министерства коммерции КНР. URL: <http://www.chinamarket.com.cn/>
- ¹² По материалам: URL: <http://www.Lenta.ru>, 04.12.2008.
- ¹³ <http://www.economicdaily.com.cn/>
- ¹⁴ См.: URL: <http://russian.people.com.cn/95197/6613338.html>

Чуванкова В.В.,
к. э. н., ИДВ РАН

ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КНР*

За 60 лет со дня образования КНР индивидуальное и частное предпринимательство (имеется в виду деятельность несельскохозяйственного профиля в городах и сельской местности) прошло сложный путь от ограничения до современного бурного развития.

В развитии индивидуальных хозяйств и частных предприятий вне сферы сельского хозяйства следует выделить два этапа, каждый из которых имеет свои особенности и количественные параметры: до-реформенный (1949–1978 гг.), для которого характерны как периоды использования, так и почти полного ограничения предпринимательской деятельности, и реформенный (с 1979 г. по настоящее время), сопровождающийся их возрождением, а затем развитием ускоренными темпами, стабильным ростом экономического потенциала и удельного веса в народном хозяйстве страны.

1. Накануне образования КНР частная промышленность и торговля занимали видное место в экономике страны. В первые годы

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 08-02-00346а.

после победы революции китайское руководство осуществляло политику на допущение индивидуального предпринимательства и частного хозяйства. В Общей программе НПКСК (сентябрь 1949 г.) указывалось, что народное правительство должно поощрять активность всякой индивидуальной деятельности, благоприятствующей экономике страны и жизни народа. В 1950 г. в стране насчитывалось 8,123 млн частных промышленных предприятий, на которых было занято 21,64 млн человек (из них 123 тыс. с 1,64 млн работников принадлежали национальной буржуазии), и 4,08 млн частных торговых предприятий. Общая численность занятых предпринимательством в городах и сельской местности составляла 30–40 млн человек. На долю этих предприятий приходилось 83,2% общего объема валовой промышленной продукции и 85% розничного товарооборота¹.

В результате политики «социалистического преобразования капиталистической промышленности и торговли», проводившейся со второй половины 1953 г., индивидуальные и частные предприятия начали обобществляться путем кооперирования, создания смешанных государственно-частных предприятий или превращения их в государственные и практически были ликвидированы. В 1956 г. социалистическим преобразованиям подверглись более 80% частных промышленных предприятий, количество частных торговых хозяйств сократилось до 432 тыс. Численность занятых в индивидуальном секторе в городах и поселках снизилась до 160 тыс. человек². Однако китайское руководство было вынуждено признать, что с осени 1955 г. оно «слишком поспешно» приступило к преобразованию кустарной промышленности и единоличной мелкой торговли, «слишком быстро» изменило формы ведения хозяйства, приняло «чрезмерно единообразные формы кооперации», в результате чего возникли трудности в удовлетворении жизненно необходимых потребностей населения³. В 1957 г. наметилось некоторое оживление индивидуальной трудовой деятельности. Численность единоличников в городах и поселках накануне «большого скачка» (1958–1960 гг.) увеличилась до 1,04 млн человек⁴.

Новый возврат к использованию и поощрению индивидуальной предпринимательской деятельности в КНР был осуществлен в период «урегулирования» (1961–1965 гг.) с целью оживления экономики и насыщения рынка потребительскими товарами и услугами после провала политики «большого скачка», несмотря на то, что официально она продолжала считаться капитализмом. К концу 1964 г. количество единоличников в городах и поселках возросло до 2,27 млн человек, однако с 1965 г. их численность вновь начала сокращаться⁵.

В годы «культурной революции» (1966—1976 гг.) и последующий дореформенный период в результате очередной волны «борьбы с капиталистическими элементами» курс на ограничение частного предпринимательства привел к тому, что этот сектор экономики фактически перестал существовать.

В 1978 г. в городах и поселках Китая насчитывалось всего 150 тыс. индивидуальных тружеников, занятых в кустарной промышленности и торговле. Удельный вес их хозяйств в валовой промышленной продукции и розничном товарообороте страны составлял всего 0,01%.

Таким образом, к началу 1979 г. в КНР доминировала экономика общественной формы собственности.

2. С начала осуществления экономических реформ и открытости Китая после решений 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) был принят курс на создание многоукладной экономики с государственной собственностью в качестве основы, приведший к радикальному изменению сложившейся к этому времени структуры собственности. Разрешение предпринимательской деятельности дало импульс возрождению и быстрому развитию сначала индивидуальных, а после решений XIII съезда КПК (октябрь 1987 г.) и частных предприятий. Основным критерием разграничения этих двух типов хозяйствования стало количество используемой наемной рабочей силы: индивидуальными предприятиями — не более 7 человек, частными — не менее 8.

Принятые в годы реформ конституционные поправки и законодательные акты определили правовое положение и экономические условия деятельности индивидуальных и частных предпринимателей, признав ее сначала как «дополнение к социалистическому общественному хозяйству», затем, с марта 1999 г., — «важной составной частью социалистической рыночной экономики».

За 30 с лишним лет реформенных преобразований индивидуальные и частные предприятия добились впечатляющих успехов, показали себя наиболее жизнеспособной силой в экономической структуре КНР, внесли большой вклад в развитие общественных производительных сил, стали основным источником трудоустройства избыточной рабочей силы и расширения занятости. Накопленный ими потенциал заложил прочную основу для противодействия вызовам современного мирового экономического кризиса и позволил продолжить динамичный рост.

Показатели эффективности частнопредпринимательской деятельности неуклонно повышаются. Количественный рост индивидуальных и частных предприятий сопровождается быстрым расширением сфер деятельности, масштабов производства и основных фондов.

В 2008 г. в КНР официально зарегистрировано свыше 29 млн индивидуальных и 6,5 млн частных предприятий, на которых занято около 135 млн человек, причем больше половины из них — 77 млн — трудоустроены на частных предприятиях. (В настоящее время численность занятых в частнопредпринимательских структурах в 2 с лишним раза превышает количество рабочих и служащих на предприятиях государственного сектора экономики.)

Вклад индивидуальных и частных предприятий в ВВП страны составил свыше 40%, доля в налоговых поступлениях в бюджет — более 13%, в объеме капитальных вложений в общенациональный инвестиционный фонд — 17%, в розничной торговле — 50%, во внешнеторговом обороте — свыше 14%. Зарегистрированный уставный капитал превысил 13 трлн юаней, что составило 42% от совокупного объема активов государственных предприятий центрального подчинения (17,7 трлн юаней)⁶.

Таким образом, если до 1979 г. частное и индивидуальное предпринимательство рассматривалось китайским руководством как элементы капитализма, которые необходимо было преобразовать и полностью ликвидировать, то на современном этапе частный национальный капитал вовлечен в глобальную экономическую систему страны как равноправный партнер, активно участвующий в решении ее социально-экономических проблем.

¹ Цзинцзи жибао. 19.02.2003; Бэйцзин ревью. 1988. № 7. С. 15.

² Цзинцзи жибао. 19.02.2003; Чжунго тунцзи няньцзянь—1985. Пекин, 1985. С. 235.

³ Решение по некоторым вопросам вопросам истории КПК со времени образования КНР// ИБАС. № 7321. 01.07.1981.

⁴ Чжунго тунцзи няньцзянь—1985. С. 235.

⁵ Там же.

⁶ <http://russian.people.com.cn/95181/6649346.html>.

Кудин А.П.,
соискатель ИДВ РАН

ГОСУДАРСТВО И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КИТАЕ*

1. Формирование и развитие национального предпринимательства в современном Китае (1980—2000-е годы) происходит на базе двух главных типов собственности — частного и общественного, а также их многочисленных разнотипных, смешанных сочетаний.

* Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 08-02-00346а.

2. Следует с полной очевидностью констатировать, что, хотя реформенный процесс в Китае развивается в общем направлении все большей институционализации и легитимизации частной собственности, он отнюдь не адекватен и не ограничивается только приватизацией национальной экономики (даже в широком смысле приватизационного процесса). Государственная собственность реформируется, коммерциализируется, сокращается по численности предприятий и удельному весу в экономике, но все же остается в обновленном виде одним из важных источников и рычагов сохранения и укрепления национального суверенитета и своеобразного развития рыночно-переходной смешанной экономики Китая.

3. Национальные предприниматели в КНР — это отнюдь не только частные собственники негосударственных предприятий, принимающие непосредственное участие в их управлении, но и менеджеры государственных, частных, государственно-частных, коллективно-частных и прочих смешанных компаний и корпораций, ведущих рыночную хозяйственную деятельность. Это более чем 40-миллионный социальный слой китайского общества, его наиболее экономически активная и инициативная часть, роль которой в экономике и общественной жизни страны становится все более значимой и определяющей.

4. В период реформ в Китае одним из ощутимых последствий позитивных перемен в политике государства в отношении национального бизнеса стало опережающее развитие последнего по сравнению со всеми остальными секторами смешанной экономики страны, включая госсектор и предприятия с прямыми иностранными инвестициями. Наиболее заметным итогом опережающего роста частного предпринимательства стало радикальное изменение посекторной структуры смешанной экономики, продолжающееся и в 2000-е годы. Так, лишь за пятилетие (1998–2003 гг.) доля де-юре частного сектора в ВВП КНР возросла почти в 1,2 раза — с 50,4 до 59,2%, доля де-факто частных предприятий (с учетом среднего уровня социомимикрии коллективного сектора — 40%) выросла даже до 62,1%; тогда как соответствующая доля госсектора сократилась при этом с 39,6 до 33,7%.

5. Опыт реформ в Китае показывает, что государственная поддержка национального бизнеса в условиях вступления в ВТО страны с переходной экономикой должна носить комплексный, многоуровневый, системный и институциональный характер. С одной стороны, она должна быть единой для всех форм предпринимательства, конкретизированной в общенациональных системах безопасности, законодательства, судопроизводства, охраны природы, в информаци-

онных ресурсах, инфраструктурах транспорта и связи и т.д. С другой стороны, она может и должна в целях своей эффективности быть селективной, избирательной, строго дифференцированной по секторам и конкретным отраслям экономики, типам и размерам предприятий, особенностям их сравнительных преимуществ, степеням достигнутой и перспективной экспортной ориентации хозяйствования, уровням совокупной рыночной конкурентоспособности и т.п.

6. В результате развития национального предпринимательства, базирующегося на различных формах собственности, в реформенном Китае генерируется и постепенно формируется смешанная экономическая система, переходная к нормативной смешанной рыночной экономике, характерной для развитых стран мира. Роль каркаса этой системы продолжает играть активно реформируемое в последние годы государственное предпринимательство, роль основной движущей силы — развивающееся опережающими темпами частное и смешанное предпринимательство.

7. Сложная система экономического регулирования такой смешанной экономики образуется внешне противоречивым, но все более сбалансированным единством государственного, корпоративного и собственно рыночного регулирования. Соотношение данных форм регулирования экономики подвижно и по своим основным характеристикам напоминает определенную стадию развития либерально-реформистской модели регулирования, в основе которой лежит кейнсианство. В то же время данное регулирование во многом определяется восточноазиатской идентичностью Китая, национальными особенностями этой страны, продолжающей, как известно, строительство «социализма с китайской спецификой». Все это, по-видимому, позволяет считать такой тип смешанного рыночного хозяйства национальной разновидностью «конвергентной смешанной экономики»¹.

8. В смешанной экономике китайского типа каждый сектор («уклад») занимает свою нишу в удовлетворении общественных потребностей в соответствии с критериями не только экономической, но и социальной эффективности. При этом границы между основными секторами (государственным и частным) весьма подвижны, нечетки и даже аморфны. Многочисленные смешанные формы предпринимательства — государственно-частные, государственно-коллективные, коллективно-частные, — с одной стороны, придают смешанной экономике в Китае особый динамизм, с другой — нуждаются в дальнейшей институционализации действующих в них отношений собственности.

9. Следует также констатировать, что с развитием реформенного процесса роль государства в экономике КНР отнюдь не уменьшается. Изменяются лишь цели, масштабы и формы государственного вмешательства в экономику. Государство использует рычаги своего прямого и косвенного воздействия на экономику, прежде всего, для создания благоприятных условий быстрого и устойчивого экономического роста, продолжения рыночного реформирования национального хозяйства и его оптимальной интеграции в мировую экономику. Важнейшие современные задачи регулирования национального предпринимательства в глобализирующемся Китае — продолжение догоняющего развития КНР на базе ускоренной индустриализации и информатизации экономики, переход от экстенсивной, ресурсозатратной модели экономического роста к интенсивной, ресурсосберегающей, к сбалансированному развитию экономики и социальной сферы, человека и природы, к высоким технологиям, основанным на собственных, национальных инновациях.

¹ Данный термин, который мы принимаем, предложен д. э. н. В.В.Карлусовым и корреспондирует с мнениями ряда российских китаеведов, использующих определение «конвергенция» применительно к экономике современного Китая (д. ю. н. Л. М. Гудошников, д. э. н. Л.И. Кондрашова, д. э. н. Э.П. Пивоварова, д. э. н. В.И. Шабалин и др.). Теоретические истоки этого термина следует, на наш взгляд, искать в институционализме Дж. Гэлбрейта.

Бони Л.Д.,
д. э. н., ИДВ РАН

ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ 60-ЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ КНР

1. Важнейшим достижением социально-экономических преобразований Китая последних 60 лет, несомненно, стало решение в основном проблемы обеспечения продовольствием своего более чем миллиардного населения. В результате личное потребление преобладающей части населения уже превысило уровень удовлетворения наиболее насущных жизненных потребностей, или «*вэньбао*» (обеспечение «питанием и теплом»), и сегодня страна решает стратегическую задачу повышения благосостояния населения до уровня «среднего достатка», или «средней зажиточности» — *сяокан*.

2. Продовольственная проблема решалась в крайне сложных и неблагоприятных условиях: дефицита пахотных ресурсов и серьезно-

го аграрного перенаселения, отсталой материальной базы с преобладанием опоры на ручной труд и тягловую силу скота. Насушная потребность в продовольствии потребовала проведения курса «зерно—основа», мобилизовавшего основные производственные ресурсы под посевы зерновых, развитие многоотраслевого хозяйства (а значит, и рост доходов) всячески ограничивалось. Рост производства опирался в основном на расширение посевных площадей за счет сведения лугов, пастбищ, вырубки лесов, освоения горных склонов, осушения озер, что привело к резкому ухудшению сельской экологии. Жестко проводившийся курс на самообеспечение зерном каждой провинции, уезда, волости, района без учета реальных природных и экономических условий обернулся низкой продуктивностью и высокими издержками. Несбалансированность производственной структуры в условиях такой «опоры на свои силы» лишь закрепляла низкий уровень эффективности и доходов в сельском хозяйстве.

3. Неотъемлемой частью аграрной и продовольственной политики правительства (с середины 1950-х годов) стала система единых закупок и единого снабжения сельскохозяйственной продукцией, фактически выполнявшая роль регулятора всего общественно производства агросферы долгие годы, а зернового производства — целых 50 лет (до 2004 г.). Система выполняла сразу несколько важных функций: 1) изъятия у производителей установленного государством объема продовольствия по заниженным ценам; 2) мобилизации внутренних накоплений сельского хозяйства на нужды индустриализации за счет так называемых «ножниц цен»; 3) эффективного механизма равномерного распределения ограниченных ресурсов продовольствия между всеми потребителями. Соответственно в течение почти 40 лет (1953—1991 гг.) обеспечение продовольственным зерном, растительным маслом и некоторыми другими продуктами оставалось нормированным и осуществлялось по карточкам-талонам. В деревне норма зерна на питание (*коулян*) рассчитывалась условно и устанавливалась дифференцированно (в зависимости от степени участия в производстве) в разных регионах. В результате *до конца 1990-х годов в условиях низкого уровня товарности производства обеспечение достаточного количества продовольствия в стране в значительной мере шло за счет принудительного изъятия части урожая зерна и других основных культур у крестьян по заниженным ценам и последующего уравнительного распределения в городе (причем по низким продажным ценам)*. Позволяя обеспечивать стабильность общества и развитие индустриализации в те трудные годы, эта система лишала сельское хозяйство значитель-

ной доли созданного прибавочного продукта и соответственно инвестиций. Хронический дефицит средств на расширенное воспроизводство, заниженные цены на продаваемую государству продукцию, отсутствие должной материальной заинтересованности крестьян и возможностей расширения товарного продовольствия обрекали сельское хозяйство на медленные темпы развития и низкие доходы.

Главным двигателем развития общественного производства аграрной сферы, несомненно, были реформы. За прошедшие 60 лет деревня пережила ряд глубочайших социально-экономических преобразований, связанных с ломкой экономической системы и хозяйственного механизма, реформированием системы земельной собственности и землепользования и пр. Представляя собой фактически этапы поисков модели дальнейшего развития в рамках господствующей экономической стратегии, эти реформы оказывали огромное и неоднозначное воздействие на динамику и состояние аграрной сферы и сельского социума в целом. И, конечно, на проблему обеспечения продовольственной безопасности страны. Это были: аграрная реформа первых лет образования КНР, ускоренная коллективизация и создание народных коммун конца 1950-х годов, «большой скачок» и «культурная революция» 1960-х годов и, наконец, экономическая реформа в деревне (1978–2009 гг.), обеспечившая переход к системе семейного подряда и системе рыночной экономики с китайской спецификой. Каждый из этих исторических периодов, несомненно, достоин отдельного исследования.

4. Экономическая реформа в деревне (1978–2009 гг.) позволила существенно поднять валовое производство зерна (до 500 млн т) и впервые решить в основном проблему обеспечения продовольствием населения страны, одновременно повысить доходы крестьян, покончить с долгосрочным хроническим дефицитом продовольствия и выйти на баланс общественного спроса и предложения зерна во второй половине 1990-х годов.

Последовавшую затем тенденцию серьезного спада производства зерна на рубеже столетий (1999–2003 гг.) благодаря энергичным экономическим мерам нового руководства КНР удалось прервать и полностью восстановить зерновое хозяйство к 2008 г., когда был получен новый рекордный урожай в 528 млн т, превысивший прежний исторический рекорд 1998 г. (512 млн т). Последние пять лет (2004–2008 гг.) в сельском хозяйстве страны удается сохранять тенденцию последовательного нарастания производства зерна и других важных видов продукции, поддерживая относительно стабильные их цены.

Это помогло Китаю успешно преодолеть негативное влияние мирового продовольственного кризиса 2007 г.

5. Тем не менее, в последние годы проблема продовольственной безопасности Китая вновь стала одной из острых проблем в стране. Новая реальность конца XX — начала XXI вв. (переход к системе рыночной экономики, углубление индустриализации и урбанизации, все большее включение страны в процесс экономической глобализации) привнесла глубокие изменения в аграрной сфере, в соотношении предложения и спроса зерна и ряда других основных видов сельскохозяйственной продукции в продовольственном балансе страны, высветив уязвимость, зыбкость самой основы обеспечения продовольствием страны. Темпы роста спроса на продукцию сельского хозяйства опередили темпы роста производства, расширился импорт продовольствия. В условиях, когда внутренние факторы регулирования спроса все больше его стимулируют (увеличение численности населения, доходов населения, рост экономики, урбанизация и пр.), а факторы, влияющие на предложение продовольствия, все больше его ограничивают (дефицит пашни, воды; дефицит инвестиций, медленные темпы роста доходов производителей от земледелия и пр.), когда все более неопределенным становится внешний фактор в условиях нынешнего мирового финансово-экономического кризиса, китайское руководство выдвигает задачу поставить решение проблемы продовольственной безопасности на прочную современную материально-техническую базу. 3-й пленум ЦК КПК 17-го созыва (октябрь 2008 г.) официально провозгласил начало этапа модернизации сельского хозяйства с китайской спецификой, определив ее главное направление — переход к инновационной модели развития аграрной экономики. Как говорят китайские ученые, все предыдущие годы были периодом борьбы за выживание китайской нации, сегодня начинается борьба за настоящее развитие страны.

Волкова Л.А.,
к. э. н., ИДВ РАН

60 ЛЕТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КИТАЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Проблемы землевладения и землепользования имеют важнейшее значение для жизнеобеспечения любой нации, они многократно возрастают в стране, имеющей почти полутора миллиардное население, какой является Китай. Изменение системы землевладения и земле-

пользования с образованием КНР отвечало коренным интересам крестьянства и выступало центральным содержанием аграрной политики КПК. В Законе о земельной реформе Китайской Народной Республики (июнь 1950 г.) было закреплено положение о ликвидации помещичьего землевладения и передаче земли в собственность крестьянам¹.

Кооперирование сельского хозяйства означало передачу земли в коллективную собственность и становление коллективного землепользования. Небольшая часть земельного клина сельскохозяйственных производственных кооперативов передавалась в пользование крестьянским семьям в качестве приусадебных участков. Их размеры определялись в пределах 2–5% площади пашни, приходящейся в среднем на каждого жителя данной деревни².

Создание народных коммун — новая попытка изменения системы землепользования. Объединение сельскохозяйственных производственных кооперативов, как правило, одной волости, — от нескольких тысяч и более хозяйств означало существенное расширение масштабов землевладения и землепользования. Были объединены земли, находившиеся в собственности и пользовании кооперативов, вошедших в коммуну, и приусадебные участки крестьян.

Важной мотивацией укрупнения размеров землепользования выступала, по мнению инициаторов создания коммун, возможность существенного увеличения объемов сельскохозяйственного производства. Надежды на это разрушил последовавший за «большим скачком» и организацией коммун кризис в сельском хозяйстве, неурожай 1960–1961 гг. и гибель от голода миллионов людей.

Демонтаж системы народных коммун привел к возвращению масштабов хозяйствования и землепользования в рамки больших производственных бригад, объединявших в среднем 175–200 крестьянских дворов и даже — производственных бригад с 25–40 крестьянскими дворами. Право пользования приусадебными участками было восстановлено.

Следующим крупным изменением в системе землепользования явился переход большинства производственных бригад к использованию семейного подряда в качестве основной формы хозяйствования. Переход к этой форме землепользования был санкционирован «Решением ЦК КПК о некоторых вопросах ускорения развития сельского хозяйства» (декабрь 1978 г.)³, которое принято считать рубежом начала экономической реформы в стране. Изменение системы землепользования получило закрепление в ряде законов КНР: Законе КНР

об управлении землей, Законе КНР о сельском хозяйстве и в Законе КНР о земельном подряде в деревне⁴. Крестьянская семья получала землю в пользование от коллективного хозяйства своей деревни. Это мог быть один участок, но чаще подрядная земля состояла из нескольких участков. По данным обследований, число участков могло достигать до 6, при этом что площадь земли, приходившаяся на семью в 1999 г., составляла в среднем по стране 0,53 га, а на одного человека приходилось 0,179 га⁵.

Характер собственности на землю, переданную крестьянам по подряду, не менялся, земля в деревне считалась коллективной собственностью. Субъектом права собственности могли быть коллективные хозяйственные организации деревни, а в случае их отсутствия — комитеты жителей деревни.

Хозяйствование на основе семейного подряда, будучи по сути мелкотоварным производством, располагало ограниченными возможностями для масштабной модернизации аграрного сектора. Руководством страны было определено развитие подрядной системы в направлении расширения масштабов землепользования. В партийно-правительственных документах, касающихся сельского хозяйства начиная с середины 1980-х годов содержались рекомендации относительно поддержки специализированных дворов, сосредоточения земли в руках «умелых земледельцев» с использованием различных форм передачи подряда на землю одних семей другим, путем объединения дворов между собой и с промышленными и торговыми предприятиями на условиях внесения земли или инвентаря в качестве пая и других форм укрупнения земельных участков. Наиболее распространенной и воспринятой крестьянами была форма передачи подряда одних крестьян другим.

В документах, касающихся использования различных форм укрупнения хозяйств, неизменно подчеркивалась необходимость соблюдать принцип добровольности, принцип возмездности при переуступке права хозяйствования на подрядной земле. Разрешение передавать в разных формах права пользования подрядными участками земли сыграло определенную положительную роль в укрупнении землепользования. Использование коллективными хозяйствами прав распоряжения землей действовало в этом же направлении. Однако формирование рынка прав пользования землей имело и негативную сторону. В результате противоправных действий отдельных лиц, а иногда и местной администрации крестьяне лишались подрядных участков земли.

Различные формы укрупнения землепользования апробируются в экспериментальном порядке перед тем как официально рекомендовать их к широкому распространению. В середине 2007 г. центральное правительство определило два экспериментальных района с большим сельским населением — пригороды городов Чэнду и Чунцин (пров. Сычуань) по комплексному реформированию в плане согласованного развития города и деревни. Главное содержание эксперимента по реформированию — система управления землей и ее использования, повышение степени урбанизации. Приблизительные подсчеты затрат на осуществление эксперимента — возмещение стоимости подрядной земли, земли под жилыми и хозяйственными строениями, социальные гарантии — показали, что его осуществление потребует многие тысячи миллиардов юаней. Широкомасштабное осуществление эксперимента было приостановлено⁶.

Расширение масштабов землепользования с меньшими затратами рисками происходит по названным выше направлениям. В 2006 г. численность крестьянских специализированных кооперативных организаций, осуществляющих снабженческо-сбытовые функции, составило 150 тыс., их членами были 38,78 млн крестьянских дворов, или 15,6% их общего числа. Численность хозяйственных организаций, работавших по типу сельскохозяйственной интеграции — предприятия плюс крестьянский двор, в конце 2005 г. приближалась к 140 тыс., в них было задействовано 90 млн крестьянских дворов и 66,7 млн га земли⁷.

Процесс изменений системы землепользования в китайской деревне продолжается, его целью считается такое реформирование земельного подряда, которое способствовало бы интересам модернизации сельского хозяйства и деревни. И наряду с этим, как было отмечено в посвященном 30-летию реформы в деревне «Решении ЦК КПК о некоторых важных вопросах дальнейшего развития реформы в деревне» (октябрь 2008 г.), существующие в настоящее время земельные подрядные отношения следует сохранять стабильными и не изменять в течение длительного времени.

¹ Закон о земельной реформе Китайской Народной Республики// Законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1952. С. 127.

² Решение 6-го (расширенного) пленума ЦК КПК 7-го созыва о кооперировании в сельском хозяйстве. М., 1955. С. 14.

³ Экономическая реформа в КНР. Преобразования в деревне. 1978–1988. М., 1993. С. 8–35.

⁴ Первый вариант Закона КНР об управлении землей был принят ПК ВСНП в 1986 г., в 1988 г. принят его пересмотренный вариант. С 1 января 1999 г. вступил в дей-

твие третий, расширенный, вариант закона. В 2004 г. ПК ВСНП утвердил новый, исправленный проект закона – опубликован в «Вестнике Госсовета КНР» (2005. № 2. С. 26–36); Закон КНР о сельском хозяйстве // Вестник Госсовета КНР. 2003. № 2. С. 10–18; Закон КНР о земельном подряде в деревне // Новое законодательство КНР: Экспресс-информация. ИДВ РАН. М., 2004. С. 61–75.

⁵ Цай Фан, Ван Дэвэнь, Ду Ян. Чжунго нунцунь гайгэ юй бьяньцянь. 30 нянь личэн хэ цзинянь фэньси [Китайская деревня: реформы и изменения. Анализ 30-летней истории и опыта]. Шанхай, 2008. С. 66.

⁶ Там же. С. 72.

⁷ Там же. С. 37.

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА КНР

Сазонов С.Л.,

к. э. н., ИДВ РАН

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА КНР И ПОСЛЕДСТВИЯ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Международный финансовый кризис серьезнейшим образом отразился на китайской экономике. Так, по данным посольства России в КНР, темпы роста промышленного производства в ноябре 2008 г. снизились до 5,4%, что явилось наименьшим показателем за последние 14 лет. Больше всего кризис ударил по тяжелой промышленности, в частности производство стали сократилось на 12%. Китайский экспорт в октябре упал (впервые за последние 7 лет) на 2,2% до уровня 114,99 млрд долл., импорт в ноябре сократился на 17,9, а в декабре на 21,3%. Китайское правительство стало экстренно разрабатывать антикризисные меры, призванные, по словам премьера Вэн Цзябао на заседании Госсовета КНР 5 ноября 2008 г., «способствовать выработке гибкой и взвешенной макроэкономической политики в ответ на вызовы со стороны изменчивой мировой экономической ситуации и мрачных глобальных экономических перспектив». Одна из ключевых ролей в деле оздоровления экономики страны отводится транспортному комплексу, который призван не только повысить эффективность своей работы, но и всецело способствовать преодолению экономикой Китая последствий мирового финансового кризиса.

Урегулирование данной проблемы на внутриотраслевом уровне следует начать с решения Госсовета КНР о принятии крупномасш-

табного стимулирующего инвестиционного проекта (дополняющего запланированные бюджетные ассигнования на развитие народнохозяйственного комплекса) в размере 4 трлн юаней (586 млрд долл.) и соразмерного с 15% ВВП страны. Эти дополнительные инвестиции пойдут на финансирование 10 сфер экономической и социальной направленности, призванных, по словам премьера Госсовета КНР, «стимулировать внутренний спрос и привести в движение рост национальной экономики и отражающих решительность страны обеспечить стабильные и относительно высокие темпы экономического роста».

Важнейшая роль среди этих сфер отводится транспортному комплексу страны, на долю которого приходится почти половина дополнительных ассигнований, утвержденных Госсоветом, или 1,8 трлн юаней. Из этой суммы 1 трлн юаней (146,4 млрд долл.) будет выделен Министерству транспорта на расширение транспортной инфраструктуры в течение ближайших двух лет; 600 млрд юаней (87,8 млрд долл.) — Министерству железных дорог на строительство магистралей в 2009 г., Главному управлению гражданской авиации Китая — 400 млрд юаней (58,6 млрд долл.) на строительство аэропортов в течение 2009—2010 гг. (инвестиции будут в основном направляться в западные районы страны). Среди бенефициариев этого проекта значатся не только отраслевые транспортные министерства, но и местные власти.

Кроме использования рычагов прямого финансового стимулирования развития транспортного комплекса, правительство Китая, учитывая резкое падение нефтяных цен на мировых рынках за последнее время, приняло решение о значительном снижении розничных цен на топливо внутри страны, которые базировались на ценовом уровне в 83,5 долл. за баррель (причем цены на нефть с поставкой в январе 2009 г. на электронных торгах на Нью-Йоркской торговой бирже упали до рекордно низкого уровня с примерно 150 долл. в середине июля до 39,19 долл.). С 18 декабря 2008 г. розничные цены на 1 л бензина были снижены на 0,91 юань (13 центов), а на 1 л дизельного топлива — на 1,08 юаня. Этому предшествовало снижение оптовых цен: бензин подешевел с 6460 до 5580 юаней (817 долл.) за 1 т, дизельное топливо — с 6070 до 4970, а авиатопливо подешевело почти на треть — с 7450 до 5050 юаней за 1 т. Эти меры, несомненно, будут стимулировать не только рост объемов перевозок автомобильным, морским и в особенности авиационным (поскольку доля авиатоплива составляет до 40% себестоимости перевозки) видами транспорта, но и, по мнению китайских экономистов, значительно увеличат спрос на продукцию автомобильной промышленности, сильно пострадавшей от мирового

финансового кризиса. Увеличению внутреннего спроса на автомобили также способствует и рациональная налоговая политика, разработанная и внедренная в январе 2009 г. Министерством транспорта КНР, которое с 1 января 2009 г. отменило ежегодный налог на автовладельцев за пользование автомобилем, а также 6 категорий дорожного налога. В настоящее время рассматривается вопрос о снижении налога на покупку малолитражных автомобилей. С 1 января также отменен и налог на поддержку внутренних водных путей. Правительство Китая, понимая, что падение цен на топливо вряд ли будет стимулировать снижение потребления нефтепродуктов, одновременно приняло решение об увеличении с 1 января 2009 г. налога на потребление бензина с 0,2 до 1, а налога на дизельное топливо — с 0,1 до 0,8 юаня за 1 л. Это повышение будет способствовать более экономичному потреблению горючего транспортными предприятиями, стимулировать внедрение энергосберегающих технологий на транспорте, а также активизировать спрос на малолитражные, потребляющие меньше бензина автомобили, тем самым внося заметный вклад в улучшение экологической обстановки. Примечателен пример пекинских властей, которые в 2008 г. отметили яркой и броской наклейкой (называемой «желтый ярлык») 353 800 городских частных автомобилей за их чрезмерное потребление бензина и несоответствие по выбросам вредных веществ в атмосферу требованиям стандарта ЕВРО 1, одобренного властями столицы в 1992 г. В случае отказа владельцев автомобилей от их использования и утилизации в период с 1 января по 31 декабря 2009 г. городской бюджет выплатит им 25 тыс. юаней (3700 долл.). Среди возможных мер по поддержке национальной экономики в рамках крупномасштабного проекта, разработанного правительством в целях минимизации ущерба, вызванного мировым финансовым кризисом, называется снижение тарифов на электроэнергию (в особенности для предприятий с высоким энергопотреблением), что неизбежно повлечет стабилизацию или даже понижение тарифов на грузовые и пассажирские перевозки железнодорожным транспортом.

Министерства транспортного комплекса КНР отдают себе ясный отчет в том, что в условиях мирового экономического кризиса США и страны Европы — крупнейшие импортеры китайской продукции неизбежно резко снизят потребление экспортных товаров из Китая (а их возвращение в ближайшей перспективе к прежнему уровню высокого потребления маловероятно), в результате чего резко снизятся объемы международных транспортных грузоперевозок (в основном это касается морского и авиационного видов транспорта) и, как

следствие, уменьшатся размеры получаемой прибыли и остро встанут проблемы занятости в отрасли. Так, например, по словам управляющего крупнейшей судоходной компании Китая COSCO Group, начиная с октября 2008 г. некогда большие доходы предприятия стали резко уменьшаться и, что более прискорбно, стоимость акций компании на Шанхайской фондовой бирже упала на 50% из-за ожидания снижения объемов международных морских перевозок. Действуя на опережение, большинство морских судоходных компаний Китая в целях стимулирования роста грузоперевозок пошли на резкое снижение тарифов на контейнерные перевозки — от 30 до 50%. В настоящее время Министерство транспорта и Министерство железных дорог разрабатывают схемы прямой привязки более быстрых железных дорог к морским портам страны с целью избежать дорогостоящей промежуточной перевалки контейнеров из портов на автомобильный транспорт, который затем доставлял их на железнодорожные сортировочные станции, расположенные вдали от побережья.

Около 60% всего импорта, перевозимого авиационным транспортом Китая, приходится на разнообразную категорию комплектующих для электронной и машиностроительной промышленности страны, 16% экспорта — это мобильные телефоны и видеокамеры. Другие высокотехнологичные экспортные товары, такие, как интегральные схемы, продукция микроэлектроники, компьютеры, фотоаппараты и медицинское оборудование, также перевозятся по воздуху. Падение спроса на эти товары побудило китайские авиакомпании, контролируемые Главным управлением гражданской авиации КНР, снизить тарифы на грузоперевозки на 10–15%.

Другие виды транспортного комплекса Китая, такие, как железнодорожный, внутренний водный, автомобильный и трубопроводный, функционируют в пределах прежде установленных тарифов.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что мировой финансовый кризис, как это ни парадоксально, оказал, с одной стороны, благотворное влияние на транспортный комплекс Китая путем снижения объемов транспортной работы отрасли, а с другой — превратил комплекс в «антикризисного помощника», стимулирующего развитие национальной экономики. Так, например, разумная отраслевая налоговая политика стимулирует внутренний спрос на продукцию автомобильной промышленности, самые значительные капиталовложения в размере 1,8 трлн юаней на развитие транспортной инфраструктуры (это в первую очередь строительство железнодорожных линий, автомобильных магистралей и аэродромов и реконструкция

морских портов, прокладка новых нефте- и газопроводов), предусмотренные антикризисным проектом оживления национальной экономики, по прогнозам китайских экономистов, создадут от 5 до 7 млн новых рабочих мест.

Муромцева З.А.,
к. э. н., ИДВ РАН

60 ЛЕТ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КНР: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На протяжении шести десятилетий индустрия Китая прошла путь от создания основ развития промышленных отраслей до становления промышленности городов центрального подчинения, наиболее развитых провинций и некоторых других технологически продвинутых анклавов страны на путь индустриализации нового типа.

Со времени образования КНР (1949 г.) до середины 1990-х годов стадия индустриального развития страны характеризуется учеными Академии общественных наук Китая как начальная.

После восстановительного периода (1949—1952 гг.) усилия были сосредоточены на строительстве головных предприятий в ведущих для XX в. промышленных отраслях, включающих машиностроительное, химическое, металлургическое и электроэнергетическое производство. На базе широкого использования опыта и помощи Советского Союза и других, в то время социалистических, стран в КНР к середине 1960-х годов были заложены основы современной индустрии. Объединенная экономическая комиссия конгресса США в докладе «Economic Profile of Mainland China», опубликованном в феврале 1967 г., оценила эту помощь как беспрецедентную: «История не знает другого подобного примера, когда другой стране преподнесли бы на блюдечке целую промышленную систему»¹.

Начальная стадия индустриального развития Китая, ставившая цель создания «самостоятельной, сравнительно целостной системы промышленности и всего народного хозяйства», прошла извилистый путь. «Большой скачок», «культурная революция» разрушали созданные самоотверженным трудом основы промышленного фундамента и приостанавливали поступательное развитие. Преодолев трудности, в конце 1970-х годов КНР встала на путь проведения экономических реформ, которые учитывали мировой опыт промышленного развития, глубокие изменения в технологиях, формах организации и управления производством. Пятилетию промышленного развития

страны до 2000 г. дана характеристика как последней стадии первоначальной индустриализации.

На рубеже третьего тысячелетия стала очевидной необходимость смены ресурсорасточительной, экологически вредной модели индустриального развития Китая, что нашло свое отражение в формировании концепции индустриализации нового типа с китайской спецификой. Задачи количественного роста промышленного производства были в основном выполнены. В 2006 г. КНР занимала 4-е место в мире по объему ВВП, 3-е место — по внешнеторговому обороту, 1-е — по выплавке проката, стали, чугуна, производству угля, химических удобрений, цемента, тканей, 2-е — по производству электроэнергии, 3-е — по производству сахара, 5-е место — по добыче нефти². По данным Института индустриальной экономики АОН Китая, в период 1953—1997 гг. за счет трудовых и природных ресурсов, капиталовложений обеспечивалось 76,7% экономического роста, в то время как вклад повышения производительности труда составлял 23,4%³.

Индустриализация нового типа предполагает внедрение и интенсификацию передовых технологий, улучшение качества вкладываемых производственных факторов за счет повышения квалификации и образовательного уровня занятого персонала, глубокой переработки природных ресурсов, улучшения технических характеристик машин и оборудования на основе инновационного развития. Традиционные отрасли промышленности, базирующиеся на росте используемых ресурсов и наносящие ущерб окружающей среде, должны осуществлять рециркуляционную модель развития. Растущее производство продукции высокотехнологичных отраслей в процессе конкурентной борьбы направлено на путь индустриализации нового типа, сочетающий высоконаукоемкое и техноемкое производство с хорошей экономической эффективностью и сравнительно низкими затратами ресурсов. Новый этап технологической революции и процессов глобализации учитывается в решении структурных проблем и реформировании государственного сектора промышленности. Развитие инфраструктуры, сети автомобильных и железных дорог и волоконно-оптической связи приобретает все большее значение для внутренней интеграции народнохозяйственного комплекса и расширения потребительского рынка. Формирование единого национального рынка и единой интегрированной экономики требует укрепления хозяйственных связей внутри страны, особенно с районами, где сосредоточены предприятия с участием иностранного капитала, работающие в основном обособленно от отраслей китайской экономики и целенаправленные

на экспорт производимой продукции за рубеж. Дальнейшее углубление реформы госсектора посредством создания крупных современных корпораций предусматривает приоритетное развитие электронно-информационного, электромеханического и транспортного оборудования, оборудования для тонкой химии, глубокой переработки продукции сырьевых и энергетических производств. Развитие традиционных отраслей на базе передовых технологий становится поворотным пунктом на пути индустриализации нового типа и идет параллельно с развитием индустрии услуг, которая содействует росту эффективности всего промышленного производства и становлению инновационных приоритетов в развитии аграрной экономики. Опираясь на рост внутреннего потребления и производство товаров с высокой добавленной стоимостью, китайская индустрия на основе оптимизации структуры и углубления переоснащения технологической базы должна обеспечить согласованность в развитии регионов, города и деревни, обеспечить рациональную систему комплексных перевозок, осуществляемых в соответствии с правилами охраны окружающей среды.

В условиях мирового кризиса, как показывают материалы сессии ВСНП (март 2009 г.), правительство КНР предполагает провести масштабное урегулирование экономической структуры⁴. В промышленности оно охватит отраслевое и организационное преобразование предприятий, их банковские и кредитно-финансовые отношения, направленные на учет инновационной стратегии развития страны.

Оптимизм в отношении масштабного урегулирования экономической структуры, включающего серьезное реформирование в промышленности, разделяют не все эксперты, наблюдающие за развитием китайской экономики в период мирового кризиса, не только за рубежом, но и в самом Китае.

Задачи индустриального развития КНР на ближайшую перспективу — стимулирование внутреннего спроса и повышение его роли в развитии национального рынка, углубление диверсификации промышленного производства, снижение зависимости от колебания мировых цен на энергетические ресурсы и сырье.

¹ Цит. по: Китай сегодня. М. 1969. С. 256.

² Шанхай цзинцзи яньцзю. 2008. № 11. С. 71.

³ Чжунго гунъе фачжань баогао—2003. Пекин, 2003. С. 149.

⁴ Жэньминь жибао. 15.03.2009.

ОТРАСЛЕВАЯ ПОЛИТИКА КНР В СФЕРЕ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Финансово-экономический кризис, со второй половины 2008 г. охвативший все ведущие страны мира, в значительной степени отразился и на экономике КНР. Автомобильная промышленность Китая, стремительно развивавшаяся на протяжении ряда последних лет, в полной мере ощутила на себе последствия кризиса. Так, по итогам 2008 г. объемы производства автомобилей выросли лишь на 5,2% при том, что в 2000-е годы прирост производства никогда не был ниже 10%, в отдельные годы достигая 20% и даже 30%¹. Темпы роста производства и продаж еще во II квартале 2008 г. начали сокращаться, причем с каждым месяцем все значительнее. Наиболее провальным оказался IV квартал — продажи упали на 7,8%, а производство — на 14,4%. Среди основных причин — снижение внутреннего спроса на фоне замедления мировой и китайской экономик.

Между тем автомобилестроение — одна из основных отраслей хозяйства Китая и замедление ее развития негативно сказывается на многочисленных смежных отраслях. Резкое снижение ее экономических показателей в конце 2008 г. заставило правительство страны принять стимулирующие меры. В полном виде они были опубликованы в марте 2009 г. как «План по урегулированию и оживлению автомобильной промышленности»² (далее — План). План направлен не только на борьбу с кризисными явлениями в отрасли, но и призван в целом способствовать оптимизации отраслевой структуры, повышению технического уровня, развитию самостоятельных брендов и разработке эффективных электромобилей, безопасных для окружающей среды. Поэтому данный план целесообразно считать новой, третьей по счету стратегией развития отрасли, которая актуализирует положения предыдущей стратегии, принятой в 2004 г.

В Плане приведены конкретные цели, которые предполагается достигнуть в 2009–2011 гг. Так, объем производства в 2009 г. должен превысить отметку 10 млн ед. и в течение трех лет расти в среднем на 10% в год. Также ставится цель изменить структуру рынка в пользу малолитражных автомобилей (не менее 40% рынка должно приходиться на машины с объемами двигателей до 1,5 л, не менее 15% — до 1 л). Остается актуальной задача сформировать структуру из 2–3 произво-

дителей, выпускающих более 2 млн автомобилей в год, 4–5 — более 1 млн. Ставится цель, чтобы не менее 40% выпускаемых пассажирских автомобилей были собственными китайскими марками, а их экспорт был на уровне 10% от объемов их производства. Отдельно декларируется необходимость развертывания масштабного производства электромобилей — мощности по их выпуску должны достигнуть 500 тыс. ед., а доля в структуре продаж — 5%. Отчасти указанные цели повторяют те, что были в предыдущей стратегии, однако некоторые задают новые приоритеты, направленные на достижение отрасли передового мирового уровня, прежде всего — в сфере производства автомобилей, использующих новые источники энергии.

Планом предусмотрен целый ряд мер, призванных оживить рынок и вслед за ним производство:

- временное снижение налога на покупку автомобилей с объемом двигателя до 1,6 л;

- программа «Автомобиль — в деревню». Предусмотрены субсидии крестьянам, покупающим малолитражную автотехнику (общий размер фонда — 5 млрд юаней). Похожие меры стимулирования потребительского спроса в сельской местности приняты и для других отраслей;

- стимулирование утилизации устаревших автомобилей и покупки взамен них новых. Общий размер финансирования на эти цели составит 1 млрд юаней в 2009 г. При этом увеличивается размер компенсации, что должно ускорить этот процесс;

- отмена всех ограничений, связанных с продажей и эксплуатацией автомобилей. В ряде регионов страны на автомобильном рынке присутствовали различные административные ограничения, например, выдавалось лишь ограниченное количество номеров, взималась плата за въезд автомобилей из других регионов и др. Все эти меры, как ограничивающие спрос, должны быть отменены;

- стимулирование и увеличение потребительского кредитования. Поддерживается создание финансовых компаний вокруг крупнейших автопроизводителей, которые бы специализировались на привлечении финансовых средств и кредитовании потребителей;

- стимулирование развития рынка поддержанных автомобилей, развитие технологии trade-in;

- ускорение строительства транспортной инфраструктуры в городах, прежде всего парковок;

- стимулирование слияний и поглощений среди производителей. Создание завода в новом регионе должно вестись путем поглоще-

ния существующего там, меньшего по масштабу производителя, а не путем строительства нового завода. Поощряется создание альянсов между ведущими компаниями для совместного ведения НИОКР;

- поддержка технологических разработок и НИОКР (создан специальный фонд размером 10 млрд юаней);

- продвижение автомобилей на базе новых источников энергии. В городах (общественный транспорт, такси, коммунальное хозяйство, почта, аэропорты и т.п.) декларируется приоритетное развитие транспорта на базе новых источников энергии. Предусматривается строительство соответствующей инфраструктуры для зарядки аккумуляторов электромобилей;

- институциональная работа по сертификации, стандартизации и управлению отраслью.

Быстрая и своевременная реакция властей позволила в короткие сроки переломить негативные тенденции. Показатели производства и продаж начали постепенно выправляться еще в январе–феврале, когда были введены в действие первые стимулирующие меры. В марте уже был зафиксирован резкий рост: производство за месяц достигло 1,1 млн ед., увеличившись на 36% относительно февраля и на 6% относительно марта 2008 г. По предварительной информации, те же тенденции сохранились и в апреле. Таким образом, можно утверждать, что острую стадию кризиса, характеризующуюся снижением производственных показателей, отрасль миновала. Более того, реализация заложенных в Плане целей, касающихся технических разработок и продвижения собственных марок, позволит китайскому автомобилестроению воспользоваться тяжелой ситуацией, в которой находится большинство глобальных автопроизводителей, и значительно упрочить свои позиции в мире³, в том числе и в новых, перспективных нишах.

¹ В данной статье используются статистические данные CAAM (Chinese Association of Automobile Manufacturers). URL: www.caam.org.cn.

² Qiche changye tiaozheng he zhenxing guihua. URL: http://www.gov.cn/zwgk/2009-03/20/content_1264324.htm.

³ По итогам I квартала 2009 г. Китай опередил США и стал крупнейшим в мире производителем и потребителем автомобилей. Учитывая разнонаправленность развития этих рынков в настоящее время, можно предположить, что Китай сохранит за собой лидирующую позицию по итогам целого года.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КНР

1. Китай обладает одной из самых мощных химических промышленности в мире. Он занимает 1-е место по производству важнейших продуктов химической промышленности: удобрений, пластмасс, химических волокон. В Китае химическая промышленность — одна из важнейших и приоритетных отраслей. Это вторая, после электронной промышленности, передовая отрасль, в которую внедряются новейшие технологии и которая способствует ускорению развития производительных сил. На химическую промышленность приходится 12% валового производства промышленности КНР, в ней занято 8,7 млн человек на 50 тыс. предприятий. Химическая промышленность — динамично развивающаяся отрасль. Средние темпы прироста с 1990 г. примерно 20%. В 2007 г. прирост составил 30%. Более традиционные подотрасли химической промышленности, такие, как производство удобрений, пестицидов, развиваются более медленными темпами, чем новые и инновационные подотрасли производства химических волокон, пластмасс, фармацевтических препаратов.

2. Причины такого бурного развития химической промышленности в Китае — сочетание благоприятных факторов: наличие сырья, дешевой рабочей силы, крупных потребителей, наличие открытых экономических зон, доступной дешевой электроэнергии, водных ресурсов, а также послабления в сфере экологии. Эти же факторы отвечают за размещение предприятий химической промышленности в Китае. Пять из семи факторов являются благоприятными в восточных приморских провинциях, тогда как месторождения минеральных ресурсов расположены, главным образом, в западных провинциях, а наиболее напряженная ситуация в сфере экологии наблюдается именно в восточных провинциях. Однако неблагоприятные факторы сырья полностью компенсируются: первый — выгодным экономико-географическим приморским положением, а второй — игнорированием ситуации со стороны властей. Именно опережающее развитие восточных провинций и отсталость западных является основной проблемой Китая.

3. Производство химических удобрений является одной из ключевых подотраслей химии органического синтеза. Потребителем дан-

ной продукции является сельское хозяйство, в котором занято 41% всего трудоспособного населения, дающее 11% валового производства и удовлетворяющее первичные потребности увеличивающегося населения КНР в продовольствии. КНР является самым крупным потребителем химических удобрений в мире (1-е место по производству удобрений — 58,2 млн т) и крупнейшим их импортером (12% мирового импорта). Основными производителями химических удобрений в КНР являются провинции, в которых сочетаются, главным образом, фактор потребления и фактор сырья: провинции междуречья Хуанхэ и Янцзы, в которых добывается нефть, газ и уголь, — Хэнань, Цзянсу, Хубэй, Шаньдун; южные провинции фосфоритного пояса — Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань.

Однако в промышленности производства химических удобрений КНР существует ряд нерешенных проблем: 1) нерациональное соотношение азотных, фосфорных и калийных удобрений. В Китае производится 60% азотных удобрений, из которых 50% — карбамид или мочевина; 2) основное производство химических удобрений осуществляется мелкими предприятиями (90% всех удобрений), что неблагоприятно влияет на конкурентоспособность на международном рынке; 3) сырьевые диспропорции в производстве химических удобрений: 60% азотных удобрений производится из угля. Это производство характеризуется высокой себестоимостью, большими затратами угля, что привязывает производство к сырьевым базам. Фосфорное сырье в КНР отличается невысоким качеством, а запасы калийных солей в Китае весьма ограничены; 4) отсталость оборудования и технологий некоторых предприятий, построенных в 1980-е годы на базе технологий 70-х годов. Эти проблемы в промышленности химических удобрений еще предстоит решить Китаю в будущем.

4. Китай является абсолютным лидером по производству химических волокон (54% мирового производства). Эта отрасль развивается огромными темпами — 28,5% прироста в 2007 г. Основной проблемой является именно то, что, развиваясь такими темпами, производство химических удобрений не поспевает за текстильной промышленностью, основным потребителем химволокон (55% всех химволокон в КНР). Поэтому Китай является также мировым лидером по импорту химических волокон (22,5% мирового импорта). Китай экспортирует химических волокон примерно столько же, сколько и импортирует (4% валового производства). В основном торговля химволокнами осуществляется ради расширения ассортимента. Основными торговыми партнерами Китая являются США, Япония, Республика Корея.

Отрасль характеризуется высокой концентрацией производства: на 3 лидирующие провинции (Чжэцзян, Цзянсу, Фуцзянь) приходится 80% всего производства, что объясняется наличием здесь всех благоприятных факторов размещения предприятий производства химволокна: дешевой электроэнергии, дешевой рабочей силы, водных ресурсов, крупнейших потребителей и сырья, а также выгодным ЭГП.

5. Пластмассы — одна из основных отраслей специализации Китая в международном разделении труда. Внешняя торговля составляет 67% всего производства пластмасс в стране. В связи с переориентацией производства на внутренний рынок Китай является нетто-импортером пластмасс. Это также одна из самых динамично развивающихся отраслей — прирост в 2007 г. составил 22%. Структура производства пластмассовой продукции Китая отражает ориентацию на промышленное развитие страны, однако в последнее время наметилась тенденция увеличения производства бытовой пластмассы массового потребления. Здесь также наблюдается высокая концентрация: на лидирующую пятерку провинций (Цзянсу, Гуандун, Шаньдун, Чжэцзян, Шанхай) приходится 50% всего производства пластмасс. Каждая из этих провинций имеет свою специализацию пластмассовой продукции, зависящую от спроса и потребления.

6. Производство синтетического каучука и изделий из него — еще одна отрасль специализации КНР в МРТ: доля Китая на мировом рынке составляет 20%. В 2007 г. Китай из нетто-импортера превратился в нетто-экспортера синтетического каучука и изделий из него. Главной причиной такого изменения явилась бурно развивающаяся промышленность производства шин: 70% всего экспорта данной отрасли составляют именно шины. Производство развивается опережающими темпами по сравнению с производством синтетического каучука (28 и 15% прироста соответственно), поэтому основной статьей импорта является синтетический каучук. Производство синтетического каучука и изделий из него сосредоточено в восточных провинциях: Шаньдун, Цзянсу, Шанхай, Гуандун. Главные факторы размещения предприятий данной отрасли — наличие потребителей и доступного сырья. В связи с развитием внутренних провинций Китая у этой отрасли имеется большой потенциал для развития.

7. Фарминдустрия в Китае находится пока только в начальной стадии развития. Доля НИОКР фарминдустрии КНР в общем объеме продаж составила 3% в 2007 г., тогда как во всем мире средний показатель равен 15%. Тем не менее фарминдустрия характеризуется самыми высокими показателями доли добавленной стоимости (36%)

и прибыли на единицу продукции во всей химической промышленности. Фармацевтическая промышленность Китая имеет две подотрасли — производство традиционных китайских препаратов и производство западных препаратов, в соотношении 1:2. Традиционными препаратами в основном пользуются сельские жители и небогатые слои населения, часть препаратов идет на экспорт. Решающими факторами размещения производства являются наличие квалифицированной рабочей силы, потребление, а также инвестирование, так как строительство заводов по производству фармпрепаратов отличается капиталоемкостью. Исходя из этих факторов, географию фарминдустрии Китая следует изучать на примере крупных городов восточных провинций, где производится более 60% продукции. Основные центры размещения предприятий фарминдустрии: Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Гуанчжоу, Нанкин, Харбин, Шичзячжуан (Хубэй) и Цзинань (Шаньдун). Хотя власти Китая пытаются уменьшить концентрацию производства в восточных провинциях и в больших городах. Значительную часть (15%) фармпрепаратов производят крупнейшие иностранные ТНК. Они активно взаимодействуют с Академией наук, различными вузами страны для подготовки квалифицированных кадров и разработки инноваций. Китай является нетто-экспортером фармпрепаратов. Основная статья экспорта (70%) — активные фармацевтические препараты (АФИ), и только 27% экспорта приходится на готовые лекарства, еще 2,5% — на традиционные препараты. Основные торговые партнеры: США, Индия, Германия, Нидерланды.

Петухов И.А.,
к. э. н., ИДВ РАН

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ КНР*

Новые и высокие технологии, инновации, знания рассматриваются в КНР как источник экономического роста и как инструмент индустриализации нового типа. Стержнем концепции рационального развития государства становится переход к наукоемкому и техноёмкому производству с высокой экономической эффективностью, низкими затратами, рециркуляцией ресурсов, снижением уровня

* Подготовлено при поддержке РФНФ, проект № 07-02-02005а.

загрязнения окружающей среды. 2020 г. намечен в Китае как рубеж вхождения страны в число инновационных государств мира.

В Китае сегодня ориентируются на соответствующие международным показателям индикаторы развития высокотехнологичной промышленности, которые были разработаны Организацией экономического сотрудничества и развития¹. «План развития промышленности высоких технологий Китая в период 11-й пятилетки» определяет основные направления развития восьми ключевых отраслей высокотехнологичной промышленности: авиация и космос, производство новых материалов, информационно-коммуникационные технологии и электроника, сфера услуг на основе высоких технологий, новые источники энергии, биотехнологии, морское хозяйство, использование высокотехнологичных разработок для модернизации и повышения уровня традиционных производств.

В «Основных положениях государственного плана средне- и долгосрочного развития в области науки и техники на 2006–2020 гг.», реализация которого направлена на создание предпосылок для вхождения в число государств инновационного типа и превращения страны в мировую научно-техническую державу к середине века, отмечается необходимость развития высоких технологий в таких областях, как биология, информатика, современная обрабатывающая промышленность, энергетика и др. При этом доля ассигнований на научные исследования и разработки должна к 2020 г. увеличиться до 2,5% ВВП².

Статистические данные указывают на то, что инновационные процессы в Китае носят устойчивый характер, уже заложена прочная основа для роста производства высокотехнологичной продукции.

Ассигнования из центрального бюджета на развитие науки и техники стали наиболее крупными за все годы проведения политики реформ и открытости, а темпы их роста стали одним из наиболее высоких показателей за прошедшие годы.

Совокупные кадровые ресурсы Китая в области науки и техники составляют около 40 млн человек, и по этому показателю он занимает 1-е место в мире. В то же время, несмотря на наличие большого числа научно-технических специалистов, в стране ощущается нехватка высококвалифицированных научных кадров.

КНР занимает 2-е место в мире по объему высокотехнологичного производства и вышла на 1-е место в мире по производству основной продукции в сфере информационно-коммуникационных технологий. Постепенное повышение доли качественных товаров и продукции с высокой добавленной стоимостью свидетельствует о том, что Китай

успешно совершенствует технологическую базу и национальное производство.

Наиболее быстрые темпы развития высокотехнологичных отраслей отмечаются в восточных и центральных районах. На долю предприятий в дельтах рек Янцзы, Чжунцзян и прилегающих к Бохайскому заливу зон приходится более 80% общего объема производства высокотехнологичной продукции в стране.

Взаимодействие с транснациональными корпорациями по вопросам технологий и международное технологическое сотрудничество являются важным элементом для разработки инноваций в области промышленных технологий Китая. Такое сотрудничество позволяет более эффективно развивать собственные инновационные разработки в области высоких и новых технологий.

В Китае поставлена задача сделать предприятия основными субъектами инновационной деятельности. При этом повышенное внимание уделяется сочетанию производства, научных исследований и технических разработок как в государственном секторе, так и на негосударственных предприятиях.

Китай планирует в ближайшие годы улучшить ситуацию с защитой интеллектуальной собственности в стране. В этой области он существенно уступает развитым промышленным странам. Более 90% китайских предприятий не имеют собственных патентных изобретений, в настоящее время время только 3 из каждых 10 тыс. предприятий обладают правами интеллектуальной собственности.

Китайское правительство уделяет большое внимание вопросам совершенствования системы стандартизации. Намечается к 2010 г. вывести работу по стандартизации на уровень среднеразвитых государств, а к 2020 г. — на передовой международный уровень.

В реализации планов подъема страны за счет науки и образования немаловажное значение придается космической отрасли. Программа освоения космоса рассматривается как неотъемлемая составная часть стратегии современного развития КНР. Осуществляется программа пилотируемой космонавтики, состоящая из «трех этапов». Первый реализован в 2003 г., когда был запущен пилотируемый космический корабль. После успешного запуска космического корабля «Шэньчжоу-7» в сентябре 2008 г., что является следующим этапом, Китай стал третьей страной в мире, которая обладает возможностями и технологиями выхода человека в открытый космос. Третий этап — создание к 2020 г. обитаемой космической станции для длительного пребывания космонавтов в космосе. В целях удовлетворения спроса

на космические запуски в предстоящие 30 лет прилагаются активные усилия для создания ракет-носителей нового поколения «Чанчжэн-5» с максимальной полезной нагрузкой в 25 т.

Силами китайских специалистов разработана система спутниковой навигации и позиционирования «Бэйдоу» («Большая Медведица»). Ведутся работы по созданию собственной глобальной спутниковой навигационной системы, в которую войдут 5 геостационарных и 30 нестационарных спутников.

Одним из впечатляющих проектов в сфере построения инновационного государства, по замыслу руководства Китая, является национальная программа зондирования поверхности Луны, которая стартовала в 2004 г.

В последние годы в авиационной промышленности Китая были достигнуты успехи в строительстве как военных, так и гражданских самолетов. Китай способен самостоятельно разработать и производить истребители третьего поколения, а также овладел ключевыми технологиями производства авиационных двигателей и новых материалов. Подписано соглашение о поставке в США 25 региональных пассажирских самолетов типа ARJ21-700, самостоятельно разработанного и изготовленного Китаем³. Это представляет собой прорыв китайской авиапромышленности на рынок промышленно развитых стран. Проект по разработке и изготовлению крупного широкофюзеляжного самолета включен в Государственную средне- и долгосрочную программу развития науки и техники. Ожидается, что к 2020 г. Китай будет располагать широкофюзеляжным самолетом собственной разработки.

Делая упор на собственные силы в развитии атомной энергетики, Китай активизировал разные формы международного сотрудничества и добился быстрого прогресса в освоении ядерных технологий. Развитие атомной энергетики считается в настоящее время актуальной задачей и стратегическим выбором Китая для обеспечения растущих энергетических потребностей. Оборудование для своих первых АЭС Китай импортировал из Франции, Канады и России. Активное развитие производства внутри страны комплектного ядерно-энергетического оборудования является частью китайской программы по увеличению внутреннего спроса в условиях мирового экономического кризиса.

В последние несколько лет в Китае, который включился в мировую компьютерную гонку, наблюдается значительный прогресс в разработке суперкомпьютеров. В ноябре 2008 г. суперкомпьютер

«Шугуан 5000А», созданный на разработанных в Китае процессорах, вошел в первую десятку мирового рейтинга 500 высокопроизводительных компьютеров.

Меры по дальнейшему расширению внутреннего спроса и стимулированию устойчивого роста национальной экономики, для реализации которых было выделено около 4 трлн юаней, касаются не только решения текущих задач, связанных с преодолением кризиса, но и создания условий для последующего научного и технологического рывка на выдержавшей испытания и обновленной промышленной базе, включающей и высокотехнологичный сектор экономики КНР.

¹ China science and technology indicators, 2002// The yellow book on science and technology. Vol.6. P.131.

² Жэньминь жибао. 26.02.2006.

³ Синьхуа. 05.11.2008.

Карлусов В.В.,
ведущий специалист ОАО РЖД,
соискатель ИДВ РАН

ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА КИТАЯ И РОЛЬ ПРОГРАММЫ «ФАКЕЛ»*

В октябре 2008 г. в Москве состоялся 3-й российско-китайский экономический форум, на котором, в частности, в рамках секции «Сотрудничество в сфере новых и высоких технологий» был рассмотрен ряд теоретических и практических вопросов, прямо или косвенно касающихся развития инновационной системы в Китае, ее важнейших составляющих и механизмов.

В числе таких составляющих — широко известная в КНР и за ее рубежами Программа развития новых и высоких технологий «Факел» (Torch Program), более 20 лет назад (в августе 1988 г.) одобренная ЦК КПК и принятая к исполнению Госсоветом КНР. Ответственный исполнитель программы — Министерство науки и техники (МНТ, бывший Государственный комитет по науке и технике) Китая, непосредственный исполнитель — Центр коммерциализации высокотехнологичной науки «Факел» при МНТ КНР (Центр «Факел»).

Основной мотивационный принцип Программы определен как «стратегия подъема страны за счет развития науки и техники, исполь-

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 08-02-00346а.

зования преимуществ и потенциала китайских научно-технических разработок путем стимулирования их коммерциализации, производства наукоемких товаров и глобализации наукоемкой промышленности в соответствии с рыночными требованиями»¹.

В числе *главных задач* Программы:

- создание в КНР условий для развития высокотехнологичной индустрии;
- создание и развитие «платформы и носителей», способствующего развитию наукоемкой промышленности;
- использование политических средств поддержки наукоемких предприятий и отраслей промышленности;
- индустриализация и коммерциализация высокотехнологичной науки и техники и создание условий для их ускоренного развития.

Назначение и общие функции Центра «Факел» определяются как: непосредственное управление инновационным процессом; подготовка «саженцев» инноваций; создание «лесокультуры» для их «выращивания», культивирования (т.е. по сути формирование предпринимательской, этической и прочей культуры внедрения новых технологий. — *Авт.*); улучшение «окружающей среды» (т.е. институциональных. административно-правовых и иных условий указанного внедрения); организация инновационно-инвестиционных проектов; индустриализация высокотехнологичной науки и техники и формирование благоприятных условий для их дальнейшего приоритетного развития².

В числе *политико-правовых мер и средств* реализации программы «Факел» в рассматриваемом докладе выделяются «Решение о реформе научно-технической системы», принятое ЦК КПК в марте 1985 г., в котором, в частности, было объявлено о важности и необходимости «коммерциализации научно-технических разработок и создания *научно-технического рынка*» в Китае. В том же году научно-технический (или, в несколько иной интерпретации, *технологический*) рынок был в КНР «официально создан»; одновременно Госсоветом были обнародованы «Временные правила передачи технологий».

Характеризуя *текущее положение на научно-техническом рынке* КНР, Чжан Суйго, в частности, отмечает, что за более чем 20-летний период его функционирования и развития была создана и сформирована *основная операционная архитектура* данного рынка. Из малого ростка инновационной системы он, по сути, превратился в «грандиозный рынок по передаче и торговле технологиями», годовой объем которого в конце 2007 г. — первой половине 2008 г. превысил 10 млрд

юаней. При этом общий объем торговли технологиями в 1984–2007 гг. увеличился с 700 млн до 222,6 млрд юаней, число подписанных технических контрактов составило 220 868 ед. Постоянно совершенствуется система контроля технологического рынка. Так, в этой сфере в Китае ныне работают 1532 управленческие организации разных уровней, включая более 800 организаций с правом подтверждения контракта, 40 организаций с правом передачи технологий, а численность занятых в них составляет примерно 850–860 тыс. человек.

Анализируя *структуру субъектов технологического рынка* Китая, Чжан Сюйго выделяет: 1) инкубаторы научно-технических предприятий; 2) университетские технопарки; 3) государственные зоны высоких технологий; 4) государственные промышленные специализированные базы программы «Факел»; 5) базы программного обеспечения в рамках указанной госпрограммы; 6) центры повышения производительности труда средних и малых предприятий («центры производительности»); 7) инновационный фонд для средних и малых научных предприятий; 8) китайские зарубежные технопарки; 9) предприятия высоких технологий.

Начиная с 1988 г. в рамках программы «Факел» ежегодно реализуется *более 1000 инновационно-инвестиционных проектов*, причем большинство из них на средства, являющиеся собственными средствами или банковскими кредитами предприятий. Реализация проектов Программы привела к тому, что «научно-технические разработки вышли из лабораторий, стали на коммерческую основу и освоены промышленностью, стали повседневным явлением экономической жизни Китая, способствовали созданию большого числа предприятий и корпораций высоких технологий»³.

За 20 лет под знамена программы «Факел» собрались научно-технические сотрудники, инноваторы и предприниматели, образованы большие коллективы научно-технической индустрии. В частности, по состоянию на начало 2008 г., в государственные зоны высоких технологий были привлечены 29 тыс. докторов, 216 тыс. аспирантов и 28 тыс. обученных за рубежом ученых, в указанных зонах работали 1 млн 203 тыс. научных сотрудников и 6 млн 502 тыс. человек персонала.

За годы реализации Программы «создана *специфическая инновационная культура* — научная, демократическая, инновационная, эффективная, неподкупная и справедливая. Эта культура распространяется на все общество и стимулирует общественную инновацию. Предприниматели, выросшие под воздействием программы «Факел»,

соблюдают такие принципы, как следование требованиям рынка, экономической эффективности, профессиональная этика, честность к клиентам, соблюдение законов, правил конкуренции, служение обществу. *Этот дух способствует созданию и развитию китайской инновационной культуры*⁴.

*Общая перспективная цель дальнейшей реализации программы «Факел» состоит в достижении нового прорыва в улучшении методов развития в КНР индустрии высоких технологий. «Интегрируя инновационные ресурсы разных сторон, нам нужно способствовать динамическому развитию средних и малых научных предприятий и конкурентоспособных в мире (корпоративных) инновационных групп. Необходимо, чтобы программа «Факел» стала важным политическим средством в стратегии строительства Китая как страны инновационного типа и в дальнейшем развитии индустрии высоких технологий»*⁵.

В марте 2009 г. в Китае состоялась 2-я сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 11-го созыва. В докладе на сессии премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао о работе правительства, в его пресс-конференции по окончании сессии, а также в выступлениях делегатов выдвигались и мотивировались задачи дальнейшего развития национальной инновационной системы Китая, созвучные, в частности, перспективным целям программы «Факел»: продвигать инновационную работу предприятий, акцентируя внимание на развитии средних и малых научно-технических фирм; способствовать обновлению промышленности на основе новых и высоких технологий; акцентировать внимание на создании и развитии конкурентоспособных на мировом рынке инновационных групп; улучшить общий инновационный климат и поддержку высокотехнологичной индустриализации обществом, сосредоточив на этом направлении человеческие ресурсы, технологии и капиталы⁶.

¹ См.: доклад на форуме Чжан Сюйго, секретаря комитета КПК Центра «Факел» при МНТ КНР «Программа центра «Факел» способствует коммерциализации высокотехнологичной науки» //Третий российско-китайский экономический форум: Материалы секции «Сотрудничество в сфере новых и высоких технологий». Москва, 28 октября 2008 г./ Изд-во технопарка «Дружба». С. 21.

² Там же. С. 21–22.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же.

⁶ См.: Жэньминь жибао. 06–07.03.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/95197/6613338.html>

Рабогошвили А.А.,
к. и. н.,
Байкальский институт
природопользования
СО РАН (г. Улан-Удэ)

НАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

На фоне продолжающегося процесса депопуляции Сибири и Дальнего Востока, с одной стороны, а также стремительного роста численности населения и развития экономики Китая – с другой, остается весьма значимым вопрос о долгосрочном и взаимовыгодном сотрудничестве двух сторон в области устойчивого развития и охраны окружающей среды. В связи с этим вполне обоснован интерес российской стороны в отношении экологической политики Китайской Народной Республики и тесно связанным с нею концептуальным положением и установкам, а также конкретным проектам и мероприятиям в области природопользования, призванным обеспечить устойчивое развитие Китая в ближайшие годы.

Несмотря на явные успехи, достигнутые КНР в ходе 30 лет политики реформ и открытости, ее правительству еще только предстоит приступить к решению таких глобальных проблем, как социально-экономическое неравенство населения, несовершенство системы социальных гарантий и системы управления, растущее потребление энергоресурсов и их неэффективное использование, загрязнение городов и их перенаселенность. Известно, что в настоящее время в качестве стратегической задачи на будущее правительство КНР руководствуется концепцией построения социалистического гармоничного общества, выдвинутой Ху Цзиньтао на XVI съезде КПК (2002 г.). При этом под «гармоничным обществом» понимается общество, в котором царят демократия и законность, равенство и справедливость, доверие и дружелюбие, преисполненность жизненной силой, спокойствие и порядок, гармоничное сосуществование человека с природой. Способом построения гармоничного общества в КНР должна стать «научная концепция развития», в основе которой лежат пропаганда научного мировоззрения, борьба с религиозными предрассудками и ересью, активное финансирование научной деятельности, создание инновационной экономики и экономики знаний, подготовка высококвалифицированных специалистов и поддержка ученых.

В настоящее время в КНР существуют три академии: Академия

наук, Академия общественных наук и Академия инженерных наук. На вершине из трех академий стоит Академия наук — главный производитель знаний в области естественных наук. АН также выступает основным разработчиком инновационных проектов общенационального характера. АОН Китая — главный научный орган по проблемам эволюции социальной структуры китайского общества, построения экономики знаний и информационного общества, творческого заимствования элементов культур других народов при сохранении собственной самобытности. Научные доклады АОН увязываются с коренными проблемами развития китайского общества и мировой цивилизации: глобализацией, энергетикой, экологией, развитием села, сокращением разрыва между городом и деревней, безработицей. Огромное значение в Китае придается созданию единой инновационной системы, что является главной задачей, стоящей перед тремя академиями. Инновационные проекты начали осуществляться в Китае в начале этого века. В 2002 г. принят государственный закон об инновационной политике, предусматривающий четкое законодательное и финансовое обеспечение. Реализация этой программы делится на 3 этапа. К 2010 г. в Китае должна быть создана инновационная система. До 2020 г. КНР по 11 основополагающим направлениям научно-технического прогресса обязана выйти на мировой уровень, а по 3—5 позициям в каждом направлении занять лидирующее место в мировой науке. По планам китайского руководства, к 2050 г. в стране должна быть создана экономика знаний.

В качестве средства для решения проблем страны были выбраны впечатляющие по своему размаху мегапроекты. Среди наиболее известных можно назвать проекты «Великая Китайская Зеленая стена», «Поворот китайских рек с юга на север», проект построения крупнейшей в мире гидроэлектростанции на реке Янцзы — «Три ущелья». Вместе с тем реализация данных проектов имеет в качестве своих последствий ухудшение экологической ситуации и повышение социальной напряженности в данных регионах страны.

Коледенкова Н.Н.,
к. э. н. ИДВ РАН

РАЗВИТИЕ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ КНР: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Черная металлургия относится к числу важнейших отраслей тяжелой индустрии, развитию которой за годы существования КНР (1949—2009 гг.) уделялось первостепенное внимание. Увеличение вы-

плавки стали было всегда важнейшим критерием индустриального роста страны.

За прошедшие 60 лет отрасль получила значительное развитие, однако процесс ее поступательного развития прерывался спадами и застоями производства. Наиболее успешно черная металлургия развивалась в годы первой пятилетки (1953–1957 гг.) и в годы экономической реформы (1979–2009 гг.), особенно в 2001–2007 гг.

В настоящее время черная металлургия страны представляет собой крупный развивающийся промышленный комплекс, включающий специализированные отрасли по добыче и обогащению железной руды, по производству чугуна, стали, проката и изделий дальнейшего передела, кокса, ферросплавов, метизов производственного назначения. Это позволяет Китаю быть не только лидером мировой металлургической отрасли, но и более того: в 2008 г. его производство стали превзошло совокупный объем производства в странах, занимавших 2 – 8-е места. Доля произведенной в Китае стали в мировом объеме производства повысилась с 15,2% в 2000 г. до 37,8% в 2008 г. В последние годы наиболее высокими темпами растет производство высоколегированной, сортовой стали, развивается производство нержавеющей стали.

Динамика производства черных металлов за 60 лет после образования КНР (1949–2008 гг.) выглядит следующим образом (см. табл. 1).

Как следует из приведенных данных, в Китае в последние годы наблюдается стабильно высокий рост выплавки стали. Среднегодовые

Таблица 1

Динамика производства черных металлов, млн т

Год	Чугун	Сталь	Прокат
1949	0,25	0,16	0,13
1952	1,93	1,35	1,06
1957	5,94	5,35	4,15
1970	17,06	17,79	11,88
1980	38,02	37,12	27,16
1990	62,38	66,35	51,53
2000	131,01	128,50	131,46
2005	343,75	353,2	377,7
2007	476,52	489,29	565,61
2008		500,9	584,9

Источники: Чжунго тунци няньцзянь. 2008. С. 541; Жэньминь жибао. 27.02.2009.

темпы прироста выплавки стали в 2001–2008 гг. составили 46,55 млн т, или 18,5%.

Столь стремительный рост производства черных металлов в (2001–2007 гг.) привел к существенному отрыву КНР по темпам и объемам производства стали от главных мировых производителей. Китай по производству стали в период с 2000 по 2008 г. не только прочно удерживает 1-е место в мире, но и увеличивает отрыв от ведущих мировых производителей. Если в 1999 г. отрыв Китая и идущих на 2-м месте США составлял 27 млн т, то в 2008 г. отрыв от Японии, вышедшей на 2-е место, составлял уже 382,2 млн т. Рост производства стали в Китае за 6 лет (1999–2005 гг.) составил 284,6%, при общемировом росте – 140,3%, а за 8 лет (2001–2008 гг.) – 389,8% и 156,8% соответственно.

Ведущая роль в производстве продукции отрасли принадлежит крупнейшим производителям, около 37% выплавки стали приходится на долю 9 компаний (с объемом производства свыше 10 млн т стали в год). К ним относятся Baoshan Iron and Steel Group (Baosteel), Tangshan Iron and Steel Group, Wuhan Iron and Steel Group (Wugang Group), Anshan Iron and Steel Group, Shandong Iron and Steel Group, Jiangsu Shagang Group (Shagang), Shoudu Iron and Steel Co. (Shougang Group) и др. Продолжается процесс (слияния и поглощения) компаний отрасли.

Все это свидетельствует о больших достижениях в развитии черной металлургии КНР, однако не дает достаточно полной характеристики развития отрасли. Черная металлургия Китая в техническом отношении существенно отстает от современного мирового уровня. Многие предприятия используют устаревшие и изношенные основные фонды. Примерно половина производственных мощностей предприятий устарело. Следствием этого являются недостаточно высокое качество значительной части выпускаемой продукции, повышенные издержки производства, ограниченный сортамент продукции, невысокий уровень производительности труда, а также необходимость крупных затрат на ремонт и восстановление производственного аппарата отрасли. Поэтому важной проблемой является оснащение предприятий металлургической промышленности современным оборудованием. Возможности же китайских предприятий, производящих горнорудное и металлургическое оборудование, явно недостаточны. Оснащение современными видами оборудования ведущих предприятий черной металлургии осуществляется в основном за счет импортного оборудования.

Несмотря на важную роль, которую сыграли предпринятые китайским правительством меры макрорегулирования с целью сдерживания объема производства продукции, к настоящему времени наблюдается избыточность производственных мощностей в отрасли. На 2008 г. в Китае уже имелись предприятия, совокупная производственная мощность которых составляла 660 млн т в год. При этом предприятия с производственной мощностью 160 млн т относятся к числу убыточных. В основном это мелкие предприятия, так как для черной металлургии характерно наличие большого числа мелких предприятий. По предварительной оценке, в Китае ожидается вывод из эксплуатации отсталых производств мощностью 100 млн т. В 2009 г. предстоит вывести из эксплуатации мощности по производству 10 млн т чугуна и 6 млн т стали.

Внутриотраслевая структура китайской металлургии несовершенна. К числу ее недостатков следует отнести значительное отставание в обеспечении потребностей металлургии в железной руде, загрязнение окружающей среды, недостаточное развитие сферы образования и науки и др. На протяжении всего периода развития сохраняется диспропорция между возможностями горнодобывающей и обоганительной промышленности и потребностями в высококачественном сырье для черной металлургии. В результате этого Китай вынужден импортировать железную руду в значительных объемах. Зависимость страны от импорта этого сырья увеличивается. Если в 2006 г. ее импорт составил 326,3 млн т, то в 2007 г. — 383 млн т, в 2008 г. — 443,56 млн т. В 2008 г. общий спрос на железную руду в мире составил 1,48 млрд т, в том числе 740 млн т, или почти половина, приходится на Китай.

Несмотря на высокие количественные показатели объемов производства продукции черной металлургии, Китай по-прежнему является крупным импортером проката, поскольку качество проката либо не соответствует необходимым требованиям, либо выпускается в недостаточном количестве. В 2005 г. импорт проката составил 25,8 млн т, в 2007 г. — 16,87 млн т. Вместе с тем в последние годы Китай стал крупным экспортером проката. В 2005 г. экспорт проката составил 20,5 млн т, в 2008 г. — 59 млн т. Однако экспорт проката включает в основном низкотехнологичную продукцию. Тем не менее такой экспорт проката отражает в какой-то мере конкурентоспособность металлургической промышленности Китая.

В заключение следует отметить, что высокие количественные показатели темпов и объемов производства продукции черной металлургии Китая не свидетельствуют о высокоэффективной работе

отрасли, поскольку значительная часть продукции не соответствует современным требованиям. Этим объясняется принятие в 2005 г. «Программы развития металлургии Китая», предусматривающей развитие металлургической промышленности нового типа, с целью создания в Китае крупной металлургической базы, имеющей конкурентоспособность на внешнем рынке.

В соответствии с планом по урегулированию развития черной металлургии КНР, принятом в 2009 г., предполагается в течение ближайших 5 лет контролировать чрезмерно быстрый рост капиталовложений в основные фонды, ввести контроль за объемом производства металлургической продукции, усилить роль крупных корпораций и проводить процесс объединения и перегруппировки предприятий, ускорить процесс проведения технической реконструкции, внедрение в производство современных технологий, закрытие отсталых производственных мощностей.

**ПикOVER А.В.,
ИДВ РАН**

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Как сказано в Плане развития электронной торговли на 11-ю пятилетку, опубликованном 10 ноября 2007 г. Комитетом по реформе и развитию, электронная торговля, являясь новым типом деятельности, связанной с дальнейшим развертыванием информационных сетей, развивается невиданно высокими темпами и уже стала важнейшей силой, повышающей конкурентоспособность экономики развитых стран, эффективным средством получения преимущества в расстановке мировых ресурсов. 11-я пятилетка — это стратегический временной шанс для развития электронной торговли в Китае. Использование этого шанса, ускорение развития электронной торговли — объективная потребность и необходимый выбор следования по пути индустриализации нового типа, реализация научного подхода к развитию на основе стимулирования индустриализации посредством информатизации и продвижения информатизации через индустриализацию.

План развития электронной торговли в 11-ю пятилетку является составной частью «Плана 11-й пятилетки по информатизации разви-

тия национальной экономики и общества», смысл которого заключается в неуклонном претворении в жизнь «Стратегии развития информатизации страны в 2006–2020 гг.» и «Некоторых соображений канцелярии Комитета по реформе и развитию об ускорении развития электронной торговли».

Электронная торговля постепенно внедряется во все сферы экономики и слою общества. Применение электронной торговли в ключевых отраслях и на важнейших предприятиях непрерывно развивается, постепенно формируя управление производством и формы потребления на основе развития информационных сетей. В 2005 г. объем закупок предприятиями товаров и услуг в сети в масштабах страны достиг 1 трлн 688,9 млрд юаней, составив 8,5% от всего объема закупок; объем продаж товаров и услуг предприятий в сети достиг 909,5 млрд юаней, что составило 2% поступлений от коммерческой деятельности. Малые и средние предприятия стали активно практиковать электронную торговлю, непрерывно появляются новые товары и услуги, в основе которых лежат информационные сети, обогащая материальную и культурную жизнь.

Правительствам каждой провинции, автономных административных районов, министерствам и комитетам Госсовета и подведомственным структурам рекомендовано прилагать соответствующие усилия для развития электронной торговли, поскольку развитие электронной коммерции является продолжением индустриализации посредством информатизации, поворотным моментом роста экономики, повышающим качество функционирования и эффективность национальной экономики, является важным шагом на пути индустриализации нового типа, имеет в высшей степени важное значение для всестороннего строительства общества среднего достатка.

В связи с вышеозначенным рекомендовано всесторонне ознакомиться с важнейшими результатами электронной коммерции для развития национальной экономики и общества.

Продвижение электронной коммерции является объективной потребностью с точки зрения неуклонного претворения в жизнь научных достижений, благоприятно для стимулирования упорядочения промышленной структуры страны, дает толчок к переходу роста экономики от экстенсивного типа к интенсивному, повышает качество функционирования и эффективность национальной экономики, формирует новую движущую силу развития национальной экономики, реализует всесторонне согласованную возможность продолжения развития экономического сообщества.

Ускорение развития электронной коммерции является откликом на вызовы экономической глобализации, гарантией права самостоятельного развития, необходимым выбором повышения международной конкурентоспособности, выгодным для повышения потенциала страны в сфере расстановки ресурсов, повышает место страны в мировой экономике.

Распространение использования электронной коммерции представляется эффективным шагом в совершенствовании структуры рыночной социалистической экономики страны, стимулирует дальнейшее движение товаров и всех видов основных факторов, устраняет факторы, обуславливающие препятствия для справедливой конкуренции, снижает себестоимость сделок, продвигает формирование и совершенствование единого общенационального рынка, усиливает позиционирование на рынке ресурсов.

Исходя из требований научно-технического развития, центральной задачей является тесная увязка изменения экономического роста и повышения общей конкурентоспособности, претворение в жизнь структурных инноваций, приложение усилий к развитию благоприятной среды для развития электронной коммерции, распространение использования электронной торговли, ускорение процесса информатизации национальной экономики и общества, проведение в жизнь стратегии переходного типа развития, следование путем развития электронной коммерции с китайской спецификой.

Правительство принимает меры к совершенствованию структуры управления, совершенствованию политической линии, усилению инфраструктурного строительства, повышению качества сервиса, всестороннему раскрытию основных результатов развития применения электронной торговли предприятиями, отстраиванию механизма благоприятного взаимодействия правительства и предприятий, стимулированию согласованного развития электронной коммерции и электронного правительства.

Таким образом, китайское правительство предпринимает реальные и планомерные действия по продвижению электронной торговли во всех сферах экономики страны, расценивая ее как одно из важнейших средств интенсификации развития и повышения качественных показателей роста, что особенно важно для китайской экономики и китайского общества.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА, ВОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ И ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА КИТАЯ*

Значительные темпы роста эти отрасли стали набирать лишь после 1978 г., с началом проведения руководством КНР политики реформ и открытости, курса на «всестороннее многоотраслевое развитие сельского хозяйства», что позволило повысить их производство. В результате — к началу XXI в. Китай стал мировым лидером по производству мяса, яиц, продуктов пчеловодства, коконов шелкопряда, поголовью домашнего скота и птицы. В 2008 г. было получено мяса 72,69 млн т; в том числе: свинины — 46,15 млн т (почти половина мирового производства), говядины и баранины — 6,1 млн т и 3,76 млн т. В 2008 г. на душу населения пришлось почти 53 кг мяса, чуть больше половины уровня потребления США¹.

Развитие молочной отрасли в 11-й пятилетке (2006–2010 гг.) является одним из приоритетных, предпринимаются меры для улучшения пород молочных коров, освоения новых видов продуктов в соответствии с рыночным спросом. Строятся современные предприятия по обработке молока, растет число передовых хозяйств, использующих новейшие технологии. Производство молока в 2008 г. составило 36,51 млн т².

К настоящему времени в Китае создана одна из самых передовых в мире систем селекции высокопродуктивных пород домашней птицы, свиней, крупного и мелкого скота, разработаны интенсивные формы их содержания. В целях экономии земли строятся многоэтажные фермы. Установлены широкие связи научно-технического сотрудничества в этой области с более чем 60 странами и свыше 20 международными организациями³.

Заметно увеличено финансирование проектов в области ветеринарной и биологической безопасности, благодаря чему на данный момент уже созданы на государственном и провинциальных уровнях центры по контролю и профилактике эпизоотий, государственная лаборатория по вопросам серьезных эпизоотий, региональные — по диагностированию. Более 30 китайских научно-технических разработок удостоены государственных призов разных номинаций. Из них следует особо отметить проект разработки и применения вакцин против «подвида вируса птичьего гриппа H5N1», а также «репродук-

* Подготовлено при поддержке РФНФ, проект № 07 – 02- 02005а.

тивно-респираторного синдрома свиней (PPCC)» (смертность от этого заболевания среди заболевших поросят достигает 100%). В рамках этого проекта созданы вакцины, полученные методом обратной генетики. Они широко применяются и уже играют решающую роль в быстрой и надежной локализации эпидемий. В 2008 г. более 100 млн голов свиней сделаны прививки. В мае 2008 г. впервые в Китае состоялся Всекитайский симпозиум по ветеринарной и биологической безопасности (по инициативе Китайского национального центра по контролю и профилактике эпизоотий среди животных). В нем приняли участие специалисты из США, Канады, Великобритании, Австралии и Швейцарии⁴.

Большое значение для развития животноводства имеет кормовая база. К концу 2008 г. площади улучшенных степей в Китае достигли 15 млн га, огороженных — 33 млн га, на 1/5 части годных для пользования степей объявлен запрет на выпас скота или введена система оборота. В 2008 г. на месте бывших пастбищ восстановлено 5,23 млн га степей⁵.

Рост производства комбинированных кормов признан одним из важнейших условий подъема животноводства. По этому показателю, составившему 1/5 мирового производства, Китай занимает на протяжении 17 лет 2-е место в мире, уступая лишь США. В 2008 г. было произведено 130 млн т комбинированных кормов. В данной области специализируются более 15 тыс. предприятий⁶.

Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, выступая с докладом о работе правительства на 2-й сессии ВСНП 11-го созыва (5–13 марта 2009 г.) особо отметил важность стимулирования масштабного развития животноводства, дальнейшей стабилизации свиноводства и осуществления программы подъема молочного хозяйства, контроля по линии стандартизации и ветеринарно-санитарной безопасности, профилактики и локализации серьезных зоо- и фитологических эпидемий⁷.

Водные промыслы являются важнейшей отраслью агросферы и обеспечения продовольственной безопасности страны. Их быстрый рост наблюдается с началом проведения экономических реформ (1978 г.), когда правительство выделило отрасль в приоритетное направление развития. Увеличивается финансирование по ряду целевых программ. Предпринимаются конкретные меры, помогающие выработать оптимальную стратегию по выводу отрасли на более высокий уровень рентабельности. Большое значение придается государственной поддержке: реформе системы управления в рамках новой экономической политики, применению новейших достижений науки и биотехнологии, повышению качества продукции, инвестициям, на-

логовым льготам, кредитной политике. Основные доноры отрасли: Всемирный банк, Азиатский банк развития, Международный фонд развития сельского хозяйства, Европейский союз, ЮНИДЕП; из отдельных стран — Япония, Россия и др. Большую помощь оказывает ФАО.

По общему объему производства водных промыслов Китай занимает 3-е место в мире после Японии и России. В 2008 г. получено 48,95 млн т продукции, в том числе: аквапродукции — 34,26 млн т, что в 10 раз больше по сравнению с 1978 г. При этом среднедушевой показатель вырос в 8,2 раза. Доля отрасли в структуре сельского хозяйства составляет около 10%⁸.

Интенсивно развивается как **пресноводная**, так и **морская аквакультура**. После вступления КНР в ВТО динамично растет экспорт отрасли, в 2008 г. его объем составил десятую часть мирового оборота. По этому показателю Китай в течение 7 лет занимает 1-е место в мире. По данным на конец 2008 г., Государственным комитетом по делам сертификации и аккредитации было зарегистрировано более 1500 предприятий по переработке и экспорту аквапродукции, в их числе — свыше 400 с годовым экспортом не менее 10 млн долл.⁹

Важнейшим преимуществом аквакультуры для Китая является возможность экономить плодородные земли и интегрировать ее с другими отраслями сельского хозяйства (птицеводством, особенно выращиванием уток, свиноводством и рисоводством). Благодаря широко применяемой поликультуре (разведение 8—10 видов рыб с разной кормовой базой), удается получать высокую рыбопродуктивность.

Лесное хозяйство имеет значительные перспективы развития, служит важным способом увеличения доходов и трудоустройства более 45 млн крестьян, что составляет значительную часть от общего количества избыточных сельских рабочих рук в стране. Объем его годовой продукции в 2008 г. достиг 1,33 трлн юаней (170,5 млрд долл.). Согласно итогам 6-го обследования лесных ресурсов, в 2008 г. общая площадь лесных массивов составила 175 млн га, или 18,21% территории страны (в 1978 г. — 12%). Для Китая характерна неравномерность лесопокрытия: в восточных районах она достигает 34,27%, центральных — 27,12%, западных — 12,54%. Площадь искусственных лесонасаждений достигла 53 млн га (около трети мирового показателя, 1-е место). В настоящее время лесной покров в мире ежегодно сокращается более чем на 6 млн га, в Китае он ежегодно увеличивается на 4 млн га, страна является мировым лидером по темпам роста лесных ресурсов¹⁰.

В связи со стремительным ростом экономики все больше увеличиваются потребности страны в лесоматериалах. Общий объем

их производства в 2008 г. достиг 78,94 млн куб. м¹¹. 20 августа 2007 г. на Всекитайском совещании по вопросам лесной промышленности, проходившем в пров. Чжэцзян, создана Китайская ассоциация лесного хозяйства, что явилось важным шагом усиления государственного управления отрасли и стимулом для ее дальнейшего успешного развития. Государственное управление лесного хозяйства КНР 14 сентября 2007 г. опубликовало «Средне-долгосрочную программу научно-технического развития в области лесного хозяйства до 2020 г.». В ней определены основные направления научных исследований, технических инноваций и перспектив развития отрасли: биотехника и селекция, взаимосвязь лесов и окружающей среды, экосистема и восстановление регрессивного экобаланса, борьба с опустыниванием, предотвращение стихийных бедствий и др.¹² В 2009 г. выделено 52,096 млрд юаней (7,6 млрд долл.) на усиление охраны природных лесов, восстановление лесонасаждений на распаханных землях, бывших пастбищах, степях¹³.

В 2008 г. продолжалось осуществление «Всекитайской программы по созданию лесозащитных полос в приморской зоне на 2006–2015 гг.» (утверждена Госсоветом КНР в декабре 2007 г.). Насаждения пройдут на площади в 447,1 тыс. кв. км, что составит 4,7% всей территории Китая, в 11 приморских провинциях и 261 уезде, 5 городах. К 2015 г. лесистость в этих районах должна достигнуть 37,3%. Общий объем капиталовложений — 4,8 млрд юаней (700 млн долл.) В настоящее время общая протяженность защитных лесных полос в приморских районах — 17,8 тыс. кв. км¹⁴.

¹ WebAgro.net. 22.01.2009.

² http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20090226_402540784.htm.

³ Жэньминь жибао. 11.01.2009.

⁴ http://russian.china.org.cn/government/txt/2008-08/30/content_8770496.htm.

⁵ http://www.agri.gov.cn/government/txt/2009-02/03/content_964723.htm.

⁶ <http://russian.people.com.cn/31319/6219220.html>.

⁷ <http://russian.people.com.cn/31319/6219220.html>.

⁸ http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20090226_402540784.htm.

⁹ <http://russian.people.com.cn/31319/6219220.html>.

¹⁰ Синьхуа. 13.03.2009; 13.03.2009.

¹¹ http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20090226_402540784.htm.

¹² http://russian.china.org.cn/environment/txt/2008-06/10/content_15730786.htm.

¹³ <http://russian.people.com.cn/31319/6219220.html>.

¹⁴ <http://www.agronews.ru/newsshow.php?Nid=42679>.

Величко В.В.,
Дипломатическая академия Украины

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ КИТАЯ

Теории переходного общества и экономики, активно разрабатываемые в Китае, носят выразительное пространственное измерение, поскольку территориальные параметры его экономики особенно велики. Место изучающей их региональной экономики Китая в системе научного знания и дисциплин его высшей школы, ее достижения в анализе явлений переходности и в контексте достижений мировой науки окончательно не определены.

Находясь в 1950—1970-х годах в русле идей марксистской теории (учение о территориальном разделении труда, теория сравнительных преимуществ и др.), региональная экономика Китая развивалась в рамках планового хозяйства, но с китайской спецификой. Эта специфика заложена в работах Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, которые отнесены к числу основоположников современной науки региональной экономики.

В наследии Мао Цзэдуна (статья «О десяти важнейших взаимоотношениях», 1956 г.) отражена макроэкономическая сторона региональной политики Китая того времени (отношения между приморскими и внутренними районами Китая, между Центром и районами, между самими районами, между регионами с ханьским и неханьским населением и т.п.).

Дэн Сяопин развил эту науку, обосновав такие положения, как «разрешить» части регионов получить большую, чем другие, прибыль, улучшить качество жизни первыми и т.п. В то же время он предусматривал, что регионы, в которых обеспечено опережающее развитие сравнительно с другими регионами, обязаны обеспечить развитие отсталых регионов для того, чтобы достичь «общего процветания» — «*гунтун фаньюй*». Им обоснована необходимость использования ресурсов (в том числе инструментов фискальной политики) относительно развитых восточных регионов для освоения центральных и западных регионов и разра-

ботана модель макрорегулирования и макроконтроля — *хунгуань тяокун*, которая обеспечивает перераспределение ресурсов для преодоления неравномерного развития регионов.

Имея поддержку со стороны государства и богатый опыт регионального строительства (как положительный, так и отрицательный), региональная экономика Китая обнаружила способность к динамическому развитию.

Его первая «волна» приходится на вторую половину 1980 г. — начало 1990-х годов. Авторами наиболее показательных для первой волны исследований в Китае конца 1980-х годов считают Чжан Ваньцина, Чжоу Цие, Чень Бидина, Ян Кайчуна и др.

Другую, мощную волну исследований, которые были начаты во второй половине 1990 — начале 2000-х годов, представляют работы Ли Шаньтун, Лю Цзайсина, Чэнь Дуншена, Ань Хусэня, Хао Шоуи и др.

Совершенствуется и методология исследований. Так, исследователи все чаще используют инструменты количественного и сравнительного анализа, не минуя и природно-ресурсный подход, некоторые широко применяют инструменты моделирования. Тем не менее в региональной науке Китая ощущается дефицит современных методов исследований, поскольку используется в основном элементный способ — *чэнфень фанфа*, и только в незначительной степени — другие методы, например, линейное или нелинейное программирование — *сяньсин хе фэйсяньсин гуйхуа*.

В контексте использования достижений Запада, в Китае широко применяется теория промышленного штандарта А. Вебера, достижения школ институционализма, ряд таких теорий, как «полюсы роста» Ф. Перро, циклы индустриального развития И. Шумпетера, размещение промышленности на макроэкономическом уровне (на основе принципа общего равновесия территориальной структуры промышленности) А. Льюша и др.

Вместе с тем утверждается, что «западная» школа стоит большей частью на позициях гуманитарной географии — *женьвень дили*, концентрируя внимание на вопросах регионального развития в социальном и культурном контексте.

В то же время китайские экономисты продолжают использовать достижения регионалистов позднего СССР и современной России, такие, как теория территориально-производственных комплексов, концепция энерго-производственных циклов и т.п.

Научная элита КНР сходит в мнении, что в региональной экономике видную роль играет и будет играть прежде всего «восточная»

научная школа (к которой отнесены региональная экономика и экономическая география постсоциалистических европейских стран), а не «западная». Мотивируется это тем, что «восточная» школа четко придерживается позиций региональной экономики, *цзюйной цзинцзи*, и экономической географии — *цзинцзи дили*.

В развитии региональной экономики намечились как консервативная, так и реформаторская тенденции развития.

Первая представлена научной школой во главе с Дин Сыбао, который считает, что в индустриальном обществе роль географического фактора минимальна, поскольку основу экономического районирования составляет административно-территориальная структура.

В связи с этим задача развития и освоения регионов стоит перед провинциальными правительствами или администрациями других территориальных единиц, которые входят в состав провинций (в условиях Китая — муниципалитетов, уездов, волостей и поселков).

Именно административным районам должны принадлежать функции управления региональным хозяйством, а также финансовая и программная деятельность, нормотворчество в региональной политике.

Взгляды Дин Сыбао отображают слабость теоретической базы регионалистики и содержат рудименты времен господства в Китае командно-административной системы хозяйствования и обслуживающих ее наук.

Достижением реформаторской школы Ань Хусэня есть понимание того, что главная задача региональной экономики — это исследования закономерностей экономического развития регионов в масштабах всей страны и в трансграничном измерении. Они преодолевают безоговорочное восприятие теории локализации — *цзюйвей лилунь*, отвергая ограниченность местонахождения определенными границами. Утверждая, что местонахождение (локация) является, по сути, неограниченным пространством, Ань Хусэнь полагает, что при этом должны учитываться не только точки, линии или плоскости внутри страны, а и их внешнее окружение — *фаньвей*.

Исходя из того, что факторы производства постоянно находятся в движении, он предполагает, что такие явления, как расхождения в развитии экономики регионов, межрегиональное разделение труда и торговля, региональная политика и т.п., и являются признаками переходности.

По мнению Ань Хусэня, это означает переход от изучения экономики с позиций локализации (местонахождения) к изучению ре-

гиона путем анализа его макроэкономической, трансграничной сути. Он подчеркивает, что если локализовать производство лишь в микроэкономическом масштабе, исходя из прибыльности предприятий, во многих случаях можно не воспользоваться преимуществами эффективности в масштабах макрорегиона.

Однако практически все экономисты настаивают на специфическом характере региональной экономики Китая, связывая ее развитие на протяжении последних десятилетий с политикой реформ и открытости, начатой в конце 1970-х годов.

Несмотря на достигнутые результаты, перед учеными и политиками Китая стоят задачи усовершенствования теоретической основы региональной экономики. Определяя пути развития региональной экономики Китая как науки, отечественные экономисты предполагают, что она продолжительное время будет развиваться в макроэкономическом ключе, что вызвано, в частности, курсом на ускоренное развитие экономики и необходимостью преодоления последствий экономического кризиса.

Масштабные цели стоят и перед микроэкономикой, в частности в области проблематики, связанной с местоположением предприятия, с землепользованием в городах, с межрегиональной миграцией населения и др.

Существующий в мире интерес к китайскому опыту реформирования региональной экономики как науки со своей теоретико-методологической основой — не случаен, поскольку он ранее не был широко известен и поскольку Китай начал экономические реформы раньше (на 10–12 лет), чем Россия и другие страны Европы и Центральной Азии.

Михайличенко А.Г.,
ИДВ РАН

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ АНКЛАВОВ КНР

Образование промышленных кластеров (анклавов) является одной из наиболее заметных тенденций экономического развития Китая в период реформ. Этап наиболее интенсивного развития региональных промышленных зон в КНР начался в середине 1990-х годов и продолжался по 2008 г., приостановившись в связи с мировым финансовым кризисом.

Географически зоны индустриального развития покрывают в основном районы прибрежного пояса КНР. В 2008 г. около 50% ВВП прибрежных провинций КНР приходилось на индустриальные кластеры¹.

По отраслевому признаку индустриальные кластеры КНР можно разделить на три основные категории: А) Традиционные отрасли китайского экспорта. Примером могут служить конгломераты малых и средних предприятий текстильной индустрии в пров. Чжэцзян. Б) Капитало- и ресурсоемкие производства. Пример – автоборочные предприятия в пров. Цзилинь и г. Шанхае. В) Высокотехнологичные и наукоемкие производства, такие, как электронные и электротехнические производства в пров. Цзянсу.

Основные движущие силы, ведущие к концентрации производств в индустриальных анклавах, — политическая (экономическая стратегия руководства КНР, направленная на создание передовых экспортных производств в прибрежном поясе) и экономическая (повышение конкурентоспособности производств в силу ресурсной концентрации)².

Одним из важнейших *движущих факторов развития* индустриальных промышленных конгломератов является приток иностранных инвестиций. В последние годы наибольшими темпами растут иностранные инвестиции в наукоемкие и высокотехнологичные конгломераты. Например, за последние 5 лет объемы инвестиций транснациональных корпораций в предприятия электронной промышленности и информатики пров. Цзянсу выросли вдвое³.

В 2008–2009 гг. *условия для развития региональных промышленных зон* в большинстве случаев кардинально изменились вследствие мирового финансового кризиса. Кризис нанес удар в первую очередь по крупным экспортным анклавам, предприятия в которых особо сильно — финансово, технологически, ресурсно — зависимы друг от друга. Например, в зоне Шаосин (пров. Чжэцзян) либо приостановили свою работу, либо перешли на облегченный график около 30% текстильных предприятий⁴. Зоны индустриального развития в результате распространения кризисных явлений постепенно превращаются из стимулирующей в тормозящую силу развития китайской экономики. По мере ухудшения социально-экономической ситуации в районах концентрации рабочих и ИТР данные районы становятся источниками социальной нестабильности, стихийных выступлений против центральных властей⁵.

В ходе кризиса в политике Пекина по отношению к зонам промышленного развития налицо тенденция перехода от поощрения процессов концентрации к поощрению процессов рассредоточения.

Иностранные наблюдатели отмечают резкое сокращение инвестиций центра в развитие промышленной, финансовой и транспортной инфраструктур зон индустриального развития и технопарков⁶.

Что касается *перспектив дальнейшего развития индустриальных конгломератов* в районах прибрежного пояса, наиболее обоснованным представляется прогноз о дальнейшем замедлении, по крайней мере, в ближайшем будущем (период 2009–2010 гг.), темпов их роста и веса в экономике КНР.

¹ Wang, J. Fiscal Inceptive: testing for China's sub-national governments. Working paper/ London School of economics. 2008

² Wong, R., Lu, X., Tao, Z., Jiang, J., Sui, A., Sun, Y. Retaking the economic centre stage: Integration and Transformation in the Yangtze River Delta Economic Region. Shanghai and People's Press, 2007.

³ Du, J., Lu, Y., Tao, Z. China as a regulatory state. Working paper/ University of Hong Kong School of Economics and Finance, 2007.

⁴ Lu, J., Tao, Z. Trends and determinants of China's Industrial Agglomeration // Journal of Urban Economics. 65. 2009.

⁵ Hering, L., Poncet, C. The impact of economic geography on wages: Disentangling the channels of influence // China Economic Review. 20. 2009.

⁶ Lin, C., Ma, Y., Su, D. Corporate Governance and Firm Efficiency: Evidence from China's Publicly Listed Firms // Managerial and Decision Economics. 30. 2009.

Намжилова В.О.,
аспирантка ИДВ РАН

ПРОГРАММА ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНЫХ РЕГИОНОВ КНР В КОНТЕКСТЕ ГАРМОНИЧНОГО РАЗВИТИЯ

Выдвинутая XVI съездом КПК концепция «гармоничного развития» в региональном разрезе предполагает сглаживание региональных диспропорций в социально-экономическом развитии регионов, а также сбалансирование региональной структуры экономики, дифференцированный подход к каждому региону, введение эколого-функционального районирования. Одним из инструментов новой региональной политики стала реализация региональных программ:

■ *Программа освоения западных регионов*, предусматривающая осуществление 8 основных проектов: экологическое строительство, переброска газа с запада на восток, строительство нового евразийского континентального моста, переброска вод южных рек в северные районы, создание научных парков, формирование современной транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, развитие

специфичного туризма, подъем науки и образования. Основными точками роста, центрами притяжения являются крупные города, такие, как Чунцин, Чэнду, Сиань. Города Урумчи и Куньмин, имеющие статус важнейших городов приграничных районов, играют ключевую роль в повышении внешней открытости западных регионов¹.

▪ *Программа возрождения северо-восточных старопромышленных баз*, предполагающая превращение региона в конкурентоспособную промышленную базу. Этот регион призван стать одним из локомотивов экономического роста страны наряду с регионами в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян и Бохайского залива.

▪ *Программа стимулирования подъема центральных районов*, которая намечает создание «пяти баз» (продовольствия, энергоресурсов, сырья, современного оборудования и высоких технологий) и «одного узла» (комплексного транспортно-логистического узла)². Центральные районы отличает высокий удельный вес сельских жителей, порядка 67% всего населения региона. В деревнях проживает 244 млн человек, что составляет почти 1/3 всего сельского населения страны. Увеличение капиталовложений в сельское хозяйство и подъем производительных сил в центральных районах во многом будут способствовать решению проблем «саньнун» в масштабах всей страны, а увеличение доходов сельского населения позволит расширить внутреннее потребление.

В условиях провозглашения новых региональных программ стратегия освоения западных регионов сохраняет свою значимость, но уже в рамках комплексного подхода региональной политики. Смена приоритетов в региональной политике одновременно делает вызов поэтапной реализации Программы освоения западных регионов (далее Программа) и дает возможности совместного развития и кооперации с другими районами.

До конца реализации первого этапа Программы остался один год, и есть основания для подведения промежуточных итогов. В 2000 г. совокупный ВВП западных регионов составлял 1,66 трлн юаней, в 2007 г. — 4,74 трлн юаней³. По предварительным подсчетам, совокупный ВВП в 2008 г. превысил 5,82 трлн юаней (прирост 12,4%)⁴. Уже сейчас можно говорить о досрочном выполнении задачи первого этапа, а именно, об увеличении совокупного ВВП до 4,78 млн юаней (по плану — в 2010 г.). Однако удельный вес западных регионов в совокупном ВВП Китая повысился незначительно: с 16,9% в 2000 г. до 17,3% в 2007 г. Среднегодовые темпы роста в 2000—2007 гг. составили 11,6%⁵. ВВП на душу населения этих регионов по-прежнему отстает от среднего показателя по стране примерно на 1/3.

За 2000—2006 гг. государство вложило в строительство инфраструктуры западных регионов около 1 трлн юаней, в экологическое строительство и охрану окружающей среды — 122 млрд юаней, в улучшение условий жизни на селе — более 31 млрд юаней⁶. В период с 2000 по 2007 г. среднегодовые темпы роста капиталовложений здесь составили 22,9%⁷. По состоянию на конец 2007 г. было запущено 92 крупных объекта, объемом инвестиций превысил 1,3 трлн юаней. За 8 лет было построено более 650 тыс. км новых автомобильных дорог, введено в эксплуатацию около 6600 км железнодорожных путей и 26 аэропортов. Мощность новых энергоустановок составила 1,13 трлн кВт⁸.

Знаковым событием последних лет стал запуск в эксплуатацию после 5-летнего строительства самой высокогорной железной дороги в мире протяженностью 1142 км — Цинхай-Тибетской, мечты нескольких поколений. Начал функционировать важный объект по переброске газа с запада на восток — энергетическая магистраль протяженностью 4000 км, берущая начало в Таримской впадине и ведущая в пригород Шанхая. Данный газопровод обслуживает более 80 больших и средних городов. В 2006 г. по трубопроводу транспортировано 9,9 млрд куб. м газа. В феврале 2008 г. началось строительство второй линии газопровода — крупномасштабного проекта по переброске импортного газа. Газопровод является продолжением центральноазиатского газопровода, проходящего по территории Казахстана, Киргизии и Туркмении. На западе Китая данная линия берет начало с г. Хоргос Синьцзян-Уйгурского автономного района и тянется до Гуанчжоу по юго-западному направлению и до Шанхая по — восточному. По протяженности вторая линия газопровода длиннее первой в 2 раза (9139 км), а годовая пропускная способность составит 30 млрд куб.м⁹.

Успешно реализуется проект по переброске электроэнергии, включающий создание трех трасс: южной (от гидростанции Тяньшэнцзяо на стыке провинций Юньнань, Гуйчжоу и ГЧАР до пров. Гуандун), центральной (от ГЭС Санься к восточным провинциям) и северной (линии электропередач из Внутренней Монголии, Шэньси и Шаньси в Пекин, Тяньцзинь и Таншань). На конец 2007 г. пропускная способность трех трасс составила 49,8 млн кВт¹⁰.

Экологическая политика региона добилась немалых успехов: широко развернулись мероприятия по охране естественных лесов, возврату пашен и пастбищ под леса и луга, травосеянию, а также возведению «зеленой стены» для защиты городов Пекин и Тяньцзинь от пыльно-песчаных бурь. За 2000—2007 гг. под лесопосадки возвращено более 25,6 млн га истощенных пахотных угодий, восстановление

лугов охватило 34,6 млн га деградировавших пастбищ¹¹. Важным достижением последних лет стало введение эколого-функционального районирования: из 20 зон ограниченного развития, предусмотренных планом 11-й пятилетки, почти все находятся на территории западных регионов¹².

Уже сейчас можно констатировать колоссальный прорыв в строительстве разветвленной инфраструктуры в западных регионах, однако важно учитывать, что существуют опасения по поводу придания этой инфраструктуре транзитных функций, когда ее объекты преимущественно будут использоваться для снабжения развитых приморских районов энергоносителями, природными ресурсами и разного рода товарами.

Ожидания по поводу притока больших инвестиций на коммерческой основе и иностранного капитала по большому счету не оправдались, хотя для их привлечения были предусмотрены существенные налоговые льготы. Объем освоенных иностранных инвестиций в 2000—2007 гг. составил 18 млрд долл. (лишь около 4% всего освоенного иностранного капитала в стране)¹³. Многие признают, что западные регионы в силу острых национальных вопросов, нестабильности политического положения и удаленности от экономически развитого востока остаются не очень благоприятным и привлекательным районом для инвесторов. Представляется, что будущее Программы — за развитием местных специфических отраслей, которые станут «изюминкой» западных регионов и значительно увеличат их собственный экономический потенциал.

Справится ли Программа освоения западных регионов с задачей перехода от стадии, когда решающую роль в экономическом росте играет правительственная поддержка и громадные государственные инвестиции, к стадии реализации собственного потенциала — вопрос очень сложный. По крайней мере, такой переход — задача долгосрочной перспективы.

¹¹ Освоение западных регионов и строительство центральных городов // Гуанмин жибао. 01.02.2000.

¹² 2007 Чжунго цююй цзинцзи фачжань баогао: чжунбу тасянь юй чжунбу цзюеци [Доклад 2007 г. об экономическом развитии регионов Китая: упадок и подъем центральных районов]. Шанхай, 2007. С. 4.

¹³ Чжунго тунцзи чжайяо — 2008. Пекин, 2008. С. 16.

¹⁴ <http://www.chinawest.gov.cn/web/NewsInfo.asp?NewsId=51851>.

¹⁵ http://news.xinhuanet.com/politics/2008-10/14/content_10190008.htm.

¹⁶ 2006—2007 нянь: Чжунго цююй цзинцзи фачжань баогао [2006—2007 гг.: Доклад о раз-

- витии региональной экономики Китая]. Пекин, 2007. С. 18.
- ⁷ Чжунго тунци чжайяо – 2008. С. 16.
- ⁸ http://news.xinhuanet.com/politics/2008-10/14/content_10190008.htm.
- ⁹ www.regnum.ru/news+/1052668.html.
- ¹⁰ <http://news.cctv.com/xwlb/20081209/108150.shtml>.
- ¹¹ http://news.xinhuanet.com/politics/2008-10/14/content_10190008.htm.
- ¹² Ушаков И.В. Региональный аспект экологической проблемы в Китае // Региональная политика: опыт России и Китая. М, 2007. С. 167.
- ¹³ http://news.xinhuanet.com/politics/2008-10/14/content_10190008.htm.

Бессарабов Г.Д.,
к. геогр. н., ИДВ РАН

10 ЛЕТ СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ И ВЫЗОВЫ СЫЧУАНЬСКОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

В 1999 г., пройдя более чем 20-летний путь реформ экономической системы, Китай оказался в состоянии приступить к ликвидации больших диспропорций в более высоком экономическом развитии восточных провинций (по сравнению с уровнем западных территорий), что имело важное значение для создания общенационального рынка и социально-экономического развития страны.

При формировании 10-го пятилетнего плана (2001–2005 гг.) Китай вплотную столкнулся с проблемой острой нехватки энергии, топлива, воды и других ресурсов для выполнения планов экономического развития, причем проблема обеспечения пятилетки сразу переросла в стратегию обеспечения всего дальнейшего развития Китая на длительную перспективу. К тому же Китай переосмыслил свою роль в экономической глобализации при вступлении в ВТО. Ресурсов не хватает прежде всего для промышленности, способной выдержать конкуренцию в рамках ВТО. Важную роль в идее освоения Запада сыграл переход страны к долгосрочной политике экологически устойчивого экономического развития. Все эти факторы явились своеобразным «катализатором» новой стратегии освоения Запада (*«сибу да кайфа»*). В этом смысле Запад, по площади превышающий Австралию, призван стать основной частью топливно-энергетического и сырьевого потенциала Китая.

Но есть и другая проблема. Негативные тенденции территориального развития Китая, усиливающаяся дифференциация уровней социально-экономического развития регионов и прогрессирующее отставание Запада объективно приводят к усилению центробежных

и конфликтообразующих тенденций и сепаратизма в периферийных районах, населенных нацменьшинствами, что создает известные трудности для проведения стратегии освоения западных территорий. Данная стратегия также имеет непосредственное отношение ко всему спектру российско-китайских отношений, в том числе сотрудничеству в рамках ШОС, потому что Россия и бывшие среднеазиатские республики СССР непосредственно примыкают к западным территориям Китая и имеют общую с ними границу протяженностью более 3000 км.

Западные территории включают 12 провинций и районов с населением более 360 млн, из них 6 на северо-западе (провинции Шэньси, Ганьсу, Цинхай, а также НХАР, СУАР, АРВМ) и 6 на юго-западе (провинции Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, а также ТАР, СУАР и город центрального подчинения Чунцин).

22 марта 1999 г. в Положениях Госсовета КНР было заявлено о масштабном освоении Запада. В январе 2000 г. была образована Руководящая группа при Госсовете по развитию западных районов Китая (в настоящее время под руководством Вэнь Цзябао). Окончательно проблема была сформулирована в октябре 2000 г. на сессии ВСНП в докладе о 10-м пятилетнем плане. Было заявлено, что это долгосрочная задача, рассчитанная не только на несколько пятилеток, но и на несколько поколений. В докладе обсуждались благоприятные шансы, заключающиеся в богатых ресурсах, дешевой рабочей силе, льготной политике государства при освоении Запада, пока еще слабой конкуренции в получении прав на освоение. Вместе с тем указывается на вызовы, экономические трудности освоения, причем вызовы значительно сильнее шансов.

Это во многом подтвердило сильнейшее землетрясение в Сычуани в январе 2008 г. Землетрясение в г. Вэньчуане силой в 8 баллов, названное по наиболее пострадавшему уездному городу, затронуло большую территорию в пров. Сычуань, а также в приграничных районах провинций Ганьсу и Шэньси. Общая площадь землетрясения, по оценке китайских специалистов, составляет 132, 6 тыс. кв. км, что сравнимо с территорией КНДР. Сильно пострадали 10 уездов, 41 уезд пострадал серьезно.

Госсовет в лице Штаба по противостоянию землетрясению и оказанию помощи пострадавшим, Китайского комитета международного содействия по предотвращению стихийных бедствий, а также Министерства охраны окружающей среды предпринял комплексную стратегическую оценку последствий землетрясения. Был принят план

по восстановлению района, рассчитанный до 2015 г. В результате землетрясения пострадали не только природная среда, охраняемые природные территории, но и угольные шахты, объекты промышленности и инфраструктуры. К счастью, не пострадали такие важные объекты, сооруженные по плану освоения западных территорий, как нефтепровод Чэнду—Ланьчжоу, Эртаньская ГЭС, железные дороги, соединяющие Сычуань с севером страны.

Таким образом, при рассмотрении итогов выполнения стратегии пров. Сычуань необходимо учитывать результаты стихийного бедствия 2008 г.

Госкомитет по планированию и развитию за 10 лет резко увеличил капиталовложения в экономику Запада. Министерство внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества внесло большой вклад в расширение доли Запада в общем объеме внешней торговли страны и масштабов иностранных инвестиций, особенно в пров. Сычуань и г. Чунцине. Для улучшения ситуации с иностранными капиталами на Западе КНР вырабатывается льготная политика с целью увеличения инвестиций. Иностранцам предоставляется право вкладывать средства в финансовый сектор, страхование, связь, а также в коммуникации, энергетику, сельское хозяйство и ирригацию. Приветствуется открытие филиалов иностранных банков. Для привлечения инвестиций г. Чэнду объявлен зоной развития высоких технологий.

Из крупных проектов, осуществленных в пров. Сычуань, можно отметить совместное предприятие по производству электронных компонентов в г. Лэшань с участием компании «Моторола» и строительство в Чэнду Центра интернета этой же компании, предприятие электронного оборудования компании «Эрикссон» (Швеция), супермаркет в Чунцине компании Metro AG (ФРГ), система тренажеров в Институте гражданской авиации в Чэнду (проект США), система водоснабжения и дренажа в Чунцине, система контроля за паводковыми водами в г. Цзыпинлу, оборудование для телекоммуникаций Big Sky Network(Канада) и др.

Крупные банки также обнародовали свою программу освоения западных регионов. Народный банк Китая увеличил объем долгосрочных и среднесрочных кредитов Западу, Государственный банк развития в 2000 г. выделил пров. Сычуань 53 млрд юаней.

Министерство земельных и природных ресурсов разработало Перспективный план освоения и использования земель и природных ресурсов Запада. Экологическое строительство и защита окружающей среды объявлены приоритетной задачей стратегии.

Сычуань обладает большими ресурсными возможностями — природный газ, нефть, электроэнергия, водные ресурсы, транспортная инфраструктура. Например, первым крупным газовым месторождением Китая на западных территориях является месторождение в пров. Сычуань, открытое в 1955 г. советскими специалистами, с доказанными запасами на этот период в 500 млрд куб. м. В Юго-Западном Китае на месторождениях пров. Сычуань добывается примерно 2,2 млн т нефти в год. Имеется нефтепровод Чэнду—Ланьчжоу. Острая нехватка электроэнергии в восточных провинциях страны вызвала необходимость особой программы «Передачи западной электроэнергии на восток» (*Сидянь дунгуань*) в рамках стратегии освоения Запада, осуществляемой частично на территории провинции. Кроме того, реализуется проект изменения поверхностного стока Янцзы (с не предсказуемыми пока результатами). Программа освоения Запада предусматривает ускорение темпов строительства фундаментальной инфраструктуры, прежде всего транспортной (железные дороги, автодороги, авиалинии и оборудование аэропортов, вокзалов, строительство туннелей, мостов).

Таким образом, несмотря на сильное землетрясение, освоение пров. Сычуань, как и всего Запада Китая, продолжается. Государство взяло на себя главную функцию — спасение жизни людей. А в последнее время в стране разворачивается всекитайское движение так называемой корпоративной ответственности предприятий и компаний за оказание материальной помощи пострадавшим. Крупные китайские и иностранные компании уже внесли в фонд помощи Сычуани 58 млрд долл. — деньгами и товарами первой необходимости. Это явление напоминает «корпоративный инвайронментализм» цивилизованной рыночной экономики. Компании, оказывающие помощь, используют ее как фактор конкуренции, рекламы, чего, как отмечают китайские авторы, ранее не наблюдалось.

Козлов А.А.,
к. и. н., ИДВ РАН

УСКОРЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ СЯНГАНА В ЭКОНОМИКУ МАТЕРИКОВОГО КИТАЯ В НАЧАЛЕ XXI века

За период с 1980-х годов по 1997 г. были достигнуты огромные успехи в экономическом сотрудничестве Южного Китая, прежде всего пров. Гуандун, и Сянган, основанном на взаимодополняемости и взаимной выгоде. После создания Особого административного

района (ОАР) Сянган (1997 г.) еще больше расширились торгово-экономические связи между этими регионами, которые имеют исключительно важное значение для экономического развития и внешней торговли Китая и стоят в ряду наиболее динамично развивающихся центров деловой активности в Азии.

В 2003 г. руководители ОАР Сянган и 8 китайских провинций и 1 автономного района подписали новый документ о развитии сотрудничества: «Соглашение об установлении более тесных торгово-экономических связей между внутренними районами Китая и Сянганом» — СЕРА (Closer Economic Partnership Arrangement) (*«Дэ юй сянган гуаньюй цзяньли гэн цзиньми цзинмао гуаньсидэ аньпай»*). Действие Соглашения распространяется на провинции Гуандун, Гуйчжоу, Сычуань, Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Хайнань, Юньнань и Гуанси-Чжуанский автономный район. Участники соглашения договорились расширять всестороннее сотрудничество в торгово-экономической, инвестиционной, туристической, аграрной, культурной и информационной областях, а также в сферах капитального строительства, охраны окружающей среды и здравоохранения¹.

Наличие взаимодополняемости названных районов в различных областях заложило прочный фундамент расширения регионального сотрудничества. Сочетание преимуществ Сянгана в финансовой области и индустрии услуг с мощным промышленным потенциалом пров. Гуандун и богатыми природными ресурсами остальных внутренних районов способствует повышению конкурентоспособности региона дельты р. Чжуцзян в экономической сфере.

Развивая сотрудничество с соседями, Гуандун стремится стать в течение 10–20 лет одним из ведущих в мире центров обрабатывающей промышленности, Сянган — одним из мировых лидеров в областях финансов, торговли, морских грузоперевозок и логистики, район дельты р. Чжуцзян — одним из самых процветающих и жизнедеятельных экономических регионов Азии и мира.

Соглашение способствует дальнейшим интеграционным процессам в районе дельты р. Чжуцзян, общая площадь которой составляет 41 698 кв. км, численность населения — около 42,3 млн человек. Она является одной из трех ведущих экономических зон Китая. О ее потенциале говорят, например, следующие факты. В 2006 г. объем экспорта Гуандуна составил 302 млрд долл. (столько же, сколько России), Сянгана — 322,7 млрд долл. Вместе Гуандун и Сянган по вывозу товаров почти сравнялись с Японией (649,9 млрд долл.).

Новые крупные инфраструктурные, энергетические, коммуни-

кационные проекты, как, например, мост Сянган—Чжухай—Аомэнь, создадут дополнительные возможности для международных инвесторов. Строительство моста, который обещает стать самым длинным в мире, 29 км, начнется в конце 2009 г., инвестиции правительства КНР в реализацию проекта составят 5 млрд юаней (730 млн долл.).

В результате осуществления программы более тесного экономического сотрудничества произошли большие изменения в торгово-экономическом взаимодействии Сянгана с внутренними районами Китая. Экспорт произведенных в Сянгане товаров больше не облагается таможенными пошлинами, улучшились условия инвестирования. По данным на конец апреля 2007 г., льготами Соглашения о более тесном экономическом сотрудничестве воспользовались сянганские компании, вывезшие в Китай товары на сумму 1,3 трлн долл. США, а также 1735 сянганских инвестиционных фирм². В 2003 г. объем товарооборота между провинцией Гуандун и Сянганом составил лишь 205,46 млрд долл. США, а в 2007 г. этот показатель достиг 410,2 млрд, ежегодный рост составил примерно 40 млрд долл. По состоянию на конец ноября 2007 г., в Гуандуне зарегистрированы в общей сложности 98 482 проекта с использованием прямых сянганских инвестиций; объем практически освоенных сянганских капиталовложений превысил 120 млрд долл., что составило более чем 60% от общего объема привлеченных в Гуандун зарубежных инвестиций. По данным на ноябрь 2007 г., Гуандун создал в Сянгане 838 предприятий, общий объем инвестиций в которые составил 4,56 млрд долл.³

Сянганский бизнес, в том числе и иностранный, базирующийся в Сянгане, получил еще более свободный доступ к различным сервисным секторам в континентальном Китае, включая банковские услуги, туризм, организацию выставочной деятельности и т.д.

С июля 2003 г., когда возможность совершать индивидуальные туры в Особый административный район Сянган была предоставлена жителям внутренних районов Китая, количество туристов из материковой части КНР превысило к концу 2008 г. 35 млн человек, что положительно сказалось на развитии местного туризма и рынка потребления Сянгана. Туристическая индустрия, в которой занято свыше 170 тыс. человек, является одной из опорных отраслей экономики ОАР⁴.

В течение 5 последних лет взаимодействие участников программы содействует быстрому развитию высокотехнологичных отраслей и техническому обновлению традиционных отраслей, позволяет экономить энергоресурсы и сырье, сохранить экологический баланс и повысить эффективность и качество экономического развития

Гуандуна, Сянгана, Аомэня и районов, соседствующих с Гуандуном и расположенных в бассейне верхнего течения р. Чжуцзян.

Правительство КНР активно поддерживает программу более тесного экономического сотрудничества Сянгана с районами Южного Китая. В начале 2009 г. Государственный комитет по делам развития и реформ КНР обнародовал «Основные положения генерального плана реформ и развития района дельты реки Чжуцзян (2008–2020 гг.)», в которых выдвинуты рамочные программы совместного развития ОАР Сянган, Аомэнь и провинции Гуандун в социально-экономической сфере⁵.

В документе отмечается, что акцент работы будет сделан на сохранении стабильного и умеренно быстрого развития экономики района дельты р. Чжуцзян и эффективной поддержке долгосрочного процветания ОАР Сянган и Аомэнь. Центральное правительство будет поддерживать сотрудничество Гуандуна, Сянгана и Аомэня в развитии индустрии услуг и стремиться к укреплению статуса Сянгана как международного финансового, торгового, судоходного и логистического центра и статуса Аомэня — как всемирного центра туризма и досуга. Правительство будет поощрять согласование планов и стандартов Гуандуна и Сянгана в областях строительства городов, транспорта, телекоммуникаций, систем энерго- и водоснабжения и т.д., сотрудничество в сферах образования, медицины, социального обеспечения, культуры и т.д. В документе также выдвинуто требование об укреплении всестороннего сотрудничества названного района с Тайванем.

На долю региона, на который распространяется действие Соглашения о более тесном экономическом сотрудничестве 2003 г., приходится 1/3 населения и экономической мощи КНР и свыше 30% ее внешнеторгового оборота (не считая Сянгана и Аомэня). Здесь формируется экономическая группировка, напоминающая крупные территориальные экономические образования в США и других развитых странах. В стратегическом плане новая группировка будет способствовать укреплению региональной экономики и уменьшению социально-экономических различий между провинциями, что перекликается с задачами объявленной в 1999 г. программы развития западных регионов КНР.

¹ <http://www.tid.gov.hk/english/cepa/legaltext/fulltext.html>

² Жэньминь жибао. 28.06.2007.

³ Синьхуа. 27.02.2008.

⁴ Там же. 26.02.2009.

⁵ Там же. 08.01.2009.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Баженова Е.С.,
к. э. н., ИДВ РАН

НАСЕЛЕНИЕ КНР: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗА 60 ЛЕТ

Китайская Народная Республика — самая многонаселенная страна в Азии и на земном шаре. Число ее жителей за последние почти 60 лет, с 1949 по 2007 г., возросло в 2,5 раза — с 540 млн до 1,321 млрд человек¹.

Сейчас Китай находится в длительном процессе реформ и модернизации и предпринимает огромные усилия для преодоления и устранения препятствий на их пути. Демографический фактор является одним из важнейших в период социально-экономических реформ.

Отношение руководителей страны к росту народонаселения отнюдь не было однозначным. С конца 1970-х годов осознание его значимости для перспектив развития страны обусловило целенаправленное проведение такой политики в области народонаселения, социального развития и занятости, которая должна помочь осуществлению стратегических задач, поставленных на последних съездах КПК, к 2050 г. — добиться роста душевого валового национального продукта до его объема в среднеразвитых странах и в основном осуществить модернизацию экономики.

С целью затормозить прирост населения и обеспечить стабильное повышение уровня жизни в Китае широко практикуется политика плановой рождаемости, поощряются поздние браки, позднее рождение детей, однодетные семьи. Помимо контроля населения, составной частью демографической политики является повышение качества населения. С начала 1970-х годов китайское руководство проводит демографическую политику, направленную на ограничение числа детей в семье.

Основные параметры развития населения Китая определяются демографическими тенденциями последнего десятилетия: численность населения страны увеличивалась, но коэффициенты его естественного движения стабилизировались, достигнув умеренных величин; средние размеры семьи постепенно снижались; ускоряющимися

темпами шло старение населения, особенно в крупных городах; все большее число мигрантов покидали села, чтобы заняться несельскохозяйственным трудом, — бурно рос объем миграций.

Из материалов всекитайских переписей населения следует, что происходит постоянный рост численности населения КНР с преобладанием мужского населения над женским (654 и 612 млн человек соответственно в 2000 г.); уменьшение размера семьи; снижение доли детей, увеличение доли населения в трудоспособном возрасте и пожилого населения в возрасте свыше 60 лет (так, с 1953 по 2000 г. доля детей уменьшилась с 36 до 22%, доля трудоспособных возросла с 59 до 70%, удельный вес пожилых возрос с 4 до 7%); в национальном составе сохраняется подавляющее преобладание китайцев (ханьцев) — свыше 90% населения; происходит постоянный рост уровня образования с увеличением доли высшего и среднего специального, быстрое снижение неграмотности — с 33,58% в 1964 г. до 6,72% в 2000 г. с последующим увеличением до 11% на 2005 г. (по данным выборочного 1%-ного опроса); увеличивается доля городского населения при сокращении доли сельского (с 1953 по 2000 г. число горожан возросло с 77 млн до 458 млн человек, численность сельских жителей — с 505 млн до 807 млн, при этом удельный вес городского населения за то же время увеличился с 13 до 36% с последующим ростом до 45% в 2007 г.)².

С 1970 по 2007 г. коэффициент рождаемости снизился с 33,4 до 12,1 промилле (на 1 тыс. населения), коэффициент суммарной рождаемости (число рожденных детей на одну женщину репродуктивного возраста) с 5,8 до 1,3, коэффициент смертности — с 7,6 до 6,9 промилле, коэффициент естественного прироста — с 26,0 до 5,2 промилле — по этим показателям Китай вошел в число стран с низкой рождаемостью и смертностью. Средние размеры семьи уменьшились с 4,8 в 1971 г. до 3,4 человека в 2000 г.³ В результате за короткий период времени — чуть более 50 лет — в КНР произошли 2 фазы демографического перехода: от высокой рождаемости — высокой смертности к высокой рождаемости — низкой смертности и от высокой рождаемости — низкой смертности к низкой рождаемости — низкой смертности. В большинстве развитых стран на этот демографический переход ушло около столетия.

Знание современной демографической ситуации в КНР позволяет нам более полно оценить возможности Китая в решении грандиозных задач, поставленных на последних съездах КПК. На XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) в отчетном докладе ЦК КПК была поставлена цель построения общества «малого благоденствия», или «малого достатка» (*сяокан шэжхуэй*). Эта задача выдвигалась 20 лет назад. Для ее

реализации с 1980 по 2000 г. был увеличен в 4 раза объем ВВП и валовой внутренний продукт на душу населения в 2000 г. достиг 800 долл.

Через 5 лет, на XVII съезде КПК (октябрь 2007 г.), была поставлена новая задача — к 2020 г. увеличить в 4 раза (по сравнению с 2000 г.) показатель ВВП на душу населения (он должен составить свыше 3000 долл.) и тем самым решить задачу построения общества «малого благоденствия» (*сяокан*). При этом в центре принятой на XVII съезде КПК «научной концепции развития» (*кэсюэ фачжэнь гуань*) общества должен быть «человек как основа основ» (*и жэнь вэй бэнь*). Поэтому в Китае сохраняются основные направления демографической политики в области планирования рождаемости, направленные на стабилизацию низкого уровня рождаемости при повышении качественных характеристик населения⁴.

С начала 1970-х годов по настоящее время в результате целенаправленного проведения политики планирования рождаемости в стране родилось на 400 млн детей меньше, что в огромной мере сократило государственные расходы на обеспечение растущего поколения, смягчило давление населения на ресурсы и экологию, содействовало развитию экономики и улучшению жизни народа. Проводимая демографическая политика показала, что Китай стал первой в мире страной, которая может эффективно контролировать численность быстро растущего населения. Уже сейчас коэффициент суммарной рождаемости — ниже уровня замещения (*гэнти шуйпин*), что является новой вехой в истории народонаселения страны.

Согласно исследованиям китайских ученых, *запасы природных ресурсов Китая позволяют содержать численность населения 1,5–1,6 млрд человек. По отметке 1,6 млрд человек проходит «линия судьбы» китайской нации.* По различным прогнозам, Китай достигнет нулевого прироста населения в середине XXI в., примерно в 2040–2050 гг. Для сохранения устойчивого развития, баланса между населением и ресурсами необходимы строгий постоянный контроль за приростом населения, рациональное использование природных ресурсов и сохранение окружающей среды. По этой причине главной проблемой для Китая остается необходимость избежать демографического кризиса — достижения такой численности населения в стране, которая может вызвать резкое обострение проблем обеспечения продовольствием, жильем, топливом и рабочими местами, исходя из сложившегося уровня развития производительных сил на определенный момент времени. По мнению китайских ученых, оптимальная численность населения для Китая с территорией 9,6 млн кв. км не должна превышать 700–800 млн человек. В настоящее время число жителей

КНР превысило 1,3 млрд человек, а к 2050 г. вплотную приблизится к 1,4 млрд человек⁵.

Очевидно, что одной из главных детерминант, определяющих перспективы развития Китая на ближайшие десятилетия, будет динамика численности населения и других демографических показателей. Только при условии осуществления соответствующей политики народонаселения и ограничении его численности страна сможет решить стоящие перед ней задачи — продовольственную, экологическую и множество других, достичь намеченных социальных и экономических целей. Все это обуславливает необходимость углубленного исследования проблем народонаселения и демографической политики Китая на современном этапе с целью научно обоснованного прогнозирования демографического и социально-экономического развития КНР на период до 2050 г. Анализ демографической ситуации, изучение степени воздействия на нее политики народонаселения позволит оценить и перспективы реализации социально-экономической стратегии, дать прогноз основных тенденций развития КНР в будущем.

¹ Чжунго тунци чжайяо—2008. Пекин, 2008. С. 10.

² См.: Чжунго тунци чжайяо—2008. С. 38; Чжунго тунци няньцзянь—2006 [Китайский статистический ежегодник — 2006]. Пекин, 2006. С. 102.

³ См.: 1996–2050 нянь Чжунго цзинци шэжуэй фачжань чжаньлюэ — цзоусян сянь-дайхуады гоусян [1996–2050 гг. Стратегия социально-экономического развития Китая — на пути структурной модернизации]. Пекин, 1997. С. 468; Чжунго тунци чжайяо — 2008. С. 38; Human Development Report — 2004. UNDP. UN. NY. 2004.

⁴ См.: Чжунго гунчаньдан ди шици цы цюаньго дайбяо дахуэй вэньцзянь хуэйбянь [Сборник документов XVII Всекитайского съезда КПК]. Пекин, 2007. С. 19, 39.

⁵ 1,409 млрд человек по среднему варианту прогноза Отдела народонаселения Департамента экономических и социальных проблем ООН — World Population Prospects. The 2006 Revision. UN. N.-Y., 2007. Vol. 1. P. 178.

Ван Лулу,

Российский университет дружбы народов

Прوماхина И.М.,

к. физ.-матем. н.,

Вычислительный центр РАН им. А.А.Дородницына

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И БЕЗРАБОТИЦЫ В КИТАЕ (1978–2007 гг.): ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Традиционно считается, что взаимосвязь между темпами роста экономики и уровнем безработицы является обратной. Это означает, что при увеличении числа безработных в стране ее экономический

рост замедляется и, наоборот, при сокращении безработицы скорость роста экономики увеличивается. В макроэкономике приведенная закономерность называется законом А. Оукена и записывается в виде эконометрической модели линейной зависимости темпов прироста реального ВВП данного года от прироста безработицы в этом же году. А. Оукен оценил эту модель по данным США середины прошлого века и получил, что каждый 1% превышения безработицей ее естественного уровня приводил к сокращению роста реального ВВП страны в среднем на 2% в год¹.

Зависимость между двумя факторами рассматривают и в обратном направлении. То есть не только изменения в уровне безработицы влияют на темпы экономического роста, но и изменения темпов прироста реального ВВП вызывают изменения в уровне безработицы. Оценка эконометрической модели в такой формулировке по данным для США 1950 г. — начала 1960-х годов показала, в частности, что каждое 1%-ное превышение фактическим реальным ВВП своего потенциального значения сокращало уровень безработицы в среднем на 0,33%².

Долгое время закон А. Оукена представлялся достаточно универсальным описанием соотношения между внутренним выпуском и безработицей — он выполнялся для различных экономик в разные периоды времени. Было только замечено, что в последние годы в США в периоды начинающегося экономического подъема увеличение темпов роста экономической активности приводило к уменьшению безработицы с небольшой задержкой в 1–2 года.

Однако названный закон оказался совершенно неадекватным для ситуации с безработицей, сложившейся в Китае в 1978 — 2007 гг. Нами было эмпирически получено другое уравнение, связывающее экономический рост и безработицу в этой стране в указанный период.

Как известно, беспрецедентно быстрый рост китайской экономики в период экономических реформ, начавшихся в 1978 г., сопровождался значительным увеличением уровня безработицы. Особенное ускорение этот процесс получил с середины 1990-х годов. По расчетам китайских исследователей³, уровень зарегистрированной безработицы возрастал от 2,1% в 1986–1990 гг. до 3,1% в 1996–2000 гг. и далее до 4% в 2002 г. Реальный же уровень рос еще быстрее: от 2,1% в 1986–1990 гг. до 6,1% в 1996–2000 гг. и до 9% в 2002 г. Проблема безработицы оказалась самой острой из проблем переходного периода.

На основе эконометрического анализа нам удалось установить, что в период 1978 — 2007 гг. изменения в приросте безработицы не

оказывали статистически значимого влияния на экономический рост КНР. Причем на темпы прироста реального ВВП текущего года не воздействовали как изменения безработицы в этом же году, так и изменения в уровне безработицы прошлых лет. С другой стороны, прирост уровня безработицы в данном году зависел от темпов прироста ВВП в предыдущем году, причем зависимость эта была *положительной*, т.е. с увеличением темпов экономического роста скорость роста безработицы увеличивалась. Полученные авторами результаты позволяют записать уравнение, описывающее соотношение между приростом безработицы и темпами роста экономики:

$$DUN_t = -0,465 + 0,046 * GDP_GR_{t-1} + 0,608 * DUN_{t-1},$$

где DUN_t — прирост безработицы в год t , соответственно,

DUN_{t-1} — прирост уровня безработицы в год $t-1$,

GDP_GR_{t-1} — темп прироста реального ВВП в год $t-1$.

Коэффициенты уравнения дают оценки чистого влияния факторов на прирост безработицы. При увеличении темпов прироста реального ВВП в некоторый год на 1% (и неизменности в этот год прироста безработицы) прирост уровня безработицы в следующем году увеличивается в среднем на 0,046%. При увеличении уровня безработицы в некоторый год на 1% (и неизменности в этот год темпов прироста ВВП) прирост уровня безработицы в следующем году увеличивается в среднем на 0,608%. Кроме того, полученная закономерность позволяет строить прогнозы для будущих значений уровня безработицы по текущим значениям темпов экономического роста и роста безработицы в Китае.

¹ Okun A.M. Potential GNP: Its Measurement and Significance / American Statistical Association. Proceedings of the Business and Economic Statistics Section. 1962. P. 98–104.

² Tatom J.A. Economic Growth and Unemployment. A Reappraisal of the Conventional View / Federal Reserve Bank of St. Louis. October, 1978. P. 16–22.

³ Hu Angang. Economic Growth and Employment Growth in China (1978–2001) // Asian Economic Papers. April 2005. P. 166–176.

Хаджиева Г.У.,

к. э. н., доцент,

Институт востоковедения МОН РК

РЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В КИТАЕ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ С УЧЕТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ КИТАЙСКОЙ СТАТИСТИКИ

После начала проведения в Китае экономических реформ и политики открытости, особенно начиная с середины 1980-х годов, в стране заметно активизировались миграционные процессы. Мировой

опыт показывает, что в основе внутренних миграционных процессов любого государства лежит прежде всего неравномерное региональное социально-экономическое развитие. Несмотря на то, что такого рода миграция имеет определенные рациональные моменты, концентрация населения в больших городах и развитых районах, безусловно, порождает большие отрицательные последствия. Эту проблему китайские специалисты предлагают решать двумя путями: во-первых, осуществлять интеграцию экономик тех районов, откуда выбывает население, и тех районов, куда оно прибывает; во-вторых, создавать как можно больше полюсов экономического развития с целью расщелочения населения по многим направлениям.

Изучение миграции, как внутренней, так и международной, предполагает наличие достоверных и точных статистических данных. В настоящее время банк данных о миграционных процессах в Китае создается на основе статистической информации, поступающей из различных ведомств: Государственного статистического управления, Министерства общественной безопасности, Комиссии по контролю рождаемости. В связи с тем, что подход к обработке данных, методы статистического подсчета и учета, применяемые этими ведомствами, разные, то и разница между цифровыми данными сравнительно большая. Отсутствие единого метода статута, точных статистических данных является важнейшей проблемой изучения миграции населения в Китае.

Необходимо комплексное исследование миграции, различных факторов, влияющих на миграционные процессы, с учетом особенностей китайской статистики. По мнению китайского ученого Лю Туна, при изучении миграции следует обращать внимание на такой важный момент, как существование двух видов показателей численности населения всего Китая: численности всеобщего населения и численности постоянного населения¹.

Основная цель всеобщей переписи населения заключается в получении данных об общей численности, а также обобщении данных о численности по отдельным группам (по возрасту, профессиональной принадлежности, национальности и т.п.). Изучение второго показателя проводится органами общественной безопасности на основе наличия у населения так называемых домовых книг (*хукоу*), с целью выявления общего количества людей, постоянно проживающих и зарегистрированных в определенной местности.

Понятно, что эти две категории цифр неодинаковы, более того, между ними существует значительная разница. При подсчете общей численности населения не учитывается количество выехавших лю-

дей, а при подсчете постоянного населения выпадает количество временно прибывших людей.

Если строго придерживаться законов статистики, то число выбывающих и прибывающих в целом по Китаю должно быть одинаковым. Однако по опубликованным данным Всеобщей переписи населения эти цифры не сходятся. С одной стороны, эту разницу можно отнести к статистическим погрешностям. С другой — существование данного несоответствия дает нам дополнительные основания для дальнейшего изучения миграции населения.

Проведенный анализ показал, что в самых развитых восточных районах разница между общим и постоянным населением имеет положительное сальдо. Это говорит о том, что фактическое население данных провинций больше, чем постоянное или зарегистрированное. В восточные районы устремляется основной приток миграционного населения, и прежде всего — в Пекин, Шанхай, Гуандун. Обратная картина наблюдается в центральных и западных районах, которые значительно уступают в экономическом развитии восточным. Отсюда происходит миграционный отток и сокращение численности населения, здесь разница между общим и постоянным населением отрицательная, т.е. фактическое население меньше, чем постоянно проживающее.

Таким образом, разница величин постоянного и общего населения отражает не только направление миграции из отсталых в более развитые районы, но также взаимосвязи между общим количеством миграционного населения и уровнем экономического развития районов.

Анализ факторов, влияющих на региональную миграцию, позволил раскрыть следующие характерные зависимости:

- между показателями ВРП на душу населения и миграционного населения каждой провинции существует прямо пропорциональная зависимость, т.е. чем выше уровень доходов, тем выше уровень миграции;
- связь между показателями несельскохозяйственного населения и миграционного населения также имеет прямо пропорциональный характер;
- коэффициент пропорциональности между удельным весом 1-й сферы (сельское хозяйство) и показателями миграционного населения имеет отрицательную величину, т.е. миграционное население направляется в несельскохозяйственные сектора экономики;
- между удельным весом 2-й сферы (промышленность и строительство) и показателями миграционного населения не наблюдается очевидной связи, так как промышленность не может поглотить большое количество неквалифицированного миграционного населения;

■ соотношение между удельным весом 3-й сферы (сфера обслуживания) и показателями миграционного населения положительное и прямо пропорциональное, т.е. в тех районах, где развита сфера обслуживания, процент миграционного населения высокий.

Разумеется, для более полного выяснения причин миграции населения необходимо учитывать не только различия в уровнях доходов, но и весь комплекс показателей развития региона, к которому относятся, прежде всего, уровень развития образования и здравоохранения, количество привлекаемых прямых иностранных инвестиций, объем экспортно-импортной торговли, уровень энергоснабжения и т.п. Все эти факторы требуют дальнейшего изучения.

Разница в уровне развития между регионами, между городом и селом, в размещении производительных сил, в географических условиях не позволяет в короткий срок сократить существующий разрыв. Концентрация миграционного населения в больших городах и развитых районах является сложившимся фактом. Это оказывает не только негативное влияние на общественный порядок в принимающем районе, создает чрезмерную нагрузку на транспорт, административное управление, экологию, но и приводит к расточительному использованию людских ресурсов. Проблема региональной миграции, безусловно, является сложной, но разрешимой.

Прежде всего, решение данной проблемы необходимо начинать с районов массового оттока населения. Здесь следует эффективнее использовать инвестиции, выделяемые центром и местными органами управления, чтобы уменьшать межрегиональную разницу в капитальном строительстве и инфраструктуре, в полной мере осваивать трудовые ресурсы каждого района. Первоначально вложенные инвестиции будут иметь так называемый мультипликационный эффект Кейнса.

Что касается районов, принимающих основные миграционные потоки, то после начала реформ и политики открытости при большой поддержке государства три из них, Пекин, Шанхай и Гуандун, превратились в так называемые три головы тигра, т.е. значительно выдвинулись вперед и стали центрами экономического развития современного Китая. В настоящее время, как уже отмечалось выше, миграционное население в основном концентрируется в этих трех полюсах развития. Поэтому проблема перенаселенности здесь стоит особенно остро. По объемам инвестиций, в том числе на капитальное строительство, размерам доходов от внешней торговли, уровню жизни населения указанные районы занимают первые места, намного превышая среднекитайский уровень.

Сравнение данных Всеобщей переписи населения Китая 2000 г. и выборочной переписи населения 2005 г. выявило тенденцию сокращения внутрипровинциальной и увеличения межрегиональной миграции. Темпы роста в развитых районах не могут замедляться. Поэтому выход из сложившейся ситуации видится в совершенствовании государственной региональной политики. В отсталых районах необходимо создавать центры экономического развития. Появление большого количества таких полюсов роста позволит рассредоточить миграционное население по многим направлениям.

Специфика миграции связана со сложно управляемой демографической ситуацией в Китае. Многие отсталые районы КНР нуждаются в притоке высококвалифицированных кадров, способных активно участвовать в социально-экономическом развитии страны. Управление миграционными процессами на территории Китая связано с причинами и следствиями межрегиональной миграции и находится в тесной взаимосвязи с экономическими, географическими, демографическими, культурными особенностями каждого региона. Миграция тем или иным способом влияет на состояние экономики, социальные, культурные, межэтнические отношения и национальную политику. Безусловно, социально-экономическое и культурное развитие любого общества возможно лишь при постоянном миграционном передвижении людей, но при условии наличия эффективного управления данными процессами.

¹ Тун Л. Миграция населения внутри районов Китая и развитие региональной экономики // Синьцзяньский университет. 2007. № 3. С. 14.

Афоняшева А.В.,
аспирантка ИДВ РАН

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЭМИГРАНТОВ В КНР

Вслед за успешным проведением политики реформ и открытости внешнему миру в хозяйственной деятельности реэмигрантов, как и всего китайского общества, произошли значительные изменения. Основными ее видами стали предпринимательство, инвестирование, работа на фермерских хозяйствах *хуацяо*¹ и госпредприятиях.

Среди реэмигрантов можно выделить две категории: с одной стороны — это реэмигранты с достаточно хорошими стартовыми условиями (бизнесмены, инвесторы, квалифицированные специалисты,

управленцы предприятий и т.д.), которые получили экономические выгоды и преимущества за счет успешного ведения бизнеса с зарубежными партнерами либо конкретных знаний и навыков, применяемых на практике (работа в государственных и частных компаниях). С другой — вынужденные реэмигранты², направленные на работу государственными органами. Данная категория ощутила отрицательные последствия реформ: сложность адаптации к преобразованиям общества и экономические трудности реэмигрантов.

Инвестиционная и предпринимательская деятельность реэмигрантов. Благодаря политике реформ и открытости в страну с конца 1970-х годов хлынул поток инвестиций от соотечественников из Гонконга, Макао, Тайваня, а также от зарубежных китайцев.

На конец 2001 г. в Шанхае было около 10 тыс. фирм с капиталом реэмигрантов³. Несмотря на то, что в это время политика была относительно прозрачной, а общество устойчивым, реэмигранты-инвесторы столкнулись с экономическими конфликтами, не сопоставимыми по силе с конфликтами в развитых капиталистических странах. Законные финансово-экономические права и интересы реэмигрантов не соблюдались.

С июня 1999 г. по сентябрь 2002 г. финансовые потери инвесторов-реэмигрантов, их родственников, а также зарубежных китайцев, которые удалось возместить при помощи Всекитайской ассоциации реэмигрантов (ВАР), достигали внушительных размеров. Наряду с этим, стараниями ВАР было принято решение о возмещении убытков 572 фирмам и экономическим проектам реэмигрантов и зарубежных китайцев. Общий объем возмещенных убытков составил около 100 млн юаней⁴.

В ходе мероприятий 2002 г., объявленного ВАР Годом защиты интересов реэмигрантов, только в провинциях Гуандун и Фуцзянь было принято решение о возмещении убытков 428 инвестиционным проектам реэмигрантов и зарубежных китайцев, возвращено 245,11 млн юаней, были решены вопросы жилищной собственности 11 341 реэмигранта, рассмотрены 239 дел серьезного нарушения прав реэмигрантов⁵.

Экономические конфликты, которые были урегулированы с помощью ВАР, отражают лишь малую долю реально существующих проблем.

Положение реэмигрантов на фермерских хозяйствах хуацяо. В КНР насчитывается 84 фермерских хозяйства хуацяо, в том числе в провинциях Гуандун (23), Фуцзянь (17), Юньнань (13), Цзянси (3), Цзинь (1), на о. Хайнань (5). Численность населения этих хозяйств со-

ставляет в настоящее время 590 тыс. человек, из них 210 тыс. — вынужденные реэмигранты⁶. Хозяйства *хуацяо*, за исключением меньшинства сравнительно хорошо организованных, с первых лет реформ характеризовались вялым развитием производства и недостаточной экономической эффективностью; жизнь работников стала тяжелой: нищенские доходы, убогие жилищные условия и отсутствие системы базовых гарантий.

Основные трудности вынужденных реэмигрантов, занятых на фермерских хозяйствах *хуацяо*:

- несовершенство внутреннего управления фермерских хозяйств;
- невозможность полной мобилизации производственной активности большого количества вынужденных реэмигрантов;
- усиление социальной и экономической нагрузки на фермерские хозяйства: на протяжении длительного времени они выделяли средства на культурное просветительство, медицину и гигиену, общественную безопасность, правосудие, выплату пенсий и т.д. Экономически вынести такое бремя расходов было невозможно;
- несовершенство налоговой системы. После того как фермерские хозяйства *хуацяо* передали права управления местным правительственным органам, на местах с них стали взимать большие налоги;
- отсутствие финансирования фермерских хозяйств *хуацяо*;
- проблема получения финансовых кредитов на производство продукции из-за огромных долгов, вернуть которые практически невозможно;
- крупномасштабные захваты земель фермерских хозяйств местными китайцами;
- износ средств производства;
- дефицит рабочих мест на фермерских хозяйствах *хуацяо*, обострение проблемы занятости;
- невыгодное географическое положение фермерских хозяйств *хуацяо*;
- отсутствие проектов перспективного развития.

Положение реэмигрантов на государственных предприятиях. Оно также остается сложным. Некоторые госпредприятия стали неэффективными и даже обанкротились. Спад производства и банкротство предприятий вызвали масштабное сокращение рабочих. Главным образом пострадали реэмигранты с низким уровнем культуры, отсутствием квалификации и реэмигранты старших возрастов.

Правительство уделяет проблемам трудоустройства реэмигрантов серьезное внимание, оказывает поддержку на законодательном и

практическом уровнях (например, официально запрещено увольнять с предприятий обоих супругов). Но, тем не менее, проблему занятости полностью решить пока не удается.

Низкая эффективность госпредприятий напрямую влияет на пенсионные выплаты реэмигрантам. Вплоть до 2003 г. размер пенсионных выплат был почти в 2 раза ниже уровня средней зарплаты рабочего этих предприятий. В последнее время решением проблемы занялась Всекитайская федерация профсоюзов, которая подняла пенсионное вознаграждение (лучших работников предприятий) до уровня средней зарплаты рабочего.

Экономическое положение реэмигрантов и их экономическая деятельность напрямую зависят от стартовых условий (уровень образования и культуры, материальная база, созданная до возвращения на родину, финансовая поддержка от зарубежных китайцев и т.д.). Таким образом, реэмигранты с благоприятными стартовыми условиями, развивающие бизнес, вкладывающие инвестиции, получили явные выгоды от реформ, а благосостояние так называемых вынужденных реэмигрантов заметно ухудшается, хотя правительство КНР уделяет достаточно серьезное внимание их проблемам.

Литература

Хуан Сяоцян. История и современное положение реэмигрантов в Китае. Гонконг, 2005.

Ларин А.Г. Китай и зарубежные китайцы. М., 2008.

Закон КНР О защите прав и интересов реэмигрантов и их родственников // URL:<http://www.people.com.cn/item/flfgk/rdlf/2000/11101000009N.html>

Справочная информация по фермерским хозяйствам хуацяо в КНР // URL:<http://www.chinaqw.com/news/2005/0920/68/314.shtml>

Примечания

¹ Фермерское хозяйство хуацяо – государственное предприятие по производству сельскохозяйственной продукции, на котором работают преимущественно реэмигранты, распределенные государством на данное предприятие.

² Хуацяо, вернувшиеся в КНР из-за боевых действий, политического насилия либо экономического кризиса в стране пребывания.

³ Хуан Сяоцян. История и современное положение реэмигрантов в Китае. Гонконг, 2005. С. 239

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Справочная информация по фермерским хозяйствам хуацяо в КНР // URL:<http://www.chinaqw.com/news/2005/0920/68/314.shtml>

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИТАЯ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОМУ КРИЗИСУ

Международный валютно-финансовый кризис бросает вызов китайской модели экономического роста. Кризис кредитной системы США постепенно перерос в глобальный валютно-финансовый кризис, который в различной степени нанес удар по экономикам всех стран. В Китае пострадала не только сфера ценных бумаг и инвестиций — подверглась испытаниям китайская модель экономического роста.

В 1990-е годы была инициирована новая модель экономического роста, основанная на расширении рынка, использовании дешевой рабочей силы с высокой квалификацией. Создана довольно совершенная индустриальная система, предполагающая инвестиции за рубеж и широкое использование зарубежных технологий и методов управления. Наиболее заметной особенностью этой модели является концентрация труда и ориентация на экспорт.

Американский кризис проявился в Китае прежде всего в снижении внешнего спроса. Международные валютные рынки были заморожены, упали цены на недвижимость. Три великие экономики — США, ЕЭС и Японии — вступили в стадию стагнации. Китайская экономика все больше ориентируется на экспорт, и трудности партнеров быстро докатились до Китая. «Локомотив» китайской экономики — прибрежные регионы испытали большие трудности, закрылось множество предприятий, увеличилась безработица.

Сокращение экспортного рынка привело к тому, что «двигателем» экономического роста стало внутреннее потребление. Китайское правительство переключило внимание на внутренний спрос. Главной проблемой стало оживление внутреннего спроса, который должен стать основным фактором стабильного развития экономики.

Десять правительственных мероприятий по расширению внутреннего спроса и три категории инвестиций для их осуществления. В ноябре 2008 г. Госсовет определил десять мероприятий по расширению внутреннего спроса, в основном они касаются промышленного строительства и до 2010 г. требуют 4 трлн юаней. В 2008 г. центральное правительство вложило 100 млрд юаней, в 2009 г. региональные и неправительственные инвесторы внесут 400 млрд.

Указанные мероприятия включают: 1) жилищное строительство,

средства на покупку и аренду жилья, реконструкцию трущоб, привлечение кочевников к оседлому образу жизни; 2) ускорение строительства деревенской инфраструктуры, активизацию мероприятий по поддержке бедноты; 3) ускорение строительства и модернизации железных и шоссейных дорог и аэропортов; 4) ускоренное развитие здравоохранения, культуры и образования, развитие специального образования и культурных центров в центральных и западных регионах; 5) усиление экологического строительства; 6) активизация творчества и структурных перемен; 7) активизация восстановительных работ в районах, пострадавших от землетрясений; 8) повышение доходов городских и сельских жителей; 9) осуществление налоговой реформы во всех регионах и отраслях, которая стимулировала бы техническое переоснащение; 10) усиление поддержки экономического роста со стороны финансовых органов.

Перечисленные выше мероприятия должны оживить внутренний спрос и компенсировать потери, вызванные снижением внешнего спроса, предотвратить сползание экономики. По методам инвестирования исполнение мероприятий можно разделить на три категории.

- Непосредственные экономические субсидии.
- Стимулирование общественных инвестиций путем строительства инфраструктуры.
- Ускорение строительства объектов, непосредственно связанных с благосостоянием общества.

Непосредственное влияние на внутренний спрос строительства системы социального обеспечения

Суть увеличения внутреннего спроса в руководстве потреблением населения. Потребление — цель производства и двигатель производства, оно определяет успешность производственных циклов. Если считать инвестиции видом общественного потребления, то потребление можно разделить на: конечное, промежуточное (инвестиции) и выходящее. Промежуточное и выходящее потребление зависит от конечного потребления. Для инициирования внутреннего спроса, прежде всего, необходимо активизировать не инвестиции, а потребление. В настоящее время накопления населения на жилищное строительство достигли 20 трлн юаней, по 20 тыс. юаней на душу населения. Почему китайское население не желает тратить деньги, а держит их в банке? В определенной степени это привычка, но главное — отсутствие веры в будущее, необходимость в средствах на лечение, обучение детей и старость. Нерешенность проблем социального обеспечения не способствует желанию тратить деньги. Кроме того, для повы-

шения платежеспособности необходимо повысить доходы малообеспеченных слоев населения.

Сравнение трех мероприятий по стимулированию внутреннего спроса.

1. Повышение спроса путем непосредственного предоставления субсидий. В условиях экономических кризисов предоставление субсидий является обычным методом. Прямые экономические субсидии можно трансформировать в непосредственное потребление, которое стимулирует экономический рост. Во время кризиса прямые субсидии могут ослабить роль бедности и способствовать социальной стабильности. Прямые субсидии наиболее подходят экономически развитым регионам и странам с небольшим населением. Так, в бюджете Аомэня на 2009 г. на медицинское обслуживание выделено 3,37 млрд патака, причем 3,12 из них – субсидии наличными деньгами. Каждый постоянный житель получит по 6 тыс. патака, непостоянные жители по 3,6 тыс. Для континентального Китая с огромным населением такие субсидии не могут играть заметной роли. В 2008 г. субсидии для поддержки минимально жизненного уровня получили 23 млн жителей городов и поселков и 40 млн сельских жителей.

2. Повышение внутреннего спроса путем строительства инфраструктуры. Значительное количество средств, направляемых на расширение внутреннего спроса, инвестируется в общественное строительство: городскую инфраструктуру, коммуникации, АЭС, ЛЭП. В условиях рынка строительство инфраструктуры является важной составной частью расширения внутреннего спроса. Инфраструктура улучшает общую экономическую ситуацию и создает условия для устойчивого экономического роста. Развитие инфраструктуры стимулирует производство стали, цемента и пр. Устойчивое развитие опорных отраслей снижает безработицу, вовлекает в производственный цикл избыточное крестьянское население. Строительство когда-нибудь заканчивается, и работники освобождаются, однако построенные объекты создают условия для дальнейшего трудоустройства.

3. Ускорение строительства объектов, непосредственно связанных с благосостоянием общества. Значительные средства необходимо вкладывать в создание эффективной системы социального обеспечения: создание всеобщей эффективной системы здравоохранения, пенсионного обеспечения и трудоустройства. Социальное обеспечение – это один из видов конечного потребления, оно непосредственно трансформируется в материальные потребности населения, может способствовать высвобождению накопленных средств, появлению желания расходовать деньги.

Преимущество строительства системы социального обеспечения в период кризиса в том, что оно создает конечное потребление и позволяет направлять его. Строительство системы социального обеспечения — долгосрочный проект. Оно создает необходимый для общества баланс между внешним и внутренним спросом. Однако в условиях мирового валютно-финансового кризиса в Китае социальное обеспечение не может полностью компенсировать рыночные потери и не может быть орудием правительства по поддержанию социальной стабильности. Социальное обеспечение в Китае органически соединено с экономической системой и является одной из движущих сил освобождения от внешней зависимости, обеспечивающей баланс внутреннего и внешнего спроса.

*Перевод с китайского
Б.Я. Надточенко*

*Садовская Е.Ю.,
к. филос. н., президент
Конфликтологического Центра (Алма-Ата, Казахстан),*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И РАЗВИТИЕ МИГРАЦИЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И РЕСПУБЛИКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВПЕЧАТЛЯЮЩАЯ ДИНАМИКА НА РУБЕЖЕ XXI века

На фоне геоэкономического и геополитического интереса Китая к Центральной Азии после распада СССР¹ два основных фактора — экономический и внутривосточный — влияли на состояние межгосударственных отношений КНР с каждой из республик региона: Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Их наиболее благоприятное сочетание сделали Казахстан и Кыргызстан приоритетными партнерами КНР в регионе уже во второй половине 1990-х годов.

Привлекательность стран Центральной Азии как регионального рынка сбыта китайских товаров; заинтересованность КНР в энергоресурсах, в первую очередь в нефти и газе, его готовность вкладывать инвестиции в их разработку и транспортировку из Казахстана, Узбекистана и Туркменистана; потенциальные возможности территорий центральноазиатских стран в качестве «транзитных коридоров» для поставок товаров в Европу, а также развития бизнеса и коммуникаций — все эти факторы являются стратегически важными для развития сотрудничества между Китаем и другими странами Центральной

Азии. Три республики наряду с Россией имеют протяженные совместные границы с Китаем: Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, и в условиях географической близости и политической открытости это способствует движению капиталов, товаров, людей.

Экономическое партнерство между Китаем и каждой из стран региона имеет постоянно развивающуюся договорно-правовую основу и находит свое воплощение в программах двустороннего сотрудничества, которые принимаются на кратко- и среднесрочную перспективу и сопровождаются увеличением не только финансового и торгово-экономического присутствия Китая, но и иммиграцией китайских граждан. Автор провел исследования китайской миграции в Казахстане, результаты которых нашли отражение в ряде публикаций, многие из которых являются пионерными².

В настоящее время между Китаем и странами Центральной Азии наблюдаются все основные типы и виды миграционных перемещений. Наиболее распространенные виды миграций включают «коммерческую» (торговую, «челночную») миграцию, трудовую (официальное привлечение иностранной рабочей силы, распространение «нерегулируемой» трудовой миграции, бизнес-миграции — преимущественно для старта малого китайского и совместного бизнеса); миграцию на постоянное место жительства (из Китая в Казахстан); двустороннюю учебную миграцию и др. Специфической особенностью миграций в регионе является этническое многообразие миграционных потоков: в них участвуют китайцы (*ханьцы*), уйгуры, дунгане, казахи, киргизы, русские и др., что стало результатом особенностей исторического развития стран, географического положения, схожего этнодемографического состава³.

Не все виды миграций распространены одинаково, они имеют разную историю и динамику в каждой из республик региона. Их специфика связана с динамикой двустороннего экономического сотрудничества, которое способствует миграционным перемещениям. В Казахстане объем взаимной торговли с Китаем достиг в 2007 г. 13,8 млрд долл.⁴ и до 80% экспорта составляют товары народного потребления (ТНП). Значительная часть поставок по внешней торговле в обе страны осуществляется по каналам «народной», или «неорганизованной», торговли индивидуальными предпринимателями стран, что включает торговлю ТНП: одеждой, обувью, домашней электротехникой, продуктами.

Важным фактором торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Кыргызстаном является их членство во Всемирной

организации торговли (ВТО). Китай стал ее членом в 2001 г., а Кыргызстан — в 1998 г. Члены ВТО обязаны обеспечивать свободное движение капиталов, товаров, услуг и рабочей силы между странами. Поэтому Китай занимает одно из ведущих мест по товарообороту с Кыргызстаном. В 2007 г. объемы его внешнеторгового оборота с Китаем составили 3779 млн долл., основная статья в структуре экспорта в Кыргызстан — это ТНП.

Казахстан и Кыргызстан стали не только основными импортерами товаров народного потребления, произведенных в Китае, но и странами их транзитного распространения в Центральной Азии. С трех крупнейших региональных оптово-розничных рынков в Казахстане («Балашак» в окрестностях г. Алма-Аты) и в Кыргызстане («Дордой» под Бишкеком и в г. Кара-Суу, недалеко от Оша на кыргызско-узбекской границе) китайский импорт транзитом следует в Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, а также Россию. Вместе с потоком товаров формируется и широкий рынок услуг (финансовых, транспортных, торгово-посреднических), создаются новые рабочие места. Некоторые граждане Китая приезжают в регион уже много лет, что способствует сохранению и развитию торговых и бизнес-связей.

В Казахстане и Кыргызстане значительная часть торгового оборота осуществляется вне государственного учета и контроля, и мы можем предполагать наличие движения не только товаров, но и передвижения людей, находящихся вне контроля принимающей стороны либо в сфере неформальной экономики.

В регионе реализуются либо разрабатываются для реализации крупные инфраструктурные проекты в области энергетики, транспорта, коммуникаций, строительства и др. Например, крупнейший казахстанско-китайский энергетический проект — строительство нефтепровода Кумколь—Алашанькоу, в рамках которого уже осуществлено строительство двух участков трубопровода, в декабре 2007 г. подписано соглашение о строительстве третьего участка. В апреле 2009 г. в Пекине было подписано 11 двусторонних межправительственных соглашений между Казахстаном и Китаем о сотрудничестве в сфере энергетики и кредитования, соглашение о расширении сотрудничества в нефтегазовой отрасли и содействии в получении кредитных займов на сумму в 10 млрд долл. и др.⁵

В 2006 г. между Китаем и Туркменистаном было заключено соглашение о строительстве нефтепровода Туркменистан — Западный Китай и о поставках газа сроком на 30 лет. Строительство газопровода протяженностью 7000 км было начато в 2007 г. и должно быть закон-

чено в конце 2009 г. Нефтяные и газовые месторождения Узбекистана привлекают китайских инвесторов. В апреле 2007 г. в Ташкенте подписано межправительственное соглашение о строительстве газопровода Узбекистан — Китай, которое началось в 2008 г. Его завершение и пуск в эксплуатацию планируется в 2009 г. Активно развивается транспортная инфраструктура в/через Узбекистан в Китай.

В 2006 г. Таджикистан и Китай подписали ряд документов финансового характера на 608 млн долл., которые используются в реализации проектов по строительству магистральной автомобильной дороги Душанбе—Худжанд—Чанак, соединяющей южные районы Таджикистана с северными, а также с Узбекистаном, и для строительства линий электропередач; КНР инвестирует также в развитие системы коммуникаций и т.д.

Каждый из крупных инфраструктурных проектов, осуществляемых в регионе, сопровождается увеличением занятости китайских рабочих и специалистов. В Казахстане, например, за период 1993—2007 гг. число ежегодно привлекаемых китайских работников увеличилось в 14,5 раза, достигнув 8,1 тыс. человек, что составляет 13% от всей численности иностранной рабочей силы в Казахстане⁶. Рабочая сила из Китая представлена преимущественно китайцами (*ханьцзями*). В последние годы растет численность привлекаемой китайской рабочей силы в Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан⁷. В связи с реализацией долгосрочных региональных инфраструктурных проектов — энергетических, транспортных — можно прогнозировать дальнейший рост численности китайской рабочей силы.

Начало XXI в. ознаменовало собой интенсификацию гуманитарного сотрудничества между Китаем и республиками Центральной Азии. Развитие учебной миграции в рамках ШОС освещено автором в ряде публикаций⁸.

Актуальной остается проблема регулирования различных миграционных потоков и предупреждения незаконной миграции в странах приема и исхода. Решение проблемы лежит на путях совершенствования национального законодательства и дву- и многостороннего сотрудничества Китая и республик Центральной Азии.

¹ Чжао Хуашэн. Китай // Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. Рабочие тетради. Московский центр Карнеги. М., 2005.

² См. об этом: Садовская Е.Ю. Китайская миграция в Казахстане: современные тенденции и перспективы // ANALYTIC. 2007. № 6; Ее же. Китайские мигранты в Казахстане: отношение казахстанских граждан (по результатам социологического исследования

- ния) // ANALYTIC. 2007. N 5. С. 20–28; *Sadovskaya E.* Chinese Migration to Kazakhstan: a Silk Road for Cooperation or a Thorny Road of Prejudice? // The China and Eurasia Forum Quarterly. 2007. Vol. 8. No 4. P. 147–170.
- ³ *Садовская Е.Ю.* Этническая структура современных миграций из Китая в Казахстан и проблемы принимающего общества // Вестник Евразии. 2008. № 2.
- ⁴ ИА Фергана.Ру. URL: <http://subscribe.ru/archive/country.kz.news/200806/24150003.html/> 24.06.2008.
- ⁵ Панорама. 24.04.2009.
- ⁶ См. подробнее: *Садовская Е.Ю.* Привлечение рабочей силы из Китая в Казахстан в период суверенитета: динамика и проблемы регулирования // Труд в Казахстане. 2008. № 8.
- ⁷ *Садовская Е.Ю.* Китайская миграция в странах Центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан и – далее везде?// Китай в мировой и региональной политике. История и современность / Редактор-составитель Е.И.Сафонова. М.: ИДВ РАН, 2009.
- ⁸ См. об этом: *Садовская Е.Ю.* Учебная миграция между Казахстаном и Китаем в контексте двустороннего социально-гуманитарного сотрудничества // Современная цивилизация и проблемы повышения конкурентоспособности национального государства. Материалы науч. конф. Мин-ва образования и науки РК, Ин-та философии и политологии МОН РК, Ун-та Кайнар. Алма-Ата, 10-11 июля 2008 г. Алма-Ата, 2008. С. 372–377; *Sadovskaya, Elena.* Migration for Education between Kazakhstan and China in the Context of Socio-Cultural Cooperation among Shanghai Cooperation Organisation states // Central Asian Affaires. 2008. № 2. P. 22–27 .

Красинец Е.С.,
к. э. н., ИСЭПН РАН
Шевцова Т.В.,
к. э. н., ИСЭПН РАН

ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЮ*

Среди современных проблем гуманитарного и экономического сотрудничества России и Китая особого внимания заслуживают тенденции и перспективы миграционного взаимодействия населения обеих стран. Долгосрочные последствия этих процессов среди специалистов и политиков, а также в средствах массовой информации вызывают неоднозначные оценки.

Улучшение российско-китайских отношений способствовало значительному расширению миграции из КНР и увеличению китайской диаспоры на территории нашей страны. Согласно официальным данным государственной статистики, за последние 8 лет (2000–

* Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 08-06-00159-а.

2007 гг.) общее число прибывших из Китая в Россию на постоянное место жительства, в служебную командировку, в качестве предпринимателей, туристов, по приглашениям, транзитом увеличилось с 493,8 тыс. человек до 765,1 тыс. человек, или более чем в 1,5 раза.

Выходцы из Китая все активнее заявляют о себе на российском рынке труда. По данным ФМС России, в период 2000–2008 гг. число зарегистрированных на российской территории китайских трудовых мигрантов возросло в 11 раз. В настоящее время в совокупности стран дальнего зарубежья Китай занимает 1-е место в российском импорте рабочей силы из-за рубежа.

С начала 2000-х годов существенно активизировались потоки учебных мигрантов из Китая в Россию. К 2006/2007 учебному году Китай занял лидирующие позиции среди других зарубежных стран по численности иностранных граждан, обучавшихся в российских вузах.

Как показали проведенные нами в целом ряде российских регионов социологические исследования, подавляющее большинство китайцев, находящихся на территории нашей страны, являются временными мигрантами. При этом основной миграционный поток из Китая направлен из прилегающих к России северо-восточных провинций Китая – Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, а также Автономного района Внутренняя Монголия.

Демографический состав прибывающей в РФ китайской рабочей силы во многом типичен для трудовых мигрантов, циркулирующих во всем мире. В ее общей структуре преобладают мужчины, поскольку они являются основными кормильцами своих семей. Среди китайских трудовых мигрантов доля лиц мужского пола достигает более 70%, что в значительной мере отражает как специфику спроса на иностранную рабочую силу, так и характер ее занятости на территории Российской Федерации.

Следует отметить, что возрастной состав китайских мигрантов является благоприятным для развития российской экономики, так как большинство прибывающих граждан КНР находятся в молодом, наиболее активном трудоспособном возрасте: 3/4 мигрантов входят в возрастную группу 20–39 лет, при этом их наибольшее число сосредоточено в возрастах от 30 до 39 лет.

Характерно, что в основной массе в нашу страну приезжают лица с более низким уровнем образования, чем тот, которым характеризуется постоянное население России. По результатам наших исследований, почти 1/3 китайских мигрантов не имеет даже общего среднего

образования. Доля безграмотных среди них в 5 раз выше, чем среди постоянного населения РФ.

В миграции китайского населения преобладают выходцы из сельской местности, где существует огромный избыток рабочей силы, а масштабы бедности получили наибольшее распространение.

Экономических мигрантов из Китая можно подразделить на три группы: (1) лица, которые до приезда в Россию учились, прежде всего студенты; (2) работники низкой и средней квалификации (сельскохозяйственные и промышленные рабочие, строители, занятые в торговле и сфере обслуживания, бригадиры, мастера); (3) профессионалы, инженерно-технические и руководящие работники, специалисты и служащие. В общей структуре миграционного потока преобладает вторая группа, представители которой концентрируются на нижнем уровне шкалы занятости, связанной с применением ручного неквалифицированного и физически тяжелого труда, выполнением грязной и опасной работы.

Основная сфера занятости граждан КНР в России – это торговля, где в 2007 г., по данным ФМС России, работало 43,5% трудовых мигрантов из Китая, строительство (27,8%) и сельское хозяйство (15,9%).

Специфика занятости китайцев на территории РФ заключается в крайне низкой доле лиц, работающих в государственном секторе (до 10% от числа трудовых мигрантов). Удельный вес мигрантов, занятых в частном секторе, на совместных предприятиях, а также на предприятиях со смешанной собственностью или принадлежащих иностранным юридическим и физическим лицам, составляет около 75%. Большую часть мигрантов притягивает сфера неформальной экономики, где хозяйственная деятельность часто протекает вне правового поля.

К числу важных пропорций занятости китайских трудовых мигрантов в России следует отнести соотношение таких ее статусных характеристик, как работающие по найму и самозанятые. Среди прибывших китайцев около половины работают по найму на предприятиях и в организациях, 15% заняты по найму у физических лиц, главным образом у индивидуальных предпринимателей.

Привлечение китайской рабочей силы в России имеет ярко выраженный локальный характер. Главные центры ее использования находятся на Востоке, куда направлен наиболее динамичный поток миграции из КНР. Около 70% общей численности китайцев, работающих на российской территории, заняты в экономике регионов Сибири и Дальнего Востока.

Миграция из Китая оказывает противоречивое влияние на экономическое развитие российских территорий. Она способствует повышению динамичности и эффективности экономики и в принципе может внести важный вклад в преодоление экономического спада отдельных регионов. Восполняя нехватку рабочей силы, особенно на непривлекательных рабочих местах, трудовая миграция из КНР обеспечивает большую сбалансированность на региональных рынках труда, является важным фактором поддержания и расширения производства. В результате привлечения и использования рабочей силы из Китая решаются многие хозяйственные проблемы российских восточных регионов. Позитивные последствия иммиграции и занятости граждан КНР связаны с насыщением рынка дешевыми и нужными товарами и услугами, заполнением непрестижных рабочих мест, развитием отдельных сфер производства, прежде всего сельского хозяйства.

Вместе с тем необходимо учитывать и негативные эффекты расширения масштабов трудовой иммиграции из Китая, которые напрямую связаны с ее нелегальной составляющей, по оценкам экспертов, существенно превышающей ее легальную часть. Мировой финансовый и экономический кризис, скорее всего, увеличит латентную компоненту китайской миграции в Россию. Потеряв работу, часть легальных трудовых мигрантов из КНР, объективно не желающая возвращаться на родину, может перейти в ряды нелегальной миграции.

При принятии мер по преодолению нынешнего кризиса и активного ограничения внешней трудовой миграции для защиты внутреннего российского рынка труда требуются гибкие, взятные и комплексные решения в области миграционной политики, направленные, с одной стороны, на реализацию максимальных выгод от китайской трудовой миграции, а с другой — на минимизацию ее неблагоприятных последствий. Позитивные результаты привлечения и использования китайской рабочей силы необходимо учитывать при разработке мер политики, направленной на стимулирование экономического подъема российской экономики.

Смирнов Д.А.,
к. и. н., ИДВ РАН

КНР: ОТ «НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ» К «ГАРМОНИЧНОМУ ОБЩЕСТВУ»*

1. В качестве первой развернутой программы модернизации Китая, разработанной КПК, можно рассматривать выдвинутую Мао Цзэдуном на рубеже 1930–1940-х годов теорию новой демократии (*синь миньчжучжун*). В ней предусматривалось создание новодемократической государственной власти на основе коалиционного правительства, объединяющего все политические силы, входившие в состав антияпонского фронта. Главную социальную опору этого государства составляло крестьянство. Мао Цзэдун отождествлял политический строй новой демократии с властью крестьянства. На государство возлагалась задача осуществления антиимпериалистических и антифеодальных преобразований, проведения аграрной реформы на основе суньятсеновского лозунга «каждому пахарю — свое поле» и проведения индустриализации. При сохранении в руках государства ключевых позиций в экономике предполагалось широкое развитие частного капитала и привлечение иностранных инвестиций. Цель экономической политики новой демократии состояла в превращении Китая из отсталой аграрной страны в индустриальную с перспективой дальнейшего перехода к социализму. Новодемократическая политика проводилась в освобожденных районах в годы антияпонской войны, а затем по всей стране на завершающем этапе революции и в годы восстановительного периода.

2. В 1953 г. Мао Цзэдун утвердил генеральную линию переходного периода к социализму, разработанную с учетом опыта построения социализма в СССР, предусматривавшую проведение в течение довольно длительного периода времени социалистической индустриализации и установление господства социалистических производственных

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 08-03-95142 а/май.

отношений путем постепенного преобразования всех сфер народного хозяйства при установлении тесного союза с СССР и получении от него всесторонней помощи.

3. В 1956 г. в выступлении «О десяти важнейших взаимоотношениях» Мао Цзедун подверг критике советскую «модель» строительства социализма и призвал учитывать специфику Китая, требующую правильного регулирования взаимоотношений между различными отраслями экономики и основными направлениями внутренней и внешней политики. На 2-й сессии VIII съезда КПК в мае 1958 г. курс на модернизацию страны на основе индустриализации был расширен до «трех модернизаций»: промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры. Однако в обстановке обострения в середине 1950-х годов борьбы за идейно-организационное лидерство в международном коммунистическом движении и ухудшения отношений с Советским Союзом, а также внутренней нестабильности, неизбежной в условиях проведения широкомасштабных преобразований отношений собственности, руководство КПК во главе с Мао Цзедун в 1955—1956 гг. начало проводить линию на искусственное форсирование социалистических преобразований, а в 1958 г. приняло курс на создание в кратчайшие сроки мощного военно-промышленного потенциала под лозунгом «трех красных знамен». Под этим лозунгом была предпринята авантюрная попытка осуществления «большого скачка» в сфере индустриализации и построения «военного коммунизма» путем превращения китайского общества в единую, не разделенную внутренними социальными перегородками массу в рамках военизированных «народных коммун».

4. Результаты искусственного ускорения социально-экономического развития страны такими методами оказались провальными и в ходе исправления последствий проведения этой политики китайские лидеры вернулись к установке на модернизацию (хотя и попытку осуществления «большого скачка» тоже можно рассматривать как одно из направлений поиска путей ускоренной модернизации). В феврале 1960 г. Мао Цзедун и Чжоу Эньлай заявили о необходимости проведения «четырех модернизаций»: промышленности, сельского хозяйства, науки и обороны. Однако последовавшая затем «культурная революция» надолго затормозила развитие страны. В январе 1975 г. на 1-й сессии ВСНП 4-го созыва Чжоу Эньлай вновь выдвинул курс на «всестороннюю модернизацию сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники». Окончательно этот курс воплотился в жизнь после свержения «банды четырех» и прихода к власти сторонников реформ во главе с Дэн Сяопином, под руководством которого

на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. было принято историческое решение отказаться от маоцзэдуновской теории «продолжения революции при диктатуре пролетариата» и перенести центр тяжести партийной работы на осуществление четырех модернизаций. После пленума им был выдвинут ряд ключевых теоретических и программных положений стратегии реформ, прежде всего о необходимости реформирования производственных отношений и надстройки, препятствующих ускоренному развитию производительных сил. Согласно этим положениям, реформирование экономической системы должно было начаться в деревне и сопровождаться отвечающим задачам модернизации реформированием политической системы. Реформа, по Дэн Сяопину, означает не отказ от созданной в КНР социалистической системы, а совершенствование экономической и политической систем социализма. Отвергая догматический подход, Дэн Сяопин подчеркивал, что и план, и рынок — это лишь инструменты экономической политики, которые могут использоваться и при социализме, и при капитализме.

5. Выдвинутый Дэн Сяопином курс на строительство социализма с китайской спецификой был утвержден на XII съезде КПК (1981 г.), поставившем задачу создания материальной основы модернизации Китая путем учетверения совокупного объема промышленности и сельского хозяйства, при активном использовании рыночных инструментов в деле развития экономики. При этом делался акцент на независимости и самостоятельности — как главной внешнеполитической гарантии нормального хода реформ и на учете китайской специфики как отправной точки при определении стратегии модернизации. В развитие этой теории впоследствии были приняты принципиальные положения о товарном характере социалистической экономики КНР, а затем о необходимости реформирования политической системы, направленной на искоренение бюрократизма и порождаемой им коррупции. При этом подчеркивалось, что реформа политической системы не имеет ничего общего с политической либерализацией по западному образцу. Особую роль в политической жизни страны Дэн Сяопин отводил Компартии Китая, видя в ней единственную силу, способную разрешать порождаемые реформой противоречия и тем самым обеспечивать необходимую стабильность.

6. Окончательное завершение в виде сложившейся теоретической системы курс Дэн Сяопина на осуществление социалистической модернизации получил на XV съезде КПК в 1997 г., когда теория Дэн Сяопина была официально объявлена идейно-теоретической плат-

формой партии. В развитие идей Дэн Сяопина о всемерном использовании в интересах экономического строительства рыночных отношений на съезде было принято решение об акционировании государственных крупных и средних предприятий в интересах повышения их экономической эффективности при сохранении ведущей роли общественной собственности и при одновременном поощрении развития индивидуального и частного капитала, который рассматривается как важная составляющая часть социалистической рыночной экономики.

7. Благодаря проведению политики реформ и открытости к началу нового века удалось выполнить задачу учетверения экономического потенциала, в основном решить на этой основе проблему питания и одежды (*вэньбао*) и перейти к решению задач построения «общества среднего достатка» (*сяокан шэухуэй*), или, в ином варианте перевода, — «малого благосостояния». Вместе с тем в процессе проведения реформ в КНР произошла значительная трансформация социальной структуры китайского общества, связанная с резким увеличением удельного веса новых социальных слоев, прежде всего предпринимательской прослойки, которые стали представлять собой ощутимую силу в экономике. Все более очевидной становится необходимость и неизбежность реального представительства ее политических интересов в органах власти. Данный фактор — серьезный вызов китайскому руководству, ответ на который объективно требует демократизации политической системы и соответствующего пересмотра идеологической базы КПК. Не менее серьезный вызов представляет другая часть новых социальных слоев, также появившаяся в результате реформ, — огромная масса выброшенных с рынка труда или находящихся на грани безработицы крестьян, рабочих и служащих. Эти слои формируют потенциал для дестабилизации обстановки в стране. Вместе с тем имущественное расслоение сопровождалось усилением коррупции, размыванием социалистических идеалов, особенно у молодежи, прежде всего под воздействием самого процесса рыночных реформ, связанных с иной системой ценностей, чем в ходе построения социализма, не говоря уже о влиянии морального разложения части кадровой номенклатуры КПК на настроения в обществе. Поэтому на новом историческом этапе развития КНР закономерно возник вопрос о переосмыслении роли КПК и ее управленческого потенциала в процессе модернизации страны, поскольку от способности КПК адекватно воспринимать складывающуюся новую объективную реальность и проводить политику, отвечающую вызовам и требованиям времени, зависит легитимность ее дальнейшего правления.

Изменение объективных внутренних и внешних условий деятельности КПК получило отражение в выдвинутой Цзян Цзэмином концепции «тройного представительства» КПК (*сань гэ дайбяо*; другой вариант перевода — «три представительства» КПК), основная идея которой состоит в том, что и в современную эпоху «ключ» к управлению процессом развития Китая по-прежнему находится у КПК, олицетворяющей передовые производительные силы, передовые производственные отношения и передовую культуру. На состоявшемся в 2002 г. XVI съезде КПК эта концепция была принята в качестве идейно-теоретической платформы партии на новом историческом этапе — этапе всестороннего построения общества «среднего достатка».

8. Вскоре после прихода к власти на XVI съезде нового поколения руководства КПК во главе с Ху Цзиньтао был выдвинут новый лозунг — построения «социалистического гармоничного общества» (*шэхуэйчжун хэсэ шэхуэй*), что было связано с необходимостью внесения серьезных коррективов в планы социально-экономического развития страны с целью исправления сложившихся в ходе проведения политики реформ и открытости дисбалансов в развитии города и деревни, регионов, росте доходов разных групп населения, грозивших подорвать общественно-политическую стабильность, и с принятием в 2003 г. курса на сбалансированное развитие пяти сфер «единого планирования»: города и села, регионов, экономики и социальной сферы, человека и природы, внутреннего развития и политики открытости внешнему миру.

9. Проблема комплексного решения этих задач в рамках программы построения «гармоничного общества» была рассмотрена на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (2004 г.), посвященном наращиванию управленческого потенциала партии в условиях шансов и вызовов современной эпохи. Воплощение в жизнь этой программы, отмечалось на пленуме, должно происходить на основе «научной концепции развития» (*кэсюе фачжэнь гуань*; другой вариант перевода — «концепция научного развития»), которая должна обеспечить правящей партии способность правильно регулировать в целом взаимоотношения между экономикой и политикой, реформой, стабильностью и развитием в интересах всего народа. Особо была выделена задача повышения способности партии к «социальному строительству и управлению» (*шэхуэй цзяньшэ хэ гуаньли*), т.е. к социальной инженерии, к способности регулировать интересы разных социальных слоев, не допуская социальных конфликтов и нарастания разрыва между двумя социальными полюсами.

10. Состоявшийся в 2005 г. 5-й пленум ЦК КПК 16-го созыва положил в основу принятых «Рекомендаций по разработке 11-го пятилетнего плана народнохозяйственного и социального развития» на 2006—2010 гг. «научную концепцию развития», совмещающую новое качество экономического роста со значительным усилением всей социальной политики, при одновременном достижении «новых сдвигов в области укрепления демократии и правовой системы, в строительстве духовной культуры», а на следующий год, на 6-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва, было принято развернутое «Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам строительства социалистического гармоничного общества», в котором обозначены цели и задачи стратегии построения «гармоничного общества» к 2020 г. и намечены пути их решения.

Эта стратегия нацелена на преодоление ключевой проблемы современного китайского общества, заключающейся в сохранении нарастающего разрыва в социально-экономическом развитии, прежде всего, между городом и деревней, между высокоразвитым восточным приморским поясом и внутренними центральными и западными регионами, а также между различными социальными группами населения. От решения данной проблемы в первую очередь зависит поддержание социальной и, соответственно, политической стабильности в стране, без которой невозможно продолжение устойчивого роста экономики и сохранение существующего государственного строя. Среди главных задач: совершенствование социалистической демократии и реализация установки на «управление государством на основе закона»; расширение общественной занятости и создание в основном охватывающей все города и деревни системы социального страхования; повышение уровня и совершенствование общественного и административного управления; повышение идейно-нравственного, научного и культурного уровня нации, последовательное улучшение морального состояния общества; повышение творческого потенциала общества и формирование государства инновационного типа; достижение очевидного перелома в эффективном использовании природных ресурсов и в состоянии окружающей среды и т.д. Основные принципы построения гармоничного общества: «человек — превыше всего» (*и жэнь взй бэнь*), или, в другом варианте перевода: «человек — основа основ», «концепция научного развития», проведение политики реформ и открытости, соблюдение правильных взаимоотношений между реформой, развитием и стабильностью и т.д.

11. На состоявшемся в октябре 2007 г. XVII съезде КПК положение о «научной концепции развития» было внесено в Устав партии,

при этом отмечена ее преемственность с «марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и важными идеями тройного представительства». Съезд привел в единую систему теоретические установки и опыт 30-летнего проведения политики реформ и открытости, сделав акцент на непрерывности развития и обновлении «теоретической системы самобытного китайского социализма» в духе времени, соответствие которому названо на съезде «важнейшим критерием нового этапа» в развитии КНР. На съезде была поставлена задача полного построения «общества среднего достатка» путем учета верения к 2020 г. экономического потенциала страны, прежде всего среднестатистического валового внутреннего продукта за счет оптимизации структуры экономики и повышения ее эффективности, достижения «существенного продвижения вперед в деле построения новой социалистической деревни», ускорения развития социальной сферы, культурного строительства и достижения социальной справедливости.

Съезд продемонстрировал приверженность руководства КПК к дальнейшему развитию и совершенствованию существующей политической системы, в частности, включив в понятие «политическая система» КНР новое положение об «институте низового самоуправления масс» (*цзицэн цюньчжун цзычжи чжиду*) в дополнение к таким основным институтам, как система собраний народных представителей, система многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК и система районной национальной автономии. Вместе с тем четко и однозначно была обозначена руководящая роль КПК в управлении страной.

12. Социальная направленность курса, проводимого на основе «научной концепции развития», со всей очевидностью проявилась в мерах китайского руководства по преодолению последствий влияния на Китай разразившегося в 2008 г. мирового финансового кризиса, в том числе весьма наглядно — в решениях последней, состоявшейся в марте 2009 г. сессии ВСНП.

Гудошников Л.М.,
д. ю. н., ИДВ РАН

ЦЕНТРАЛЬНОЕ НАРОДНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КНР НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА

В период до принятия первой Конституции КНР (1954 г.) Центральным народным правительством именовалась совокупность высших государственных органов КНР, объединяемая Центральным

народным правительственным советом (ЦНПС), которым образовывались Административный совет¹ в качестве высшего исполнительного органа по делам административного управления государством, Народно-революционный военный совет в качестве высшего органа по военным делам государства, Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура.

Первый Центральный народный правительственный совет был образован в сентябре 1949 г. на 1-й сессии Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). Создание народного правительства явилось важной вехой в жизни китайского народа и развитии страны. Сообщая китайскому народу и всему миру о провозглашении Народной республики и создании Центрального правительства, сессия НПКСК в своей декларации записала, что у китайского народа есть свое собственное центральное правительство, что это правительство будет осуществлять народную власть на территории всего Китая и руководить народно-освободительной армией, чтобы довести революционную войну до конца и завершить великое дело объединения страны. «Это правительство, — говорилось в декларации, — будет руководить народом всей страны в деле преодоления всех трудностей, будет осуществлять экономическое строительство в широких масштабах, положит конец нищете и невежеству, оставленным в наследство старым Китаем, будет постоянно повышать материальный и культурный уровень народа»².

Под руководством и контролем ЦНПС действовали все вышние, центральные и местные органы государственного управления. Работая, как и все органы КНР, под руководством Компартии Китая Госсовет в ряде случаев издает совместные с ЦК КПК постановления, которые одновременно являются и актами государственной власти, и директивой правящей партии³.

ЦНПС представлял КНР во внешних сношениях, а внутри страны руководил государственной властью. Он был облечен всеми полномочиями высшего органа государственной власти, т.е. был государственным законодательным органом и органом, определявшим основные направления государственной политики. Им были приняты такие законы важного революционного значения, как Закон о земельной реформе, Закон о браке, Положение о наказаниях за коррупцию и др. Законодательные органы переходного периода (1949—1953 гг.) в большинстве случаев имели временный характер и в дальнейшем заменялись более совершенными.

ЦНПС был наделен правом ратифицировать, денонсировать или

вносить изменения в договора, заключенные КНР с иностранными государствами. Он обладал всеми бюджетными правами высшего органа государственной власти: утверждал и вносил изменения в государственный бюджет и утверждал отчет об его исполнении. Он назначал всех высших правительственных должностных лиц, послов, посланников и других исполнительных представителей в иностранных государствах и, кроме того, назначал или утверждал важнейших административных работников на местах.

Наконец, на ЦНПС была возложена подготовка и созыв Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). В качестве высшего органа государственной власти ЦНПС 1953 — 1954 гг. возглавил работу по подготовке Конституции КНР.

С принятием Конституции наименование Центральное народное правительство перешло к Государственному совету, пришедшему на смену Административному совету. В Конституции (ст. 47) прямо определялось: «Государственный совет Китайской Народной Республики, т.е. Центральное народное правительство». Однако Госсовет сформировался не как совокупность высших государственных органов, а лишь как исполнительный орган высшего органа государственной власти, высший государственный административный орган. Госсовет формируется верховным органом государственной власти — Всекитайским собранием народных представителей. Частичные изменения в его составе в периоды между сессиями ВСНП производятся Постоянным комитетом ВСНП (ПК ВСНП). Госсовет несет ответственность перед ВСНП и ему подотчетен. Госсовет возглавляется премьером, утверждаемым сессией ВСНП по представлению председателя КНР. Срок полномочий Госсовета равен сроку полномочий ВСНП. Премьер Госсовета, его заместители и члены Госсовета не могут занимать свои должности свыше двух сроков подряд, т.е. свыше 10 лет.

Согласно Конституции, Госсовет осуществляет довольно широкое нормотворчество, в том числе ему может быть делегировано право издания нормативных актов по вопросам, обычно регулируемым законами. Основной вид правотворчества Госсовета — издание административно-правовых актов. Такие акты могут приниматься: (1) по вопросам, вытекающим из положений законов и (2) по вопросам компетенции Госсовета, установленной Конституцией.

Госсовет определяет задачи министерств и государственных комитетов, осуществляет централизованное руководство их деятельностью, а также руководство административной деятельностью общегосударственного масштаба и деятельностью государственных адми-

нistrативных органов на местах. Конституция подробно устанавливает и другие направления деятельности правительства, в том числе в области руководства экономикой, образованием, наукой, культурой, управления в политической сфере, включая внешнеполитическую, и многое другое.

В результате нескольких этапов реформ Госсовет был подвергнут существенной реорганизации, касающейся главным образом его аппарата. Прежде всего, это было сокращением структур министерского уровня, вместе с тем заметно уменьшилась и штатная численность их аппаратов. Реорганизация коснулась и других структур, связанных с деятельностью Госсовета, например, канцелярий отраслевого характера (по делам зарубежных китайцев, по правовым вопросам), органов прямого подчинения правительства (Главное таможенное управление, Управление гражданской авиации и др.), организаций правительственного подчинения (Академия наук, Академия общественных наук, агентство Синьхуа и др.).

В аппарате Центрального правительства КНР особое место занимает общая Канцелярия Госсовета (в дословном переводе — канцелярский департамент). В публикуемых перечнях структур Госсовета она обычно занимает 1-е место — выше министерств и государственных комитетов. На Канцелярию возложено изучение вопросов, поступающих на утверждение Госсовета из различных его ведомств и народных правительств провинций, автономных областей и городов центрального подчинения. Канцелярия выносит по ним свои мнения, которые затем представляются на утверждение руководству Госсовета. Она следит за исполнением документов и решений заседаний Госсовета, а также соответствующих указаний его руководящих работников.

Исходящие из Канцелярии документы чаще касаются рассылки ведомственных материалов, в том числе и предложений, имеющих общегосударственное значение и поэтому публикуемых в «Вестнике Государственного совета».

В некоторых случаях Канцелярия Госсовета выступает как орган, документы которого доводят до исполнителей указания руководства Госсовета (например, циркуляр Канцелярии от 6 апреля 2001 г. о создании руководящей группы по учреждению и унификации рыночной экономики в масштабах всей страны). В некоторых случаях циркуляры издаются Канцелярией Госсовета совместно с Канцелярией ЦК КПК как документы обращения к партийным органам.

Канцелярия Госсовета ответственна за выработку единой идеи и единого планирования правотворческой работы Госсовета и органи-

зует их исполнение. Некоторые из рабочих органов Госсовета являются одновременно органами ЦК КПК. В частности, к таким органам относится Канцелярия по иностранным делам Госсовета. Пресс-канцелярия Госсовета по внешней политике одновременно является и Канцелярией ЦК КПК по внешней политике.

В целом правительственный аппарат КНР довольно громоздок. Поэтому сейчас ставится задача развития посреднических организаций, способных брать на себя проблемы общественных отношений, не входящих в функции правительства (например, фондовые биржи, отраслевые ассоциации предприятий и т.п.). Это — реализация выдвинутой еще Дэн Сяопином идеи относительно того, что партийно-правительственные органы должны передавать другим органам и общественным организациям те свои полномочия и функции, которые они выполнять не в состоянии или качественно. В соответствии с этой концепцией идет упорядочение Центрального правительства КНР.

¹ В нашей литературе чаще именуется Государственным административным советом.

² Образование Китайской Народной Республики: Документы и материалы. М., 1950. С. 51–52.

³ Нынешний Государственный совет продолжает эту практику своего предшественника.

Юй Хуншэн,
аспирант ИДВ РАН

КИТАЙСКИЕ ЭКСПЕРТЫ О ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЯХ В УСТАВЕ КПК

В течение 88 лет существования КПК ее Устав был изменен 16 раз. Последние изменения были осуществлены на XVII съезде, состоявшемся 15–21 октября 2007 г. Изменения коснулись 7 аспектов:

- 1) в Устав внесено упоминание о концепции научного развития;
- 2) в Устав внесено положение о социализме с китайской спецификой;
- 3) в Устав внесено положение о «гармонии» как цели социалистической модернизации;
- 4) в Уставе развернут общий план социализма с китайской спецификой, включающий экономику, политику, культуру и общество. Здесь же указаны политика строительства армии, работа в области национальных меньшинств, единого фронта, а также дипломатическая работа;

5) в Устав включены положения о сознании и достижениях в партийном строительстве, в основном в аспектах выработки способностей к правлению и прогрессивности, а также в области борьбы против коррупции.

6) в Уставе нашел отражение институт гласности в партийных делах, институт срока назначения партийных представителей, институт инспекторских проверок, институт докладов и т.д.;

7) в Уставе появились новые требования к членам, кадрам, партийным организациям всех уровней.

В комментариях экспертов, близких к кругу лиц, принимавших решение о новых изменениях в Уставе КПК, подчеркиваются следующие идеи.

Эксперт-исследователь Устава партии, профессор Центральной партийной школы Е Дучу обратил внимание на обусловленность изменений наступлением нового этапа исторического развития, на подтвержденность реальной жизнью положения о сочетании марксизма с китайской спецификой (*макэсы чжэуи чжунгохуа*). Он же обратил внимание на то, что изменения в Уставе КПК затронули три аспекта: теорию, вопросы стратегии и механизм работы партии, а также и на то, что теория социализма с китайской спецификой совершила скачок от концепции до законодательного оформления и измененный Устав будет способствовать созданию института внутрипартийного законодательства. Именно утверждение новых институтов является новацией, не менее важной, чем развитие теории¹.

Заместитель заведующего кафедрой истории КПК Центральной партийной школы, научный руководитель докторантов, профессор Се Чуньтао считает, что впервые в истории ЦК КПК дал определение социализма с китайской спецификой, а внесение в Устав концепции научного развития отражает синхронность шагов партии со временем. По его мнению, категория «гармония» стала новым содержанием основной цели партии. Профессор Се счел важным и представление в Уставе «общего плана» — «единства четырех» (*сывэй ити*) — экономики, политики, культуры и общества. По его оценке, изменения будут способствовать повышению уровня управления и управления партией².

Бывший проректор Центрального института социализма, эксперт по партийному строительству Китая Чжэнь Сяоин назвал включение в Устав «одной концепции и трех режимов» (*игуань саньчжэи*) общей волей всей партии³, а заведующий кафедрой основных курсов Группы лекторов Партийного комитета провинции Шаньдун, профессор Лю Чуньпэн, оценил внесение в Устав концепции научного развития как

новую систему в инновации теории КПК. Он же отнес новации Устава в области социального строительства и гармонии к новому плану и новой цели строительства социализма с китайской спецификой⁴.

В данном сообщении автор привел комментарии только части ведущих экспертов по проблемам КПК. Они полезны не только статусом комментаторов, но и тем, что теоретически и политически раскрывают содержание и предназначение новаций в Уставе КПК, показывают их роль в политике КПК на современном этапе.

¹ <http://www.chnd.net.cn/HTML/2007/Region01/20079716.html>

² http://www.yznews.com.cn/yzrb/html/2007-10/24/content_2799918.htm

³ <http://news.hebei.com.cn/system/2007/10/22/001632404.shtml>

⁴ http://www.dzwww.com/xinwen/xinwenzhuanti/sqjds/bg/200711/t20071130_2925232.htm

Чжао Мэн,
аспирантка МПГУ

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В КНР (вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов)

Начиная с 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва Китай вступил в новый этап исторического развития, преобразование политической системы стало важной составной частью китайских реформ.

После XII съезда КПК и до выступления Дэн Сяопина на Юге Китая в 1992 г. Китай осуществлял всестороннюю реформу. В этот период политическое развитие Китая в основном выражалось в следующем:

1. Разработка теории научного социализма. На XIII съезде КПК впервые была изложена теория начальной стадии социализма, определена основная линия на начальном этапе социализма — «один центр, два основных момента», а также «трехшаговая» стратегия развития экономики КНР. Кроме этого, на XIII съезде КПК были намечены теоретические очертания концепции строительства «социализма с китайской спецификой»¹.

2. Дэн Сяопин во вступительном слове на XII съезде КПК огласил 4 установки: преобразование структуры и экономической системы, модернизация кадров в «четырёх областях»; строительство социалистической духовной цивилизации; нанесение удара по различным видам преступной деятельности; упорядочение стиля и организации

партии. С этого момента политика Китая осуществляется именно в соответствии с этими требованиями Дэн Сяопина².

3. В 1986 г. Дэн Сяопин подчеркнул, что «теперь с каждым шагом преобразования экономической системы глубоко чувствуется необходимость преобразования политической системы. Без преобразования политической системы нельзя обеспечить и преобразование экономической системы...»³. В докладе на XIII съезде КПК было отмечено, что в прошлом в политической системе Китая существовали недостатки, такие, как чрезмерная централизация власти, серьезный бюрократизм и т.д., а цель преобразования политической системы заключается в том, чтобы утверждать позитивное и устранять негативное, удалять бюрократизм, развивать социалистическую демократию, мобилизовывать активность народа, строить социалистическую демократическую политику с китайской спецификой⁴.

Вскоре после XIII съезда КПК произошли важные события: коренные перемены в Советском Союзе и Восточной Европе, «брожение 4 июня» в Китае. Ответом на них стали, по принятой в Китае терминологии, «урегулирование и изменение мышления и методов работы»⁵. Во-первых, роль и значение преобразования политической системы были уже не так акцентированы. Во-вторых, изменилось и конкретное содержание реформ, был взят курс на дальнейшее совершенствование института собрания народных представителей, усиление строительства первичной демократии и т.д. В-третьих, несколько замедлился темп преобразования политической системы, что сделало заметным отставание преобразований в политической системе от преобразований в экономической системе⁶.

Значение выступлений Дэн Сяопина во время его поездки на Юг состояло, как пишут китайские эксперты, в объективной необходимости урегулировать содержание преобразований в политической системе и течение политической мысли, настоять на сохранении основной линии партии, не дать прерваться реформам и открытости. Вместе с тем урегулирование было лишь временной мерой⁷.

На XIV съезде КПК (октябрь 1992 г.) было впервые отмечено, что «целью преобразования политической системы является развитие социалистической демократической политики с совершенствованием режима собрания народных представителей, режима многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством коммунистической партии как главного содержания». В начавшийся период преобразование политической системы отмечено стимулированием разграничения функций правительств и предприятий, сокра-

щением управленческих аппаратов, укреплением законности, продвижением первичной демократии т.д.⁸

Во второй половине 1980-х годов, когда политология Китая восстановилась как самостоятельная наука, ей предстояло как можно скорее осуществить специализацию, сократить отставание от уровня исследований мировой политологии⁹. Такие усилия в основном выражались в двух моментах:

- определении объекта исследования дисциплины и совершенствовании системы дисциплины. Поскольку понимание политики было сравнительно узким, определение объекта исследования также было узким. Но постепенно положение выправилось, и на этой основе стала создаваться более совершенная система дисциплины;

- расширении сферы исследований дисциплины. Были разделены сферы исследования, например, исследование политического режима было разделено на сравнительные исследования политического режима, исследование политического режима КНР, исследования местных правительств, политики политической партии и т.д.

Постепенно развивались исследования на стыке политологии и других дисциплин, появились работы по политической социологии, политической психологии, политической культуре, политической этике, политической этнологии и т.д.¹⁰

Разрабатывались проблемы, имеющие важное значение для реформы политического режима и политического развития Китая, такие, как политическое участие и политический порядок, демократизация принятия решений и систематизация политики, политическое развитие и политическая стабилизация, общественные права и общественные интересы и т.д.¹¹

В конце 1987 г. XIII съезд КПК поставил реформу политической системы в повестку дня, что значительно продвинуло развитие политологии Китая и позволило ей достигнуть пика. Появилось обилие диссертаций и сочинений о преобразовании политической системы и развитии политики.

Преобразование политической системы Китая преследовало две цели: первая, близкая цель — сокращение управленческого аппарата, предоставление больших прав нижестоящим органам власти, совершенствование управленческой системы; вторая, более отдаленная, цель — распространение демократии, демократизация политики. Поскольку реформы пришлись на стадию перехода, связанную со множеством экономических и социальных проблем, на развитие реформ и преобразование политической системы возлагались большие

надежды. Только после политического брожения 1989 г. возникло понимание, что для достижения перспективной цели преобразования политической системы и политического развития Китая требуется относительно длительный исторический период¹².

После 1989 г. развитие политологии Китая в основном решало вопрос ценности политологических исследований. Были определены приоритеты — «демократия» и «развитие»¹³. В китайском обществе внутренней целью демократии и развития является социалистическая демократизация и социалистическая модернизация¹⁴.

¹ Ху Хуэй, Люй Пушэн. Шицизе саньчжун цюаньхуй илай чжунго чжэнчжи фачжань дэ хунгуань каоца [Макроскопическое обследование развития политики Китая после 3-го пленума 11-го созыва ЦК КПК] // Чжэнчжисюэ яньцзю. 2008. № 2. С. 11.

² Там же.

³ Дэн Сяопин сюаньцзи [Дэн Сяопин. Избранные произведения]. Пекин, 1993. Т. 3. С. 164.

⁴ Ху Хуэй, Люй Пушэн. Указ. соч.

⁵⁻⁸ Ван Хуайчао. Чжунго чжэнчжи тичжи гайгэ эршисы нянь [24 года преобразования китайской политической системы] // Сычуань уцзя. 2003. № 7. С. 43.

⁹ Линь Шанли. Чжэнчжисюэ юй чжэнчжи фачжань: чжунго чжэнчжисюэ фачжань эрши нянь [Политология и развитие политики: 20 лет развития политологии Китая] // Чжэнчжисюэ яньцзю. 1998. № 2. С. 3.

¹⁰⁻¹² Линь Шанли. Указ соч. С. 4.

^{13, 14} Линь Шанли. Указ соч. С. 4, 5.

Чэнь Цзяньфу,
профессор,
Университет Латроба,
Мельбурн, Австралия

ОКОНЧАНИЕ СОВЕТСКОГО ВЛИЯНИЯ? ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

История законодательства КНР берет свое начало не в 1949 г. Многие китайские государственные деятели и ученые открыто признают, что законодательная система КНР была построена на основе опыта существовавшего до 1949 г. коммунистического правосудия и советской модели. Однако советское влияние и марксистская теория права не вызвали какой-либо существенной активности в сфере законотворчества и институционального строительства в Китае. Напротив, более ранний коммунистический опыт и советское влияние привели в первые 30 лет существования КНР не только к ис-

пользованию закона как средства осуществления террора в процессе классовой борьбы, когда официальные законы и процедуры полностью игнорировались, но также и к популяризации закона, к специализации правовых норм.

Хотя быстрое развитие законодательной сферы в период после правления Мао Цзэдуна, возможно, способствовало созданию совершенно новой совокупности правовых норм, но структура, стиль, терминология и понятия новых законов (за исключением, пожалуй, законов в отношении международной торговли и инвестиций) не кажутся непривычными тем, кто знаком с законодательной системой, созданной династией Цин, и законодательными реформами Гоминьдана. Фактически, предшествующий (до 1949 г.) опыт коммунистического правосудия более важен для объяснения беззакония первых 30 лет существования КНР, чем сегодняшние законодательные изменения. Именно советское влияние в первые годы существования КНР косвенно послужило продолжению правовых традиций, заложенных реформами династии Цин и Гоминьдана. Как таковое, и в смысле стиля, структуры, терминологии законодательства, сегодняшнее развитие законодательства может рассматриваться как продолжающийся процесс модернизации, начавшийся на рубеже XX века.

В докладе рассматривается трансформация советского права и правоведения в китайском праве и теориях права и прекращение этого явления. Это исследование проведено в контексте преобразования китайского права, начиная с его традиционной формы до имеющей место сегодня формы западного образца. В первую очередь рассматриваются концептуальные изменения в направлении роли закона в обществе, взаимосвязь традиционных правовых воззрений, социалистического (советского) влияния и более позднего влияния западных и глобальных факторов на развитие китайского права. Делается вывод о том, что трансформация китайского права все еще требует завершения, но основа для его будущего развития в соответствии с общепринятыми международными стандартами правосудия и справедливости уже заложена. Тем не менее, определенные концептуальные влияния, возникшие в советское время, и сегодня имеют продолжение в КНР и китайском праве.

*Перевод с английского
А. В. Курбатовой*

КПК И ЕДИНЫЙ ФРОНТ

Специфической особенностью политической системы Китая является существование Единого фронта — массового общественно-политического движения, включающего в себя различные слои населения. Существование Единого фронта в стране закреплено в действующей Конституции КНР, где говорится, что «в ходе длительной революции и строительства сформировался руководимый Коммунистической партией Китая широкий патриотический Единый фронт всех демократических партий и народных организаций, который объединяет в себе всех социалистических тружеников, патриотов — сторонников социализма и патриотов объединения Родины». Существовавший еще до образования КНР Единый фронт (в тот период он назывался Народно-демократическим фронтом), сыграл историческую роль в обеспечении 60 лет назад победы в антияпонской войне. Автор считает целесообразным рассмотреть в докладе следующие вопросы.

О взаимодействии КПК и представителей Единого фронта в 1948—1949 гг. при подготовке к созыву Народного политического консультативного совета Китая. Созыв 1-й сессии НПКСК в сентябре 1949 г. и принятие Общей программы НПКСК, ставшей на несколько лет временной Конституцией КНР. Избрание первого председателя Всекитайского комитета НПКСК Мао Цзедуна и в числе его заместителей двух деятелей демократических партий.

Существенное ограничение деятельности Единого фронта и его организаций — НПКСК, демократических партий с конца 1950-х годов, а затем и полное бездействие в годы «культурной революции». В дальнейшем это объяснялось «левыми ошибками» в конце 1950-х годов, «ошибочной политической деятельностью» в Отделе Единого фронта ЦК КПК в начале 1960-х годов, а затем действиями «контрреволюционной группировки Линь Бяо и Цзян Цин» в годы «культурной революции».

Меры партийного и государственного руководства Китая в конце 1970-х годов по восстановлению деятельности Единого фронта и демократических партий, возобновлению регулярной деятельности НПКСК. Ряд мер, предпринятых в отношении национальной буржуазии, существенные изменения в характеристике ее классовой принадлежности.

О составе участников Единого фронта Китая. Изменения в составе, происходившие в соответствии с изменениями в экономике и общественно-политической жизни страны. В составе Единого фронта — самые разнородные представители многосотмиллионного населения

страны с огромным количеством различных слоев, прослоек и категорий общества, включая жителей Тайваня, особых административных районов (ОАР) Китая — Сянгана и Аомэня, а также зарубежных китайцев. Все эти представители не являются членами КПК — это *данвай жэньши* (т.е. деятели вне партии). Среди них большое количество специалистов высокой квалификации, управленцев, предпринимателей, ученых, деятелей образования, культуры, медицины и т.д.

НПКСК — организационная форма Единого фронта, осуществляет свою деятельность через Всекитайский комитет. В состав ВК НПКСК входит 34 организационных единицы (*даньвэй*), представляющих широкий срез китайского общества. Среди них представители КПК и 8 демократических партий, крупнейших общественных организаций Китая — Всекитайской федерации профсоюзов, Всекитайской федерации женщин, Всекитайской федерации молодежи, массовых профессиональных организаций, а также различных кругов, представители всех национальностей страны. НПКСК является также важным органом, осуществляющим многопартийное сотрудничество и политические консультации под руководством КПК, что зафиксировано в его Уставе, принятом в 1994 г.

О руководстве деятельностью Единого фронта со стороны КПК. Отдел Единого фронта ЦК КПК и аналогичные отделы в партийных комитетах по всей стране. Всекитайские совещания заведующих отделами Единого фронта парткомов. Партийные руководители высшего эшелона во главе ВК НПКСК во все периоды его существования.

Всекитайские совещания по вопросам работы Единого фронта, организуемые Центральным комитетом КПК, с участием широкого круга работников Единого фронта, партийных и государственных кадров различного уровня. Выступления на них высших партийных руководителей. Задачи, возлагаемые на Единый фронт.

Собеседования и встречи руководителей ЦК КПК с представителями *данвай жэньши*, возобновившиеся в конце 1970-х годов как эффективные мероприятия во взаимодействии КПК и Единого фронта. Обсуждение на таких консультативных совещаниях проектов подготавливаемых документов и отчетных докладов общегосударственного масштаба, заслушивание мнений и критических замечаний со стороны *данвай жэньши*.

О подготовке кадровых работников Единого фронта в Центральной социалистической академии, созданной еще в 1956 г. и возобновившей свою работу в 1893 г., после бездействия в годы «культурной революции». Согласно характеристике Ху Цзиньтао, Центральная

социалистическая академия является «политическим институтом, носящим характер Единого фронта... совместной партийной школой демократических партий и беспартийных деятелей».

О документах ЦК КПК последних лет, касающихся работы Единого фронта страны: пункт Решения 6-го пленума ЦК КПК 16-го созыва; «Мнение ЦК КПК о дальнейшем усилении строительства системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК»; «Мнение ЦК КПК об усилении работы Народного политического консультативного совета Китая»; «Мнение ЦК КПК об укреплении и усилении Единого фронта на новом этапе в новом столетии».

Необходимость укрепления и расширения Единого патриотического фронта, сплочение всех сил, которые можно сплотить, отмечены в отчетном докладе Ху Цзиньтао XVII съезду КПК. Подчеркнута незаменимая роль Единого фронта в деле стимулирования гармоничных отношений между партиями, национальностями, религиозными кругами, между различными слоями общества, а также между соотечественниками в стране и за рубежом.

Единый фронт и его организации — прежде всего НПКСК и демократические партии — выполняют позитивную роль в обществе путем сплочения на основе патриотизма и привлечения к активному участию в решении социально-экономических и политических задач различных слоев населения страны и зарубежных соотечественников. КПК заинтересована в функционировании Единого фронта, и налицо явная тенденция к активизации деятельности этого специфического компонента политической системы Китая. Нет сомнений в том, что и в дальнейшем эта политика использования «чудодейственного средства» партии, унаследованная нынешним партийным руководством от предыдущих поколений партийных руководителей Китая, будет продолжена.

Бородич В. Ф.,
к. ю. н., ИДВ РАН

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В КИТАЕ И РОССИИ

Административные реформы (АР) в России и Китае являются важным методом государственной политики и управления практически во всех государствах, но особенно — в государствах, осуществляющих сис-

темные преобразования. Преобразования всегда порождают новые проблемы, многие из которых трудно спрогнозировать. Для решения проблем возникает необходимость изменения структуры и функций аппарата административного управления, что и реализуется в процессе АР.

Административные реформы в государствах мира всегда включены в существующие модели власти, среди которых обычно отмечают три: социокультурную, технократическую и рыночную. Согласно социокультурной модели, власть реализует себя в рамках исторически сформировавшихся для властных отношений норм. Демонстрируя пример следования принятым в обществе нормам, она приобретает *авторитет*, благодаря которому и осуществляет политическое управление. Технократическая модель власти основывается на представлениях о политическом управлении как одной из разновидностей менеджмента, делает упор на *технологии* политического управления и *кадры* эффективных управленцев. Эта модель власти второстепенное значение придает фактору социокультурной среды. Рыночная модель власти основывается на представлении о *политическом рынке* как пространстве свободной *конкуренции*, где участники поочередно приходят к власти, побеждая в конкурентной борьбе.

Сопоставление проводимых в России и Китае административных реформ требует учитывать модели политической власти в обоих государствах, сравнивать цели и задачи реформ.

АР имеют отношение к реализации политических решений, они могут в одном государстве на сравнимый период времени носить преимущественно стратегический характер, а в другом — тактический, в одном государстве акцентировать аспект *развития*, в другом — аспект *стабилизации* и т.п. Необходимым основанием для сравнения административных реформ является: их обусловленность моделью политической власти; их *предназначенность*, связанная с пониманием *сущности* реформ; *содержательная характеристика*; эффект от реформ, запланированный или незапланированный их инициаторами и т.д.

Россия. В России утвердилась *технократическая* модель политической власти, основанная на господстве бюрократии. Обнародованные в июле 2008 г. данные Центра Ю. Левады показали, что 73% опрошенных не чувствуют себя защищенными от произвола государственных структур. Источниками подчинения власти служат *сила, принуждение, манипуляция*, а не *авторитет*. С разрушением господствующей идеологии и подрывом всей системы социальных норм, которые этой идеологией скреплялись, авторитет потерял присущее ему в советское время значение приоритетного источника власти.

По *предназначенности* современная АР определяется поиском повышения эффективности господства бюрократии, которое осуществляется в условиях авторитарно-бюрократического политического режима господствующим слоем, сложившимся до 2008 г. вокруг личной власти президента и центральной бюрократии. АР осуществляется в условиях отсутствия в России консолидированного гражданского общества.

Концепция АР, разработанная в 1997 г., была озвучена в Послании Президента РФ Федеральному Собранию в 1998 г. Она включала четыре направления: совершенствование федеративных отношений, реформа государственной службы, реформа правительства, антикоррупционная программа. Предполагалось, что документ должен быть обнародован для обсуждения, а потом превращен в программу действий. Однако, как отмечают эксперты, высшая бюрократия «замотала» проект, а публичного обсуждения его не состоялось.

Следующие шаги АР были сделаны в 1999 г. Тогда из нее было исключено направление борьбы с коррупцией. В 2003 г. вышел Указ Президента РФ В. Путина №824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003—2004 гг.». В 2004—2005 гг. вместо 6 видов федеральных органов исполнительной власти осталось 3 — министерства, службы, агентства, число министерств сократилось, однако численность чиновников увеличилась. Концепция АР 2005 г. сужена до разработки стандартов и регламентов государственных услуг. Фактически реформа реализуется в более широком диапазоне, исходя из требований политической ситуации, соответствует представлению о «ручном управлении», имеющим мало общего с научным расчетом и прогнозированием.

В демократических государствах одним из факторов обеспечения эффективности государственного администрирования являются хорошо развитые отношения государства с гражданским обществом. Российская власть проводит в этой области поисковую деятельность, создана Объединенная рабочая группа по обеспечению участия гражданского общества в административной реформе. Но на стратегическом уровне установка на «единоначалие» государства сохраняется. В. Путин, тогда президент РФ, на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 г.» (8 февраля 2008 г.) о взаимодействии государства в сфере защиты прав граждан с институтами гражданского общества вообще не упомянул. Д. Медведевым предпринимались шаги по оживлению контактов с представителями гражданского общества, в том числе в сети Интернет.

Китай. Модель политической власти в КНР имеет преимущественно *социокультурный* характер, главными источниками подчинения власти являются *авторитет, сила, убеждение*. *Авторитет* и *убеждение* поддерживаются государственной коммунистической идеологией и деятельностью правящей компартии — теми факторами властвования, которыми в должной мере не располагает власть современной России. Вторичной составляющей китайской модели власти является *технократическая*. Она обеспечивает реализацию авторитета и убеждения как источников власти. Именно она проявляет себя в практике показательных казней коррупционных чиновников, подрывающих авторитет власти. Социокультурная модель восходит к конфуцианской традиции политического управления, технократическая — к легистской.

Устав КПК и государственная идеология в КНР жестко определяют целевые рамки политической стратегии — достижение блага для всех, исключают право субъекта политики перераспределять ресурсы, которыми он распоряжается, в свою пользу. Целевые рамки политической стратегии определены в докладе ЦК КПК XVII съезду формулой «Научное развитие и социальная гармония». Исходя из этого *предназначение* АР — повышение эффективности обеспечения благ для всего общества путем повышения эффективности работы исполнительной ветви власти.

Реформирование системы административного управления осуществляется в КНР все годы реформ на научной основе и весьма ритмично, что обусловлено пятилетним циклом проведения очередных съездов КПК. Для всей системы государственного административного управления съезды КПК олицетворяют соучастие авангарда общества в делах государственного управления. Другой общественный институт, причастный к функции соучастия, — НПКСК и входящие в него структуры. Функция соучастия общества в госуправлении является достаточно эффективным институциональным барьером от бюрократизации политической власти, отрыва ее от народа как объекта управления. Аналогичного институционального барьера российская система административного госуправления не имеет.

На современном этапе реформирования административной системы, стимулом которой были определены развитие рыночной экономики, развитие политики социалистической демократии, всесторонние реформы в стране, было решено создать важные *системные гарантии* для проведения политики реформ, открытости и модернизации в стране, что постановил 2-й пленум ЦК КПК 17-го созы-

ва (февраль 2008 г.). Этот системный подход заметно отличается от выборочного ситуационного подхода, характерного для современной российской АР.

В отечественной и зарубежной литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что России есть чему учиться у Китая при проведении реформ. С этим можно согласиться лишь при одном условии — желание учиться может возникнуть при решении общих проблем. А при различной природе власти его быть не может.

Ганшин В. Г.,
к. и. н., ИДВ РАН

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: КЛАССИКА ЖАНРА И «КИТАЙСКАЯ СПЕЦИФИКА»

Гражданские организации начали формироваться в средневековой Европе под воздействием бурного развития капитализма. Нарождающаяся буржуазия, ее экономические, социальные интересы требовали самоидентификации, легитимизации завоеванных прав и свобод. Почти всегда гражданские объединения становились организациями по защите и охране таких прав и свобод. Т.е. изначально формирующиеся структуры гражданского общества были нацелены на противодействие власти государства, соперничество с ним.

Сам термин «гражданское общество» и все, что с ним связано, появился как результат эволюции буржуазного государства. Этот феномен достаточно хорошо изучен как в западноевропейской литературе, так и в России. Более того, по мере распространения рыночных отношений в странах Азии, Африки, Латинской Америки элементы гражданского общества стали проявляться и в этих государствах, что не могло не привлечь внимания исследователей. Особый интерес к неправительственным объединениям граждан (НГО) заметен в последние годы. Причина тому — падение доверия к правящим элитам, практически повсеместный рост коррупции, как показал финансовый кризис, неспособность властей в должной мере сохранить параметры социальной справедливости.

Китай 30 лет назад пошел по неизведанному ранее пути сочетания рыночных отношений в экономике и сохранения однопартийной коммунистической монополии в политике. При этом поиски новых подходов строились не на пустом месте, а путем тщательного изучения современных зарубежных теорий и практических нарабо-

ток в области экономики, социологии, политологии, философии и т.д. Одним словом, шел ставший уже традиционным процесс «хуаси», позволявший Китаю не только сегодня, но и в прежние годы с разной долей успешности применять лучшие завоевания человечества в своих национальных интересах.

Тема гражданского общества, формирования активных и деятельных объединений граждан не могла не заинтересовать руководство страны. Однако практически с первых же шагов (прежде всего, путем создания соответствующей законодательной базы) власть ясно дала понять: никакого политического и идеологического плюрализма и либерализма она не допустит, обречены на провал попытки тех, кто вознамерится превратить нарождающиеся НГО в организации борьбы за права личности и т.д. Какие человеку нужны права, приоритеты в данном вопросе определяла и впредь будет определять КПК. Задача же гражданских объединений — помогать власти в решении тех проблем, которые она самостоятельно решить не может или считает это нецелесообразным по разным причинам.

Изменение классовой структуры китайского общества привело к появлению в обществе достаточно больших (в количественном отношении) социальных групп, страт, каждая из которых обладает своими специфическими интересами. Чтобы не создавать конфликтных ситуаций и избежать столкновений между ними, власть в рамках реализации единой национальной сверхзадачи намерена объединить НГО общими целями и задачами. Одновременно с этим Пекин все больше допускает некоторые «вольности» в работе отдельных организаций (особенно это касается тех, что расположены в Сянгане и Аомэне), идет на известные послабления в законодательной сфере. В целом можно сказать, что такая политика «выращивания» национальных НГО дает положительный результат. Многие неправительственные организации и их объединения оказывают реальную поддержку государству в решении социальных задач: помогают в области здравоохранения, образования, оказания и распределения социальной помощи, охраны окружающей среды, в обучении и переквалификации кадров, работе с молодежью.

Любопытным представляется сравнение процесса формирования гражданских объединений в Китае и России. Разновекторная политическая направленность руководящих элит двух стран дает совершенно разный практический эффект в данном вопросе. В РФ гражданские институты заняты (в большинстве своем) оппонированием власти, защитой прав личности и общечеловеческих ценностей, в чем их активно поддерживают зарубежные фонды и корпорации. В Китае

же НГО, как уже отмечалось, решают практические вопросы улучшения быта, социальной защищенности граждан, также используя при этом инвестиции зарубежных партнеров. В КНР, как подчеркивают руководители страны, НГО являются, помимо прочего, еще и школой воспитания кадров будущих управленцев государственного масштаба. Российские же правозащитники, если они не обслуживают интересы государства, как правило, так и остаются диссидентствующими одиночками.

Можно прийти к выводу: китайские руководители, понимая важность и неотвратимость роста самосознания граждан по мере улучшения качества жизни, стремятся не пустить этот процесс «на самотек», а дать ему четкую и ясную перспективу в рамках решения общенациональных задач. Такая политика способствует реализации нескольких целей:

1) снятие с государства части функций социального плана, снижение государственных расходов на эти цели;

2) помощь гражданам (наиболее активным и амбициозным) в самореализации. Помимо партийно-государственной карьеры появляется реальная перспектива так называемого параллельного роста.

3) с точки зрения социальной стабильности, это имеет огромное значение. Возможность человека повышать свой социальный статус, менять место в обществе «по вертикали» и «по горизонтали» резко сокращает вероятность социальных конфликтов. Как говорят китайцы, «проточная вода не гниет»;

4) гражданские объединения дают реальную возможность людям воспользоваться альтернативой государственной или предпринимательской деятельности. Участие в благотворительных акциях, рост числа волонтеров говорит о том, что даже в рыночных условиях не все хотят быть «коммерсантами» или чиновниками;

5) неправительственные организации Китая имеют обширные связи с аналогичными объединениями в зарубежных странах, поддерживают достаточно тесные связи с тайваньскими НГО. В ряде случаев они способны решать весьма деликатные политические задачи, не доступные официальным государственным структурам.

Нельзя недооценивать и роль нарождающегося гражданского общества в области политической реформы. Оно стимулирует и наращивает организационный фундамент социального самоуправления, способствует постепенному переходу власти от унитарного господства правительства к модели более плюралистического управления, наконец, «выращивает» основы гражданского самосознания в интересах политической системы демократии. Хотя, по признанию ки-

тайских специалистов в этой области, ряд структурных особенностей китайского гражданского общества предопределяют его слабость, нестабильность, институциональную неразвитость, незавершенность и пока еще весьма скромную роль в политическом развитии страны.

Лазарева Т.В.,
к. и. н., ИДВ РАН

НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ТИБЕТЕ (ПО БЕЛЫМ КНИГАМ)

Пресс-канцелярия Госсовета КНР за последние годы опубликовала восемь Белых книг о ситуации в Тибете, смысл которых сводится к тому, что центральное правительство Китая делало все для защиты интересов тибетского народа.

Среди многочисленных документов Белые книги имеют особый статус, так как выпускаются только по самым важным, насущным вопросам, а сам факт публикации их свидетельствует об окончательном определении линии китайского руководства по вопросам, которые в них поднимаются. Обнародование Белых книг о Тибете, как представляется, является своего рода ответом и отпором действиям далай-ламы, направленным на дестабилизацию обстановки в Тибетском автономном районе (ТАР), и разъяснением мировой общественности проводимой там национальной политики. Тематика Белых книг подобрана таким образом, чтобы с помощью многочисленных исторических фактов, документов показать несостоятельность утверждений сторонников далай-ламы. К числу подобных утверждений относятся: необоснованность провозглашения Тибета «независимым государством», формирование «эмигрантского правительства», клеветнические измышления, утверждающие, будто «Соглашение из 17 статей» было навязано Тибету силой, что «из-за миграции ханьцев тибетцы превратились в меньшинство среди населения Тибета», что «по отношению к тибетским женщинам проводится принудительное ограничение рождаемости», что попирается свобода вероисповедания, что традиционной тибетской культуре угрожает полное уничтожение, что экологии района нанесен серьезный ущерб и т.п.

В книгах делается вывод, что так называемый тибетский вопрос относится не к проблеме прав человека, не к этническим или религиозным воззрениям, а является исключительно к политическим, попыткой раскола Китая.

Основное, на что обращается внимание и что представляет доказательную базу достигнутого в ТАР прогресса — значительные достижения в политической, экономической и социальной областях. И это не популистские выдумки китайских политиков, а непреложный, юридический факт.

Белые книги о Тибете, такие, как «Национальная районная автономия в Тибете», «Новый прогресс в защите прав человека в Тибете» (1998), «Кому принадлежит суверенитет над Тибетом и как в Тибете обстоит дело с правами человека» (2002), «Экологическое строительство и охрана окружающей среды в Тибете», «Охрана и развитие тибетской культуры», «50-летие годовщины проведения демократических реформ в Тибете» (2009), на наш взгляд, наиболее полно характеризуют обстановку в автономном районе с момента его образования до настоящего времени и дают представление о произошедших там колоссальных изменениях.

Осуществление в районах компактного проживания неханьских национальностей системы национальной районной автономии является одной из важнейших особенностей политической системы Китая и одной из основополагающих политических установок китайского правительства, нацеленных на решение национальных проблем.

В Белых книгах приводятся документальные подтверждения того, что демократические реформы дали возможность тибетцам пользоваться правом участия на равных с гражданами других национальностей в управлении делами государства, правом на самоуправление делами своего района и своей нации. На основании закона все граждане Тибета, достигшие 18 лет, имеют избирательное право и право быть избранным — независимо от национальной и расовой принадлежности, пола, рода занятий, социального происхождения, вероисповедания, уровня образования и срока проживания в данном районе. Согласно Конституции КНР, в районах национальной автономии посты председателей (заместителей) Постоянных комитетов (ПК) СНП должны занимать граждане коренных национальностей, а посты председателей правительств автономного района, автономного округа, автономного уезда должны занимать граждане той национальности, от имени которой осуществляется национальная районная автономия. Кроме того, немало тибетцев избраны членами ВСНП, НПКСК, ВК НПКСК и других всекитайских органов власти.

Органы самоуправления ТАР проводят в жизнь государственные законы и политику, учитывают реальную обстановку. СНП Автономного района полномочны вырабатывать законоположения

автономного характера, базирующиеся на специфике политического, экономического и культурного состояния района.

Тибетцы обладают полным правом на самоуправление в области экономики и социального прогресса. За 40 лет проведения реформ и политики открытости было разработано 10 пятилетних планов социально-экономического развития. Эти планы исходя из обстановки в ТАР ставили целью добиться скачкообразного, перешагивающего через эпоху развития. Упор делался на улучшение районной инфраструктуры и повышение жизненного уровня населения. Для ускоренного развития тибетской экономики государство оказывало большую финансовую помощь Тибету, что привело к росту уровня благосостояния и темпов социального прогресса. Повысился средний уровень жизни. Абсолютное большинство тибетцев разрешило проблему пропитания, приобретения предметов первой необходимости и собственного жилья. По мере развития экономики заметно улучшилась жизнь тибетского народа. В 1997 г. среднедушевые доходы городского и поселкового населения, идущие на удовлетворение жизненных потребностей, составили 5130 юаней, чистые среднедушевые доходы крестьян и скотоводов — 1040 юаней. Уровень жизни современного Тибета «ярко контрастирует с трагедией старого Тибета, где повсюду царил нищета, отсталость...». В старом Тибете ходила пословица: «Крепостной может унести только собственную тень, может оставить после себя только след собственной ноги».

Учитывая отсталость Тибета от внутренних районов страны, государство на протяжении длительного периода в соответствии с Конституцией КНР и Законом о национальной районной автономии предоставляет ТАР особую помощь и поддержку в области финансов, кредита, налогов, материальных ресурсов, техническую и кадровую помощь. Центральным правительством были разработаны специальные льготные меры для ускоренного социального и экономического развития, среди которых, например, снижение ставки за кредит на 2% ниже существующей по стране, введение бесплатного лечения для тибетских крестьян и скотоводов, бесплатного питания и общежития для их детей в школах и др.

Большой скачок произошел в экономическом укладе, хозяйственной архитектонике, в валовых показателях экономики. ВВП ТАР в 1965 г. равнялся 327 млн юаней, а в 2003 г. уже составлял 18,459 млрд; в расчете на душу населения ВВП за это время возрос от 241 юаня в 1965 г. до 6874 юаня в 2003 г. Резко возрос в последние годы размер государственных вложений, по размеру госсубсидий в расчете на душу

населения ТАР лидирует в стране. По состоянию на 1991 г. валовая промышленная продукция составила 403 млн юаней, в 5,3 раза больше, чем в 1959 г. Благодаря этой помощи произошли немалые перемены в базовых отраслях и инфраструктуре района, которая прежде находилась в крайне отсталом состоянии. Высокими темпами идет строительство автомагистралей, железнодорожных и авиационных линий. Создана промышленность с 20 отраслями, такими, как строительная, легкая, текстильная, пищевая, национальных кустарных ремесел, имеющих тесную связь с производительной деятельностью и бытовой жизнью народных масс. Ускоренными темпами развиваются современная торговля, транспортные коммуникации, туризм, почтовая связь, общественное питание, информационная техника и другие отрасли. Сегодня уже заложена материальная база для сравнительно быстрого хозяйственного развития.

Заметно повысился образовательный и культурный уровень населения. Получила развитие система образования, которая в прошлом находилась в крайне отсталом состоянии. До проведения реформ и открытости менее 2% детей посещали школы, 95% молодежи и лиц среднего возраста были неграмотными. В настоящее время действуют 101 средняя школа, 820 начальных школ, 3033 учебных пункта. 83,4% детей школьного возраста ходят в школы, а доля неграмотных снизилась до 42% в 1999 г. Сегодня в Тибете в основных чертах сложилась система образования, охватывающая дошкольное воспитание, начальное, среднее, среднее профессиональное и техническое образование, высшее образование, образование для взрослых, телеуниверситеты и пр. Система построена с учетом национальной специфики района. Здесь действуют Тибетский университет, Институт национальностей, Аграрно-животноводческий институт и Институт тибетской медицины, 16 средних специальных и средних технических учебных заведений.

Широкий масштаб обрело изучение, использование и развитие тибетского языка и письменности, что является одним из важных аспектов защиты прав тибетцев. Принят ряд законодательных актов, согласно которым предусматривается равное, наряду с китайским языком, хождение тибетского языка на всей территории автономного района, причем главным провозглашен тибетский. В ТАР внедрена двуязычная система обучения, где также приоритетным является тибетский язык. Все официальные документы публикуются на китайском и тибетском, на тибетском языке ведется вся процессуальная документация, идет вещание на специальном канале радио, на телевидении.

В 1985 г. была создана Академия общественных наук Тибетского автономного района. Сегодня действует 17 научно-исследовательских учреждений, создаются новые. Активно ведется подготовка научных и кадровых работников. Развивается новое направление в науке — тибетология, охватывающая широкий круг дисциплин и затрагивающая все стороны жизни тибетцев: политику и экономику, историю, литературу и искусство, религию и философию, язык и письменность, географию, педагогику, а также археологию, этнографию, тибетскую медицину и фармакологию, астрономию и летоисчисление, экологию, проблемы продолжительного развития экономики, сельское хозяйство и скотоводство. В 1986 г. в Пекине был создан Китайский исследовательский центр тибетологии, в настоящее время работают более 50 учреждений по тибетологии в Тибете.

Значительные изменения наблюдаются в развитии системы здравоохранения. За период демократических реформ в автономном районе была создана широкая сеть медико-здравоохранительных учреждений, охватившая города и села. Развивается традиционная тибетская медицина и фармакология. Заметно улучшились условия медобслуживания. Очевидным фактом является повышение уровня здоровья, снижение смертности новорожденных и младенцев. Средняя продолжительность жизни тибетцев увеличилась с 36 до 67 лет.

Произошел заметный рост населения Тибета: в 1951 г. оно насчитывало 1,1409 млн человек, сегодня — 2,7017 млн; число тибетцев с 1,2087 млн в 1964 г. возросло до 2,5072 млн в 2003 г. В автономном районе 95% населения составляют тибетцы, на ханьцев и другие неханьские национальности приходится 5%. Меры по контролю за рождаемостью, распространенные во внутренних районах страны, не применяются к сельскому населению Тибета. Системой планирования рождаемости охвачено лишь 12% населения района.

Тибетцы на правовой основе пользуются свободой вероисповедания. Большинство тибетцев являются приверженцами ламаизма (тибетского буддизма). Как сообщалось в Белых книгах, сегодня в Тибете насчитывается около 1700 буддийских монастырей и других мест религиозных отправлений (46 тыс. монахов); 4 мусульманские мечети; более 3 тыс. приверженцев ислама; 1 католический собор, имеющий 700 прихожан.

Сохраняются традиционный образ жизни и обычаи тибетцев в одежде, питании, строительстве жилищ. За годы существования ТАР местное правительство Тибета разработало и обнародовало целый ряд уложений, касающихся охраны культурных памятников, в рес-

тавращию и ремонт которых было вложено более 300 млн юаней. Все памятники древней тибетской культуры охраняются государством. Дворец Потала, храм Джоканг и ряд других ламаистских монастырей занесены в список культурных памятников, подлежащих охране государства на уровне страны или автономного района.

Большое внимание уделяется охране окружающей среды. В 1975 г. были созданы Канцелярия и руководящая группа по охране окружающей среды ТАР, в 1983 г. — Департамент по делам городского и сельского строительства и охраны окружающей среды ТАР. Набирает темпы экологическое строительство: построены водохранилища, дамбы, ограничивается применение химических удобрений, ведутся работы по лесонасаждению, защите лесов от пожаров, охраняются редкие виды животных и растений и т.п. Как сообщалось, состояние среды ТАР благоприятное, атмосфера практически лишена загрязнений.

Рамки данного сообщения не позволяют привести статистические данные, которые бы подтвердили достоверность вышеприведенных фактов и опровергли досужие вымыслы сторонников далай-ламы. Можно полностью согласиться с выводами каждой из опубликованных Белых книг — сегодняшний Тибет стал местом экономического развития, социального прогресса, мирного труда и спокойной жизни населения. Тибет — прекрасный край живописных гор, чистых рек, многообразия животного мира и богатой флоры.

Внедрение в Тибете системы национальной районной автономии, как было заявлено в Белой книге «Осуществление национальной районной автономии в Тибете», — непреложный атрибут социального прогресса, необходимое требование сохранения единства и национальной сплоченности Китая, обеспечения равноправного развития и достижения совместного процветания всех национальностей. Система национальной районной автономии — основополагающая установка КПК в решении национального вопроса. Как отмечалось, заявление группировки далай-ламы о том, что национальная районная автономия «не имеет никакого реального содержания», выдвижение требования по примеру Сянган и Аомэня применить в Тибете модель «одно государство, два строя» и «высокую степень автономии», не взирая на факты и достижения, не имеют под собой почвы. В отличие от Сянган и Аомэня, Тибет являлся и является неотъемлемой частью территории Китая, здесь не стоит вопрос восстановления суверенитета Китая. В Белой книге заявлена позиция китайского руководства: «независимость Тибета — тема, не подлежащая обсуждению», Тибет является неотъемлемой частью Китая. «Центральное правительство,

— отмечается в книге, — со всей ясностью заявило: недопустимо отрицать суверенитет Китая над Тибетом, неприемлемыми являются как независимость, так и полунезависимость либо завуалированная независимость Тибета».

В Белых книгах «Кому принадлежит суверенитет над Тибетом и как в Тибете обстоит дело с правами человека» и «Новый прогресс в защите прав человека в Тибете» на основе многочисленных фактов всесторонне обоснованы исторические связи Тибета с Китаем, рассказано о прогрессе и успехах современного Тибета в области защиты прав человека. В них полностью развенчаны утверждения далай-ламы о том, что в Тибете нарушаются гражданские и политические права представителей неханьских национальностей. Многочисленные факты убедительно свидетельствуют, что в области прав человека в Тибете наблюдается непрерывный прогресс. Центральное правительство Китая и местные администрации Тибета приложили и прилагают огромные усилия для обеспечения и содействия развитию прав человека. Сегодня жители ТАР пользуются такими широкими правами, которые были просто немыслимы в старом Тибете. Еще одним вымыслом далай-ламы является утверждение о якобы крупномасштабном переселении ханьцев в Тибет, что также не имеет под собой оснований и опровергается статистическими данными, сведениями неоднократно проведенных переписей населения Китая. Повторим, что в настоящее время в Тибете 95% населения составляют тибетцы. Не имеют под собой почвы и заявления о «геноциде» тибетского народа: рост населения, о котором говорилось выше, свидетельствует о обратном.

Обвинения китайского правительства в «разрушении экологической среды в Тибете», «хищническом истреблении природных ресурсов Тибета», «лишении права тибетцев на существование» противоречат объективно существующим фактам развития экологического строительства и охраны окружающей среды в Тибете и также являются вымыслом. На фоне несомненного прогресса тибетской культуры явным диссонансом выглядят и неоднократные заявления о том, что «тибетской культуре грозит уничтожение». Вся история Тибета за 40 с лишним лет со времени демократических преобразований свидетельствует, подчеркнуто в Белых книгах, о том, что так называемая угроза уничтожения тибетской культуры на самом деле является ее истинным прогрессом.

В заключение необходимо отметить, что автор не идеализирует ситуацию в ТАР, где все еще достаточно много нерешенных проблем.

Это и значительное отставание Тибета в экономическом, историческом и культурном развитии, и наличие неблагоприятных географических и природных условий, и слабая образовательная база, большой процент неграмотных и полуграмотных и ряд других проблем. В этом плане китайскому правительству предстоит еще многое сделать. Тем не менее, сегодняшняя обстановка в Тибете существенно отличается от обстановки при старом режиме.

Ставров И.В.,

*к. и. н., Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, г. Владивосток*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНР В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КПК НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КНР НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

Последняя четверть XX в. стала для КНР важнейшим этапом в сфере национального строительства. Недооценка национального вопроса в годы «культурной революции» сделала потенциально возможным рост недовольства среди неханьских народностей, а также развитие этнического сепаратизма в стране. Поэтому на XII съезде КПК (1982 г.) — впервые в китайской истории — была дана оценка национальных проблем как стратегических, затрагивающих «судьбу всего государства».

Основными направлениями национальной политики стали развитие экономической базы национальных районов, повышение благосостояния неханьцев, совершенствование правовой системы, подъем уровня образования и культуры этнических меньшинств. Однако объем мероприятий в различных национальных районах не одинаков.

Северо-Восток Китая (СВК) представляет собой полиэтнический регион. На его территории проживают такие национальности, как корейцы, маньчжуры, сибо, эвенки, ороконы, хэцжэ, монголы и дагуры. Они образуют 13 районов национальной автономии окружного (1) и уездного (12) уровней, а также национальные волости. Доля неханьцев в общей численности населения трех провинций на 2000 г. такова: Ляонин 16,06 % (6718,33 тыс. человек), Цилинь 9,15 (2453,21 тыс.), Хэйлунцзян 4,89% (1772,41 тыс. человек).

В связи с тем, что национальные районы СВК подчинены провинциальным властям, они не являются объектами политики Центра

и, таким образом, комплекс мер в национальной сфере опосредуется политикой региональных администраций. В экономической сфере это выразилось в осуществлении серии хозяйственных реформ, таких, как введение семейного подряда на селе, развитие промышленности, расширение политики открытости.

Результатами экономических реформ стало оживление экономики. Так, в Яньбянь-Корейском автономном округе (ЯКАО) пров. Цзилинь стоимость валовой сельскохозяйственной продукции с 1978 по 1985 г. выросла почти в 2 раза, с 285,58 млн до 564,99 млн юаней. Валовая стоимость промышленного производства (1985—1992 гг.) возросла с 1850,93 млн до 6439,10 млн юаней (рост в 3,53 раза). В дальнейшем темпы развития промышленного производства замедлились, тем не менее, с 1992 по 2003 г. рост составил 1,93 раза (12591,68 млн юаней в 2003 г.). Однако темпы роста экономики автономии отстают от роста экономики провинции. Объем ВВП ЯКАО снизился в объеме ВВП пров. Цзилинь с 10,05 % в 1980 г. до 6,8 % в 2003 г. Аналогичная ситуация сложилась и в других провинциях. Такие явления в значительной степени вызваны географией национальных районов — они расположены во внутренних частях провинций. Несмотря на то, что ЯКАО граничит с Россией и КНДР, неразвитость экономических связей не позволяет экономике расти более высокими темпами.

Экономический рост в районах национальной автономии СВК стал важной предпосылкой развития социальной сферы региона. Уровень благосостояния населения за последние десятилетия возрос в несколько раз, сократилось число бедных семей. Увеличение доходов способствовало расширению потребления, что выразилось в повышении затрат на приобретение товаров длительного пользования, образование, медицинское обслуживание, рекреационные услуги и т.п. Значительно обновилась сеть медицинских учреждений. Все эти изменения свидетельствуют о реальном повышении качества жизни неханьских национальностей региона.

В ряду социальных преобразований стоит демографическая политика, направленная на ограничение рождаемости, в том числе и среди неханьских национальностей. Сократилась доля молодого населения до 15 лет и возросла численность пожилых людей среди всех этнических меньшинств региона. В Яньбяне в 2003 г. коэффициент воспроизводства сократился до $-0,58\%$, что стало результатом не только роста смертности и сокращения рождаемости, но и миграции населения.

Образование и культура — важные показатели социального развития. Определив просвещение как стратегическую задачу в модер-

низации КНР, китайские власти предприняли ряд мер по совершенствованию системы образования. В национальных районах стала действовать сеть школ всех ступеней, преподавание в которых велось на национальных языках. Государство предоставило льготы для поступления в вузы представителям неханьским национальностям, чтобы решить проблему нехватки управленческих кадров и других специалистов в районах национальной автономии. В 2003 г. в начальных и средних (включая средние специальные) школах национальных автономий СВК обучались 506 тыс. и 462,19 тыс. человек соответственно, а в вузах — 15,4 тыс. человек из числа неханьцев.

СВК в деле развития образования занимает лидирующие позиции в стране, что вызвано действием целого комплекса причин, главные из которых состоят в изначально высоком (к моменту образования КНР) уровне культуры неханьцев региона. Среди маньчжуров и сибиряков уровень образования выше среднего по стране, а корейцы — лидеры в данном отношении. В Дунбэе раньше, чем в остальных регионах КНР, вводилось 9-летнее обучение. Однако, несмотря на высокие результаты в реализации государственной образовательной политики в СВК, сохранились и определенные недостатки. Недостаточное внимание уделялось созданию национальных школ для малочисленных национальностей региона, таких, как орофоны, эвенки, хэцжэ, особенно для тех групп, которые проживали в отдаленных районах Дунбэя. Не до конца была решена проблема создания школ, которые не копируют бы систему преподавания в ханьских учебных заведениях, а отражали местные, специфические, особенности.

В вопросе культурного строительства в СВК также произошли значительные изменения. В национальных районах создана сеть учреждений культуры — театры, библиотеки, дома культуры, музеи и т.п. Налажен выпуск весьма разнообразной литературы на языках неханьских национальностей, способствующий повышению уровня образования и культуры среди этнических меньшинств. Тем не менее, до сих пор остается не решенной проблема создания письменности для малочисленных народов, что тормозит развитие национальной культуры. Большой вклад в поддержание традиционной культуры неханьских национальностей вносят различного рода смотры, конкурсы и фестивали. В настоящее время в этих мероприятиях участвуют представители народов, проживающих в России. К сожалению, все более усиливается коммерциализация традиционной культуры, что приводит к отрыву ее от народа, углубляются ассимиляционные процессы. В целом, политика в области образования и культуры способствовала

повышению уровня образования среди неханьцев, а также сохранению их традиционной культуры.

Национальная политика КПК является составным компонентом курса «реформ и открытости». Ее главная цель — возрастание «комплексной мощи государства», которое невозможно без подъема экономики национальных районов. Социально-экономические мероприятия правительства на национальных окраинах в 1980–1990-е годы привели к росту уровня жизни населения. В то же время в СВК проведение национальной политики КПК не сопровождалось, в отличие от западных районов страны, сепаратистскими выступлениями и ростом фундаменталистских проявлений. Это было связано, прежде всего, с такими обстоятельствами, как дисперсность проживания и отсутствие крупных компактных групп неханьцев, особенность их религиозных воззрений (в основном исповедуют шаманизм и буддизм).

Под реализацию национальной политики в СВК была подведена определенная законодательная база на общегосударственном и местном уровнях. В законодательных актах, принятых в национальных районах Дунбэя, закреплены положения, отражающие местные особенности, в частности, охрана лесных массивов и введение обязательного 9-летнего обучения (в ЯКАО), развитие рыболовства (в пров. Хэйлунцзян).

Комплекс мероприятий, проводимых руководством Китая в национальных районах СВК, находился в русле осуществляемого в стране курса на осуществление «четырёх модернизаций» и построение общества «среднего достатка». Несмотря на сохранение определенных проблем, необходимо признать, что в регионе значительно повысилось качество жизни неханьцев, прилагались усилия по сохранению культурного наследия малочисленных народов. Таким образом, мы считаем, что политика государства в отношении этнических меньшинств региона в целом является успешной.

**Сидорова А.В.,
ИДВ РАН**

К ВОПРОСУ О СРАВНЕНИИ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ И ГОРОДСКИХ КОМИТЕТОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ В КНР В ПЕРИОД РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ

1. Современные городские и сельские комитеты самоуправления ведут отсчет своей истории развития с одной точки — принятия Конституции 1982 г. И хотя первые начали создаваться с середины 1950-х годов (Положение об организации комитетов городского на-

селения, 1954 г.), однако хаотичность в квартальной работе, неразбериха в распределении обязанностей, а затем такие исторические события, как политика «большого скачка» и «культурная революция», привели к деформации городских органов самоуправления. Их деятельность сосредоточилась в области партийной борьбы, а репутация среди населения была подорвана. Конституция «вдохнула» в городские органы самоуправления принцип выборности. Сельские комитеты, в свою очередь, обязаны Конституции непосредственно своим образованием как «массовых организаций самоуправления»: стране была возвращена система волостей и поселков для управления на низовом уровне. Создание и распространение как городских, так и сельских комитетов происходило поэтапно, под постоянным контролем из Центра, который законодательно фиксировал положения относительно органов самоуправления, учитывая опыт предварительного проведения многолетних экспериментов и практик в различных провинциях КНР (например, уезды Ишань и Лоучэн пров. Гуанси, 1980—1981 гг.). Закон о комитетах сельских жителей был принят в 1987 г. (пересмотрен и дополнен в 1998 г.), двумя годами позже появился новый Закон КНР об организации комитетов городского населения (1989 г., вступил в действие с 1 января 1990 г.). С этого времени начинается стремительный рост числа как городских, так и сельских комитетов (так, к 2001 г. — 115 тыс. городских и 1 млн сельских организаций низового самоуправления).

2. Роль обоих видов комитетов сходна: это связующие звенья между государственными органами и населением. Цели создания городских и сельских комитетов также обнаруживают много общего: поддержание общественного порядка, решение споров и социальных проблем среди населения, управление внутридеревенскими/районными делами и т.д. Организации самоуправления призваны сгладить социальные противоречия и перенести остроту вопросов неравномерного развития с имиджа КПК на местные органы власти соответствующих уездов, волостей, городских районов. В комитетах как сельские, так и городские жители должны практиковать демократическое принятие решений, демократические методы управления. В более глобальном масштабе, «развитие самоуправления на низовом уровне тесно связано с концепцией урбанизации Китая, особенность которой состоит не в росте больших городов, а в развитии и создании новых малых, средних городов и поселков в сельской местности. Предполагается, что на основе существующей системы деревенского самоуправления могут создаваться самоуправляемые городские со-

общества. Комплекс, интегрирующий в себе торговлю, промышленность и сельское хозяйство, является новой организационной формой хозяйственной деятельности, которая на базе стабильного семейного подряда сможет объединить разрозненные мелкие производства десятков тысяч дворов (наследие, оставшееся после распада народных коммун, существовавших во времена правления Мао. — А.С.). В больших городах комитеты также помогают правительству осуществлять социальный контроль, в данном случае, над мобильным населением мегаполисов.

3. Несмотря на то, что городские и сельские комитеты являются отражением одной инициативы государства — развития низовой «коллективной демократии», за годы развития выявилось немало различий между ними. Так, сельские жители активнее принимают участие в низовом самоуправлении, чем горожане: явка на выборы, осведомленность о мероприятиях значительно выше. И причины не только в том, что стоимость передачи информации в деревнях дешевле, чем в городах, где жители не так тесно связаны друг с другом. Потребности сельских жителей приблизительно одинаковы, что рождает большую сплоченность в стремлении добиться поставленной цели через комитет самоуправления. Фактически, сельские комитеты реально представляют интересы своих членов и занимаются не только социальной, но и экономической деятельностью, тогда как городские комитеты зачастую даже не знают о нуждах населения вверенного им района (при том что основным результатом их работы должно стать эффективное и дешевое снабжение населения социальными услугами). Так происходит потому, что в городах жители связаны не только с деятельностью низовых организаций управления (в зависимости от ситуации они контактируют с полицейскими участками, с комитетами собственников жилья, административными службами и многими другими службами и организациями). Сельский комитет, напротив, является «монопольным» представителем своего населения. К тому же, в деревнях многие жизненно важные объекты (школы, дороги, системы ирригации и др.) по-прежнему находятся в коллективной собственности, а значит, крестьянин будет напрямую заинтересован в активном участии в делах комитета, ведающего управлением этих объектов. Другим важным отличием сельских и городских органов самоуправления является то, что последние широко пользуются финансированием государства, тогда как первые существуют в основном на средства населения. Это, в свою очередь, означает, что реально самоуправление городских комитетов оказывается ограниченным

указаниями сверху. Общая тенденция такова, что «отношения между государством и сельскими комитетами обнаруживают больше натянутости и даже конфликтности, тогда как отношения между государством и городскими комитетами более взаимодополняющие и партнерские». Что касается выборов председателя, его заместителей и членов, то и здесь наблюдаются отличия городских органов самоуправления от сельских: в городе складывается тип «представительской демократии», которая подразумевает преимущественно проведение не прямых выборов. Активное участие населения в комитетах сельских жителей, напротив, происходит при прямых выборах. Впрочем, государство и здесь может контролировать процесс выборов и влиять на него (обязательным остается руководство партии, предварительные консультации, возможность ограничения числа кандидатов и запрет на личное участие в предвыборной кампании). С точки зрения профессионализма кандидатов — обратная ситуация: старение кадров и их «низкий уровень» в городских комитетах привели к тому, что остро встал вопрос эффективности самоуправления. Большие мегаполисы, например Шанхай, начали практиковать возрастные и образовательные цензы, а сама работа в комитете стала профессиональной деятельностью с установленной зарплатой. Подчас кандидат может даже не быть жителем района, от которого баллотируется. В комитетах сельских жителей председатель — это, скорее, «заинтересованный любитель, а не рациональный профессионал», а должность его — «честь и обязанность, а не карьера». Работа здесь является практически полностью волонтерской, а главным вопросом становится усиление подотчетности, ответственности и ограничение негласного влияния фамилльных групп.

4. На примерах комитетов городских и сельских жителей отчетливо видны не только все достижения и проблемы в области построения низовой демократии, но и два различных пути, по которым может идти развитие «самоуправления, самовоспитания, самообслуживания». Можно констатировать, что этап первоначальной демократизации в КНР в рамках комитетов самоуправления активнее проходит в деревнях, однако это не означает простого «перенесения» опыта сельских районов на городские. В силах городских комитетов показать пример «представительской демократии», делегирования полномочий профессиональным работникам, а, возможно, даже найти иной, принципиально новый путь развития демократизации.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В КИТАЕ: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ИХ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Целью этой работы является анализ отношения рядовых китайцев к альтернативным способам взаимодействия с правительством в ситуациях, определяемых потребностью получить разрешение на предпринимательскую деятельность. Работа основана на подробном анализе данных общенационального исследования, проведенного в Китае, размещенных на интернет-сайте «Asia Barometer 2006». Был задан вопрос: каким способом лучше всего получить разрешение правительства, если чиновники затягивают процесс рассмотрения (какого-либо вопроса)? Были предложены следующие альтернативные варианты:

- попробовать использовать связи;
- пассивные ответы («ничто не поможет»);
- терпеливо ждать;
- написать письмо;
- проигнорировать необходимость получения разрешения;
- дать взятку чиновнику.

Способность использовать связи является ключевым элементом социального капитала индивидуума, где социальный капитал определяется как ресурс социальных сетей. Одна из задач данных тезисов — разработка нового понятия социального капитала в китайском контексте, отличном от западного контекста, где утверждается, что социальный капитал облегчает функционирование демократии. В работе испытывается многочленная логическая модель, в соответствии с которой признанный ответ индивида на государственное регулирование детерминирован следующими элементами:

- положение в социальной структуре;
- экономические ресурсы;
- отношения с высшими слоями общества;
- связи за рубежом;
- социальные ценности и идентичность (включая патриотизм);
- освещенность в СМИ;
- деятельность правительства;
- доверие к институтам;
- гражданская сила;
- политические ценности.

В заключение в работе предлагаются способы, с помощью которых общественная политика сможет усилить приверженность активных членов общества современным нормам, взаимодействовать с теми, кто выражает пассивное недовольство, препятствовать безнравственному и нецивилизованному поведению.

*Перевод с английского
Ж.А. Мясниковой.*

Трощинский П.В.,
к. ю. н., ИДВ РАН

БОРЬБА КИТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА С ОТМЫВАНИЕМ ДЕНЕГ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

По мере активизации с начала 1980-х годов темпов экономического развития китайского государства, возникновения новых форм экономических отношений внутри страны возникла необходимость в немедленном их регулировании на законодательном уровне со стороны соответствующих правотворческих органов. Последовавшее за тем бурное экономическое развитие Китая в свою очередь привело к возникновению новых, до того времени не известных, угроз и вызовов, также потребовавших выработки методов предупреждения их возникновения и борьбы с ними на уровне нормативно-правовых актов.

В этом ряду не стала исключением и необходимость в осуществлении борьбы с отмыванием (легализацией) незаконно полученных доходов в результате совершения различного рода преступлений в гражданской, финансовой, налоговой, экономической и других сферах деятельности отдельных организаций и частных лиц, служащих финансовых учреждений и банковских работников, высокопоставленных представителей органов государственной власти, которая по своему характеру является преступной и наносит значительный ущерб стабильному развитию государства и его национальной безопасности.

Вместе с этим активизация процесса вовлечения китайской экономики в общемировое экономическое пространство, расширение границ экономической деятельности субъектов китайской экономики, создание совместных предприятий с участием иностранного капитала, а также крупные инвестиции соотечественников-хуацяо из-за рубежа в китайскую экономику, участие китайского капитала в иностранных экономических проектах, тесная взаимосвязанность

китайского и зарубежного капитала—все это способствовало возникновению ранее не известной Китаю угрозы отмыwania денег не просто на внутрикитайском, а уже на международном уровне.

В связи с вышеизложенным руководство китайского государства по мере ускоренного экономического развития и появления новых видов преступной деятельности, в том числе с участием национальных и международных организованных преступных сообществ, столкнулось с необходимостью теоретической и практической выработки мер предупреждения и борьбы с отмыwанием незаконно полученных доходов, а также установления тесного международного сотрудничества с заинтересованными иностранными государствами на предмет осуществления эффективной борьбы в сфере их легализации.

Необходимо подчеркнуть, что еще до принятия основополагающих актов нормотворчества в рассматриваемой сфере, в китайской юридической науке стали появляться отдельные статьи и монографические исследования, посвященные борьбе в сфере отмыwania денег. В первую очередь стоит отметить некоторые статьи в китайских журналах, положившие начало проведению теоретических исследований в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. К ним следует отнести статью «*Xi qian*» («Отмыwание денег»), опубликованную во втором номере журнала «Проблемы подростковой преступности» за 1994 г., а также опубликованные в этот же год в девятом номере журнала «Юридическая наука» статью «*Xi qian de han yi*» («Суть отмыwania денег») и в третьем номере журнала «Китайская и зарубежная юридическая наука» статью «*Xi qian jieshu*» («Объяснение отмыwania денег»).

В последующие годы китайские ученые стали уделять более пристальное внимание изучению вопросов борьбы с отмыwанием денег как внутри Китая, так и проводить исследования зарубежного опыта в рассматриваемой области. Если, например, за 1995 г. в китайских юридических журналах было опубликовано всего лишь 5 статей по проблемам борьбы с легализацией преступных доходов, а в 1996 г. лишь 3, то, уже начиная с 1997 г., количество работ по рассматриваемой тематике стало неуклонно возрастать. Так, в 1997 г. вышло в свет более 20 публикаций, в 1998 г. около 40, а к настоящему времени статей в соответствующих юридических, экономических, политологических и иных журналах и газетах уже великое множество. Что касается монографических трудов, посвященных исследованию вопросов борьбы китайского государства в сфере отмыwania денег и анализа опыта иностранных государств, то в этот ряд можно поставить более десятка

исследований китайских юристов. Некоторые монографии можно купить даже в обычных книжных магазинах Шанхая и Пекина.

Кроме указанных выше источников, следует обратить особое внимание на ежегодно публикуемые Народным банком Китая доклады (отчеты) по вопросам борьбы китайского государства в сфере легализации преступных доходов, так называемые *Zhongguo fan xiqian baogao*, в которых достаточно полно приводятся различные статистические данные, количество нарушений и их раскрываемость, новое в законодательстве Китая, отчеты о работе Банка в рассматриваемой сфере и другая необходимая информация.

Что касается практического воплощения теоретических изысканий китайских юристов в сфере борьбы с отмыванием денег, то следует сказать, что по мере осознания высокой степени общественной опасности преступной деятельности по отмыванию денег, китайские законодатель и правоприменитель приступили к осуществлению теоретических исследований на практике. Однако завершенное законодательное оформление юридических мер борьбы с отмыванием не сразу получило свое логическое закрепление. Лишь к началу 2007 г. в Китае вступил в силу Закон КНР о противодействии отмыванию денег, русскоязычный перевод которого в скором времени появится в ИДВ РАН.

По мере все большей открытости Китая внешнему миру и выхода иностранных компаний и корпораций на китайский внутренний рынок участие китайского капитала в инвестиционных проектах за рубежом, усиливающееся тесное сотрудничество китайского и иностранного бизнеса, создание частных и государственных предприятий с долей зарубежного капитала и многие другие факторы стали благодатной почвой для совершения преступлений в сфере отмывания денежных средств, полученных противоправным путем. В полной мере осознавая необходимость в осуществлении сотрудничества с иностранными государствами на предмет успешного противодействия отмыванию денег, Китай приступил к активизации процесса по вступлению в известные международные организации, ведущие борьбу в этой сфере на межгосударственном уровне.

Следует сказать, что Китай одним из первых государств мира ратифицировал Конвенцию ООН от 1988 г. «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» («Венская конвенция»), которая является основополагающим документом для борьбы с отмыванием денег в области международного права. Кроме указанной Конвенции, китайское государство ратифицировало и многие другие международные договоры и конвенции,

которые в той или иной мере затрагивают вопросы борьбы в сфере легализации доходов, полученных преступным путем. В этом ряду не стали исключением и Конвенция ООН от 1999 г. «О борьбе с финансированием терроризма» (ратифицирована лишь 27 октября 2001 г.), Конвенция ООН от 2000 г. «Против транснациональной организованной преступности» (ратифицирована в декабре того же года), известная Конвенция ООН «Против коррупции», принятая Генеральной Ассамблеей в ноябре 2003 г., и другие международные документы.

К настоящему времени Китай является полноправным членом FATF (Financial Action Task Force on Money Laundering) (решение от 28 июня 2007 г.) и EAG (Eurasianpuorgon Combating Money and Financing of Terrorism) — Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (образована на учредительной конференции 6 октября 2004 г. в Москве и по существу является региональной структурой по типу FATF).

Вышеперечисленные теоретические исследования китайских юристов, принятые китайским нормотворцем нормативно-правовые акты, а также вступление в международные организации, деятельность которых направлена на борьбу с отмыванием денег, — свидетельство высокой степени внимания, которое уделяет руководство китайского государства рассматриваемой проблематике. В свою очередь, китайская правоприменительная практика также изобилует яркими примерами неотвратимости наказаний за совершенные в сфере отмывания преступных доходов преступления. Рассмотрение такого рода примеров весьма интересно для отечественной юридической науки и российского китаеведения.

Сухомлинов В. А.,
ИДВ РАН

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ И ЮРИДИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В КНР

Исторически сложилось, что наиболее эффективным инструментом защиты от произвола со стороны государственной машины является институт адвокатуры, корпорации профессиональных юристов, организационно не входящей в систему государственных органов и руководствующейся в процессе своей деятельности, в первую очередь, интересами доверителя (лица, интересы которого представляет адвокат), законом, здравым смыслом и корпоративной этикой. Расширение роли закона и функций адвокатуры привело в развитых

демократических странах к созданию системы защиты общественных отношений и личности от государственного произвола, от судебных ошибок. Эффективное функционирование современных национальных судебных систем без адвокатуры невозможно.

История Китая, подарившая миру таких великих мыслителей, как Конфуций и Лао-цзы, оказала основополагающее влияние на формирование судебной системы и институтов юридического представительства в императорском Китае. Рост влияния европейских государств привел к копированию основных институтов общества, в том числе и адвокатуры. Однако определяющую роль по-прежнему играла национальная специфика. После прихода к власти Гоминьдана институты судебного представительства были более подвержены влиянию западных идей, их роль возрастала.

В первые годы создания КНР уже существующий институт адвокатуры продолжал свое развитие, постепенно преобразуясь в институт «социалистической адвокатуры», поскольку заимствования из советской правовой системы носили массовый характер. Однако впоследствии, с началом кампании «большого скачка», роль адвокатуры, впрочем, как и роль судебной системы в целом, резко упала, поскольку ее функции были фактически переложены на партийно-административные органы. Наибольшего забвения адвокатура достигла в период «культурной революции».

Возрождение адвокатуры в КНР началось в результате реформ конца 1970-х годов. Необходимость увеличения роли товарно-денежных отношений требовала создания правовых систем гарантий, одной из которых и стал институт адвокатуры. «Временные положения КНР об адвокатах», принятые 26 августа 1980 г. на 15-й сессии ПК ВСНП 5-го созыва, стали нормативным воплощением потребности общества в таком общественном институте, как адвокатура. Дальнейшим шагом по совершенствованию правового регулирования института адвокатуры стал Закон КНР Об адвокатах и юридическом представительстве, принятый 15 мая 1996 г. на 19-й сессии ПК ВСНП 8-го созыва (вступил в силу 7 января 1997 г.). Закон регламентирует все вопросы адвокатской деятельности в КНР: определяет статус адвоката и требования к адвокату, вводит понятия адвокатского ценза и лицензии на право занятия адвокатской деятельностью, регламентирует права и обязанности адвоката. Также указанный закон детально определяет форму адвокатской деятельности — адвокатскую контору, регламентирует ее статус и функции, перечисляет виды: государственные, кооперативные и акционерные адвокатские конторы. Описывает при-

нципы организации объединений адвокатских образований — ассоциаций адвокатов.

Институт адвокатуры в КНР имеет специфические черты, в частности, подробное и многоуровневое нормативное регулирование оказания правовой помощи малоимущим слоям населения, институт военной адвокатуры.

Увеличение роли КНР в мировой экономической системе потребовало открытия внутреннего рынка юридических услуг для деятельности иностранных юридических компаний (их представительств и филиалов) на территории КНР. Данный процесс носил долговременный и последовательный характер. В мае 1992 г. Министерство юстиции и Государственное торгово-промышленное административное управление КНР совместно обнародовали «Временное положение о создании представительств зарубежных адвокатских контор на территории КНР». С того времени в стране начался эксперимент по созданию адвокатских представительств. В соответствии с обязательствами, взятыми Китаем при вступлении в ВТО, 1 января 2002 г. вступило в силу «Положение об управлении представительствами зарубежных адвокатских контор в Китае», согласно которому были сняты количественные и территориальные ограничения на создание таких представительств, к ним начал применяться такой же подход, как и к китайским. По состоянию на март 2004 г. 129 зарубежных и 39 гонконгских (сянганских) адвокатских контор открыли свои представительства во внутренних районах Китая. В мегаполисе Шанхай — крупнейшем в стране экономическом центре, в настоящее время действуют представительства 62 зарубежных и 10 гонконгских (сянганских) адвокатских контор. По этому показателю Шанхай занимает 1-е место в стране. В 2003 г. доходы от операций представительства одной зарубежной адвокатской конторы, которая по объему поступлений заняла 1-е место в Шанхае, достигли, по сообщению Синьхуа, 60 млн юаней. На востоке КНР усиливается роль адвокатских контор Тайваня, особенно в пров. Фуцзянь, где создается Центр обменов между берегами Тайваньского пролива в области юридических услуг в рамках плана содействия налаживанию соответствующих механизмов между материком и островом.

Пропорционально увеличению роли экономики Китая в мировой экономической системе идет рост числа иностранных юридических компаний (их представительств и филиалов), действующих на территории КНР.

Тесные торгово-экономические и культурные связи между РФ и КНР вызвали необходимость оказания квалифицированной юриди-

ческой помощи компаниям двух стран, а также большому количеству граждан РФ, находящихся (постоянно или временно) на территории Китая, и еще большому количеству граждан КНР, находящихся на территории России. Поскольку в обеих странах институт адвокатуры организационно отделен от государственных органов, развитие взаимоотношений адвокатских образований РФ и КНР носило неорганизованный, несколько хаотичный характер. Закономерно, что первыми к сотрудничеству пришли приграничные регионы. Примером удачного и взаимовыгодного сотрудничества на данном уровне может служить заключение соглашения о взаимном представлении интересов между Адвокатской палатой Приморского края и одной из крупнейших юридических компаний КНР «Хайтянь гаошань» (г. Харбин) в июне 2005 г. Примером межрегионального (и даже международного) сотрудничества адвокатских образований — проведение в марте 2006 г. Президиумом Международного союза (содружества) адвокатов совместно с Всекитайской ассоциацией адвокатов научно-практической конференции по вопросам организации и деятельности адвокатов Китая на о. Хайнань (КНР).

С каждым годом возрастает количество международных контактов между гражданами и компаниями КНР и РФ. Возникновение между ними различного рода правоотношений закономерно увеличивает спрос на квалифицированную юридическую помощь. Своевременное и качественное оказание такой юридической помощи — перспективный рынок юридических услуг. Национальная юридическая (адвокатская) компания в силу языкового барьера, отсутствия квалифицированных специалистов, а порой из-за тонкостей законодательства, не имеет возможности оказать всестороннюю помощь гражданам своей страны на территории соседней. Поэтому кооперирование адвокатских образований РФ и КНР на взаимовыгодных условиях создает возможность продуктивной и высокоэффективной юридической работы.

Грэтэр Р.,
профессор,
Университет Лунд, Швеция

60 ЛЕТ ОХРАНЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КИТАЕ

Рассматривается быстрый и впечатляющий прогресс интеграции Китая в международную систему прав интеллектуальной собственности. Можно сказать, что процессу подготовки Китая к вхождению в эту

международную систему положили начало «Временные положения о торговых марках», введенные в 1950 г. Однако в 1953—1957 гг. в Китае были обнародованы лишь 6 сертификатов на изобретения и 4 сертификата на патенты, а вопросы прав на интеллектуальную собственность редко стояли в повестке дня. Новое развитие началось с публикации «Экспериментальных положений об оплате опубликованных работ в области литературы и общественных наук» (1958 г.) и «Постановления относительно контроля над торговыми марками» (1963 г.). В 1978 г., после обнародования «Постановления о наградах за технические усовершенствования» и «Постановления о наградах за изобретения» и последовавшего за этим вступления Китая в 1980 г. во Всемирную организацию интеллектуальной собственности (WIPO), в Китае был сделан определенный шаг навстречу международному сообществу. В 1980-х годах Китай присоединился к Парижской конвенции о защите индустриальной собственности (1985 г.) и Мадридскому соглашению о международной регистрации торговых марок (1989 г.). Однако важнейшие инициативы относятся к 1990-м годам. Начиная с обнародования Закона об авторских правах в Китае китайские власти в ускоренном порядке ратифицировали «Бернскую конвенцию о защите литературных и художественных произведений» (1992 г.), «Договор о сотрудничестве по патентам» (1994 г.), а также «Страсбургское соглашение о международной патентной классификации».

В 2001 г. Китай вступил в ВТО и обязался ввести в действие положения, относящиеся к обмену интеллектуальной собственностью. Более того, Китай заключил соглашения со своими основными торговыми партнерами, такими, как Евросоюз и США, и вступил в диалог об интеллектуальной собственности с несколькими странами, в том числе с Японией и Францией. Недавно, после подписания в 2007 г. Меморандума о взаимопонимании по программам сотрудничества в порядке очередности в области развития науки и техники, был сделан шаг вперед в вопросе о заключении соглашения между Россией и Китаем о правах на интеллектуальную собственность.

Китайское правительство, как известно, достигло впечатляющего прогресса в своей политике в отношении участия в международном сообществе по вопросу о правах на интеллектуальную собственность, однако в самом Китае реализация прав на интеллектуальную собственность остается трудноразрешимой проблемой. В представленном сообщении прослеживаются политические инициативы, которые увенчались заметным развитием в Китае за последние 60 лет, а также вопрос, не кроются ли подспудные причины существования пробле-

мы нарушения прав на интеллектуальную собственность в темпах самого процесса интернационализации.

Перевод с английского
В.Н. Барышникова

Гордон А.В.,
д. и. н., ИНИОН

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В СЕЛЬСКОМ КИТАЕ

Мощный экономический подъем в конце XX — начале XXI в. глубоко повлиял на положение крестьянского большинства, найдя выражение в резком росте его социальной активности. Первым и наиболее впечатляющим сигналом мобилизации крестьянства явилась деколлективизация, которую исследователи характеризуют как крестьянское восстание против системы аграрного социализма в образе народных коммун. Поддержка со стороны реформаторского руководства КПК придала этому движению конструктивный характер; соединение импульсов снизу и сверху положило начало широкомасштабным преобразованиям, предопределив в известной мере их характер.

Основные достижения в аграрной сфере явились непосредственным следствием деколлективизации, в среднесрочной перспективе эффект оказался более скромным. Если в начале реформы доходы от сельского хозяйства росли на 10% в год, то с середины 1980-х годов — только на 2%, а в конце десятилетия последовала стагнация. В 1990-х годах при реализации курса на приоритеты экономического роста нарастало неравенство между аграрной «глубинкой» и прибрежными провинциями, положением в сельском хозяйстве и в быстро развивавшихся секторах экономики, в конечном счете — между городом и деревней.

Крестьянство болезненно реагировало на возникшие диспропорции. Следствие — мощный подъем социального протеста, очагами которого стали провинции Центрального Китая (Хэнань, Хунань, Аньхой, Цзянси, Сычуань). Волны выступлений образовали два пика: 1992—1993 и 1996—1998 гг. В 1993 г. было зафиксировано свыше 6 тыс. массовых акций, в 78 из которых приняли участие более 1000, а в 21 — более 5 тыс. человек. Пострадали 8200 человек, 385 погибли. За первую половину 1998 г. произошло 3200 акций протеста, из которых 420 включали столкновения с полицией. Пострадали 7400 человек, в том

числе более 1200 местных чиновников и полицейских. С 2003 г. начался новый подъем, причем центры протеста стали перемещаться в провинции Восточного Китая (Чжэцзян, Цзянсу, Гуандун, Шаньдун, Хэбэй). По официальным данным, численность участников социальных конфликтов в стране выросла за 1993—2003 гг. с 730 тыс. до 3,07 млн человек (около половины приходится на деревню).

Рост массовости (при всем несовершенстве подобной статистики) очевиден; но еще важнее и определенной качественная динамика. Для классификации сельского протеста западные синологи прибегают к модели Ч.Тилли, который разделил крестьянские требования на «конкурентные», «реактивные» и «проактивные». Первые отражают борьбу за ресурсы на локальном уровне: между семьями, кланами, деревнями. Она была распространена в традиционном Китае и возникла в 1960-х годах после организации народных коммун. Даже «культурной революции» не удалось покончить с «конкурентной» борьбой; напротив, те драматические события внесли в старые споры новые темы и озлобленность. Все это проявилось с началом деколлективизации, которая усилила значение семьи и кланов.

«Реактивные» требования отражают столкновение крестьян с властями в защиту нарушенного порядка. Наиболее внушительным примером этих выступлений оборонительного характера была борьба крестьян Центрального Китая против сверхобложения — налогов, сборов и штрафов, которые в изобилии и вопреки действующему законодательству устанавливали местные власти. Примером «проактивных», или «инновационных», требований могут служить борьба крестьян за демократические выборы местных органов и рост требовательности к их деятельности.

Качественная динамика сельского протеста прослеживается в перерастании «реактивных» требований в «проактивные». Это, по сути, новые требования, хотя новизна их нередко маскируется утверждением (и убеждением) крестьян в традиционном характере прав, признания которых они добиваются. Пафос этих требований: «Мы — граждане, предоставьте нам наши гражданские права». Крестьяне добиваются признания за ними политического, экономического и социального равенства, не желая оставаться «гражданами второго сорта».

В общем, подобная «проактивность» больше характерна для жителей богатых деревень более развитых районов Китая. Урбанизация и индустриализация породили здесь широкомасштабную реквизицию земли под «зоны развития». Всекитайское собрание народных представителей в марте 2004 г. подтвердило право государства на рек-

визицию земли с лишением крестьян прав пользования ею в обмен на компенсацию. Формально крестьяне имеют право бороться лишь против недостаточной компенсации, она действительно в десятки раз ниже рыночной цены (лишь 20—30% стоимости реквизированной земли получает деревня, из них 5—10% собственно крестьяне). Но недовольство крестьян вызывает само изъятие пахотной земли как важнейшего экономического ресурса. Обостряется извечная проблема выживания, и встает коренной вопрос о праве собственности на используемую землю. Затрагивая основы крестьянского бытия, земельные споры потенциально наиболее опасны и, по некоторым оценкам, уже «придают конфликтам в сельской местности более взрывной и насильственный характер, чем когда-либо» (Юй Цзяньжун).

Насильственность действий уравнивается их большей организованностью и сознательностью участников. Складывается устойчивая инфраструктура сельского протеста, и ее ядро составляют люди с политическим сознанием и опытом. К традиционным местным авторитетам присоединяются демобилизованные солдаты, отставные чиновники, бывшие деревенские кадры. Новых «протестных лидеров» характеризуют как «возмущенных, амбициозных, готовых к риску людей, чьи действия отражают возросшие ожидания крестьян и глубокую вовлеченность в официальный “дискурс о правах”» (О’Брайен).

В деревнях ценят своих лидеров и солидаризуются с ними в случае репрессий. В отличие от простых крестьян, они знают законы и распоряжения центральных властей, умеют формулировать крестьянские требования, чтобы те были убедительными и не расходились с установленным порядком. Они предпринимают искусные усилия для обхода существующих запретов, что требует четкой координации действий протестующих и хорошо налаженной связи. Заметно разделение пропагандистских, организационных и технических функций.

Эволюционирует и другая сторона. Следуя инструкциям Центра, местные власти ищут соглашения с недовольными. Когда выступление не удается предотвратить, их задача — не допустить больших жертв и огласки. Отсюда избирательная тактика: частичные уступки с изоляцией активистов. Если не проходит подкуп последних, для устрашения используются наемники, прибегающие к физическому насилию. Все шире применение юридических процедур.

Правовые нормы КНР жестко регламентируют проявления массового протеста. Петиции разрешены, но число петиционеров ограничено; демонстрации допускаются, но с официального (маловероятного) разрешения. В этих условиях сама логика протеста, эмоции

протестующих раскручивают механизм насильственных действий (петиция — демонстрация — осада административных зданий — столкновение с полицией), что дает возможность властям расширительно толковать протест как уголовное преступление.

Однако и крестьяне усвоили: «большие беспорядки ведут к большим решениям, маленькие — к маленьким, нет беспорядков — нет решения». Отличием нынешнего этапа становится непосредственный переход к демонстративным действиям — шествиям, сидячим манифестациям, блокированию движения, срыву строительства на реквизированной земле. Типичный случай — схватка с полицией, препятствующей этим действиям.

В целом, выступления крестьян, по оценкам специалистов, не угрожают существующему строю. Протестующие подчеркивают свою лояльность КПК и проявляют осмотрительность в своих действиях. Одновременно власти обнаруживают готовность идти навстречу их требованиям. Сложность в том, что последние затрагивают фундаментальные проблемы экономического роста и интересы влиятельных социальных групп. Вместе с тем руководство отчетливо понимает, что обеспечение потребностей сельского населения — ключ к сохранению стабильности и решению стратегических задач построения гармоничного общества.

Бирюлин Е.В.,
к. э. н., ИДВ РАН

СМЕНА ВЕХ В ПОЛИТИКЕ «УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» КИТАЯ

Особенностью современного этапа развития теоретической базы политики КНР в области охраны окружающей среды является принятие на государственном уровне в качестве ведущего лозунга основополагающей модели формирования курса и главного критерия его корректности концепции «устойчивого развития». Еще в июле 1996 г. на 4-й Всекитайской конференции по охране окружающей среды генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь потребовал относиться в ближайшей и дальней перспективе к стратегии «устойчивого развития» как к очень важной теоретической и практической проблеме и заявил о том, что стратегия «устойчивого развития» стала главным фактором осуществления социалистической модернизации.

Первоначальные идеи концепции формировались еще в конце 1960-х годов в среде малоквалифицированных сотрудников государс-

твенного аппарата ранее колониальных и зависимых стран и сводились к поискам дополнительных сфер финансовых претензий к бывшим метрополиям. В последующие годы они активно внедрялись в практический инструментарий соответствующих международных организаций и форумов, на которые стали возлагаться две разнородные и во многом взаимоисключающие задачи — охрана природы и ускоренный экономический рост.

Китай подошел к проблеме восприятия концепции «устойчивого развития» с сугубо прагматических позиций, увидев в ней удобный рычаг дополнительного давления на индустриально развитые страны и сделав определенным инструментом прикрытия собственных ошибок при разработке и проведении экологической политики. Премьер Госсовета КНР Ли Пэн заявил на конференции ООН по охране окружающей среды 1992 г. в Рио-де-Жанейро, что большая часть ответственности за экологические неурядицы лежит на экономически развитых странах.

В сентябре 1992 г. китайский вариант концепции «устойчивого развития» был утвержден ЦК КПК и Госсоветом КНР, при этом была зарезервирована возможность развития концепции в рамках соблюдения и укрепления национальных интересов Китая, повышения роли и веса КНР во всех международных экологических организациях, на международных переговорах и форумах по проблемам охраны окружающей среды.

Пересматривать, развивать и совершенствовать концепцию пришлось довольно скоро, а именно в период подготовки к 4-й конференции по охране окружающей среды 1996 г. Было выделено пять ведущих направлений нового комплексного экологического курса, включающих контроль за ростом населения и преодоление особо негативных тенденций в некоторых регионах. Затем возникла необходимость радикально улучшить соответствующую законодательную базу.

Важным поворотным моментом формирования политики «устойчивого развития» является организация в середине 1990-х годов так называемых экологических деревень, а также внедрение с помощью государства западной схемы «защитного земледелия», ранее считавшегося совершенно непригодным в конкретных условиях Китая.

В первые годы наступившего столетия формирование политики «устойчивого развития» характеризовалось высокой активностью, что было связано с рядом негативных факторов: неудовлетворительным состоянием среды обитания, невыполнением ряда важнейших наметок планов охраны окружающей среды, ростом энергодефици-

та, углублением водного кризиса, резким увеличением объема вредных газообразных выбросов, обострением земельных проблем и др. Возникла необходимость пересмотреть многие направления охраны окружающей среды и природных ресурсов, эффективнее поощрять наиболее чистые в экологическом отношении производства.

Эти задачи тщательно рассматривались в правительственных кругах, обсуждались компетентными органами и специалистами и составили основу Циркуляра об охране окружающей среды в период 10-й пятилетки, введенного в действие 28 марта 2002 г.

Казалось бы, реализацию концепции «устойчивого развития» удалось поставить на прочные рельсы, по крайней мере, до 2010 г., однако события на р. Сунгари в конце 2005 г. нанесли этим планам тяжелый удар. Стало ясно, что сложившаяся система управления охраной окружающей среды не может обеспечить гарантированное экологически благоприятное развитие, а насыщенная западными либеральными идеями экологическая схема несостоятельна. Руководители Всекитайской системы службы надзора над безопасностью на производстве дали твердое обещание сурово покарать всех тех, кто ответственен за произошедшее. На общегосударственном уровне было заявлено: «Все, кто пытался скрыть масштабы катастрофы, ответят по закону».

В 2007 г. правительство КНР разработало и практически применило ряд экстренных пробных мер по совершенствованию хозяйственного механизма системы охраны окружающей среды. Была опробована методика продажи прав на квоты выбросов загрязняющих веществ для промышленных предприятий и начисления коэффициентов платы за загрязнения, разрабатываемые Министерством финансов. Впервые принципы концепции «устойчивого развития» были напрямую заложены в задачи 11-й пятилетки.

Несколько ранее началась глубокая и долговременная переориентация концепции «устойчивого развития» на цели эффективного энергопользования и энергосбережения. В феврале 2005 г. был принят Закон о возобновимых источниках энергии, одной из главных целей которого является «осуществление на практике политики устойчивого экономического и социального развития».

Согласно документу, государство поощряет и поддерживает разнообразные схемы выработки электроэнергии на базе возобновимых источников энергии, особенно сетевые, создание неподключаемых к сети автономных энергетических систем, использующих возобновимые источники энергии и предназначенные для обеспечения местных энергетических потребностей в быту и для местного производс-

тва, а также поощряет организации и отдельных граждан, которые устанавливают и применяют солнечные водонагревающие устройства, использующие солнечную энергию тепловые и охлаждающие системы, системы электрических солнечных батарей и другие системы, использующие солнечную энергию.

В октябре 2007 г. был утвержден в новой редакции Закон о сбережении энергоресурсов — наиболее серьезный документ, активно переориентирующий практику «устойчивого развития» на новые задачи. Сбережение энергоресурсов названо основным направлением государственной политики Китая. Государство осуществляет мероприятия по сбережению энергоресурсов и одновременно развивает стратегическую линию на их освоение и первоочередное развитие. Государственный совет и местные народные правительства уездного уровня и выше обязаны включать мероприятия по энергосбережению в государственные планы экономического и социального развития, во все иные разрабатываемые и осуществляемые годовые и среднесрочные планы.

Новым направлением является активное внедрение практики концепции «рециркуляционной экономики» в политику «устойчивого развития». Идеи «рециркуляционной экономики» активно пропагандировались с середины 1990-х годов, но их реализация сдерживалась отсутствием необходимой законодательной базы. Первым шагом в этом направлении было принятие в июне 2002 г. Закона о содействии чистым производствам, одной из целей которого было обеспечение устойчивого развития экономики и общества. Согласно документу, при поддержке государства на всей территории Китая любые организации или отдельные граждане, занятые производством продукции или предоставлением услуг либо организацией менеджмента, должны организовывать и внедрять системы чистого производства.

Более радикальное решение проблемы было достигнуто принятием в 2009 г. Закона о содействии рециркуляционной экономике, целью которого названа практическая реализация устойчивого развития, для чего все народные правительства уездного уровня и выше должны создавать действенные механизмы содействия рециркуляционной экономике, в обязательном порядке обеспечивая их финансовой и инвестиционной базой.

Таким образом, в последнее время концепция «устойчивого развития» в Китае получила новое, более глубокое и конкретное содержание.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ: 60 ЛЕТ СПУСТЯ

Накануне своего 60-летия КНР переживает не лучшие времена. Невероятное количество проблем, обрушившихся на страну, буквально сошлось в одну точку. Стремительно нараставшие в последние несколько лет темпы прироста ВВП, грозящие экономике очередным тотальным «перегревом», достигли в 2007 г. своего очередного максимума — 13%. Следующий, 2008 год поистине стал для Китая годом испытания на прочность. Аномальные холода на юге страны и разрушительное землетрясение в пров. Сычуань открыли счет. Именно на 2008 г. пришлось перевыборы ВСНП и реструктуризация Госсовета. Пришли новые люди, у которых не было времени «для раскочки» и которые вынуждены были начать работу «с колес». Огромное напряжение сил потребовалось стране для проведения грандиозной Олимпиады. Заключительным мощным аккордом стал внешний фактор — мировой финансовый кризис, который не обошел стороной и Китай. Обострились старые (застарелые) проблемы, возникли новые, проявились и высветились слабые места. Это относится практически ко всем сферам жизни китайского общества, отраслям экономики. В весьма непростом положении оказалась и такая принципиально важная для Китая область, как природоохранная деятельность.

Природоохранная деятельность на протяжении 60 лет прошла трудный и мучительный путь в своем развитии. Здесь были и подъемы, и спады. В целом же, и особенно в последние годы, руководство страны пришло к твердому убеждению, что экологическая проблема является одной из центральных проблем и она должна органично войти в социально-экономическую стратегию Китая. Был предпринят целый ряд серьезных мер в этой области, развернута масса экологических программ, поставлены конкретные цели и задачи. Достаточно сказать, что в число немногих обязательных для выполнения показателей на 11-ю пятилетку (2006–2010 гг.) вошли такие, как снижение на 20% энергоемкости ВВП (а это сокращение выбросов CO_2 — главного компонента парниковых газов) и на 10% двух основных, особенно характерных и важных для Китая, видов загрязнений — двуокиси серы и водного загрязнения (показатель COD). Наконец, в 2008 г. было образовано полноценное Министерство по охране окружающей среды.

Китай вступил в непростой для страны период проведения антикризисной политики. Какое место в ней займет экологическая состав-

ляющая и как будет складываться экономическая ситуация? Если судить по заявлениям китайского руководства, то в стране будут предпринимать все возможное для проведения энергосбережения и сокращения выбросов, и эта позиция «непоколебима». И, в принципе, оснований для того, чтобы сомневаться в этом, нет. Однако если обратиться к цифрам, то можно увидеть следующее. Наиболее заметным шагом китайского руководства стало выделение 4 трлн юаней для расширения внутреннего спроса и стимулирования устойчивого развития экономики. В основном эти средства будут направлены на капитальное строительство в наиболее важные сегменты народного хозяйства. Из них только 210 млрд юаней, или 5,25% от общей суммы, будут направлены на энергосбережение, сокращение выбросов и экологические проекты. Для сравнения: на нужды восстановления после стихийных бедствий выделено средств почти в 5 раз больше — 1 трлн юаней. Упор на инвестиции, ставка на капитальное строительство предъявляют дополнительные требования к проведению энергосбережения и сокращению выбросов. Достаточно сказать, что строительная отрасль в Китае расходует 27,5% всей энергии, потребляемой в стране. А выполнение показателей 11-й пятилетки и без того идет с большим напряжением. За 3 года энергоемкость ВВП была снижена лишь на 10,08%, а за I квартал 2009 г. — на 2,89%. Тогда как инвестиции увеличились на 28,8%. Лучше обстоят дела с SO_2 — 8,95%. Что же касается загрязнения водной среды, то показатель COD (загрязнения водной среды) за 3 года сократился на 6,61%. Это данные за первые 3 года пятилетки.

Принципиальные изменения в экологическую политику в Китае не вносятся, но целый ряд проблем, и весьма непростых, решать приходится. Министерство охраны окружающей среды беспокоит, насколько эффективно оно сможет контролировать нарастающий вал капитального строительства. Не исключено, что четкая установка по сути дела сохранить достаточно высокие темпы роста (8% ВВП) осложнит работу экологического ведомства. Высокие темпы роста ВВП вкупе с экстенсивной моделью развития — одна из основных причин неблагоприятной экологической ситуации в стране. Вполне вероятно, что на местах не преминут воспользоваться этой установкой на сохранение высоких темпов для того, чтобы «избавиться» от дорогостоящей охраны окружающей среды. Местные власти постоянно демонстрируют свое пренебрежение к этим вопросам. Теперь у них появится дополнительный «повод».

С местными управлениями связана и другая, обострившаяся особенно в последнее время, проблема — статистическая экологи-

ческая отчетность. На местах нередки случаи ее фальсификации. Обеспокоенность по этому поводу постоянно высказывается на страницах китайской печати. Между тем недобросовестная статистика ведет к тому, что искажается общая картина состояния окружающей среды, не говоря уже о том, что надежная статистика — первое условие для принятия эффективных мер и результативной политики. В связи с этим красноречиво звучит высказывание Чжао Хуалиня, главы статистического управления Министерства охраны окружающей среды, на страницах популярной в Китае молодежной газеты: «Статистика не может больше быть единственным показателем для оценки работы по охране окружающей среды местными властями. Голубое небо не лжет, и поэтому люди сами могут оценить, улучшается ли состояние окружающей среды или нет».

Государство в принципе адекватно реагирует на подобную ситуацию. Так, в мае 2009 г. ГСУ КНР опубликовало «Положение о взысканиях по отношению к нарушителям правил статистической работы». Реагирует на эту ситуацию и общество. Например, по данным доклада «Индекс удовлетворенности населения состоянием окружающей среды — 2008», опубликованным в середине января 2009 г., 76,4% граждан считают, что экологическая ситуация в стране «очень серьезная» или «серьезная». В 2007 г. недовольных состоянием окружающей среды в Китае было на 10% меньше.

Разрешение экологических проблем всегда, на протяжении всего периода существования КНР, давалось стране непросто. Непросто складывается ситуация и сегодня. Однако есть основания надеяться, что основы конструктивной экологической политики, заложенные в Китае в последнее десятилетие, останутся незыблемыми даже под натиском мирового финансового кризиса и позволят, в конечном счете, не допустить ухудшения экологической ситуации.

Переверзев Е. В.,
к. филос. н.,
Белгородский
государственный университет

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ В КИТАЕ

Начало политики открытости стало причиной крушения «великой китайской стены» культурной изоляции. На смену ей в страну хлынули иностранные концепции, технологии, а также мода, стили, образ

мышления. Современные культурные процессы в Китае могут быть охарактеризованы в терминах сопротивления глобализационным, в большинстве случаев неолиберальным и постколониальным, культурным течениям. Современное поколение китайцев активно усваивает иностранные ценности, концепты, стили жизни, что вызывает серьезную озабоченность со стороны китайских властей и общественности. Озабоченность эта подогревается широко разделяемыми нарративами об утрате национальной идентичности под давлением не только западных, но и восточных (Япония, Корея) культур. Китайские власти предпринимают активные действия протекционистского характера, а также создают условия, при которых Китай сам активно продвигает элементы своей культуры за рубеж. При этом в настоящее время в Китае широко обсуждается необходимость глубокого теоретического осмысления проблем культурного сопротивления в условиях глобализации на основе междисциплинарных подходов. Очевидно, что взаимодействие между китайской национальной культурой и иностранными культурами представляет собой комплексный многоуровневый процесс, при котором некоторые элементы агрессивно внедряются в китайское культурное пространство, некоторые постепенно адаптируются китайской культурой, некоторые стабильно сохраняют свой прежний статус, а некоторые исчезают.

Под культурным сопротивлением мы понимаем эксплицитные и имплицитные стратегии дискурсной защиты и нападения, направленные на сохранение национальной китайской культуры в ее нынешнем виде. В нашем исследовании феномена культурного сопротивления мы предпочитаем рассматривать иностранное культурное влияние не только как негативный процесс «культурной колонизации», но и как позитивный процесс культурной интернационализации современного Китая.

Важнейшую роль в процессах культурного сопротивления в Китае играют китайские СМИ, которые парадоксальным образом не только служат основным проводником иностранного культурного влияния, но и являются тем самым полем, где культурное сопротивление впервые явило себя как социальный и культурный феномен. В целях развития прикладных научных методов оценки влияния иностранных дискурсов на определенные аспекты национальных культур мы предприняли исследование процессов культурного сопротивления в китайских СМИ. К настоящему времени была разработана методика, основанная на принципе междисциплинарного параметрального моделирования институциональных дискурсов. Предлагается исследовать культурное сопротивление как дискурс в системе исторических и

социокультурных детерминант. Мы предлагаем рассмотреть данный дискурс в системе динамичных параметров, каждый из которых приобретает то или иное значение в зависимости от характера социокультурных детерминант.

Параметры дискурса культурного сопротивления включают:

1. Объекты дискурса (социальные, психические, физические, виртуальные воображаемые объекты).
2. Цели дискурса (объяснение, описание, нормализация, технологизация, принуждение и т.д.).
3. Язык, средства репрезентации и речевые акты дискурса
4. Когнитивные структуры и процессы дискурса (репрезентации, конвенции, категоризации, генерализации, а также эффекты: стереотипы, концепты, понятия, мифологемы и т.д.).
5. Тексты дискурса (нарративы, ссылки, цитаты, описания и т.д.).
6. Контексты дискурса (экзистенциальные, ситуативные, языковые и т.д.).
7. Коммуникация в дискурсе (массовая, интерперсональная, межгрупповая, внутригрупповая, а также официальная, неофициальная, формальная и неформальная).

Предполагается, что важнейшим практическим результатом исследования будет получение научной картины культурного сопротивления в китайских СМИ. При этом мы сможем сказать, какие дискурсы социального поля в СМИ имеют экспансивный характер, какие адаптируются и гармонично внедряются в современную культуру Китая, какие сохраняют относительную стабильность, а какие исчезают. Среди академических результатов исследования важнейшими мы полагаем развитие интегративных исследований в междисциплинарном академическом поле, апробирование междисциплинарной дискурсной методологии, объединение современных дискурсных теорий с культурологическими и антропологическими теориями, направленными на изучение культурных объектов (ценностей, традиций, концептов, поведенческих моделей, мифов и архетипов).

Список литературы

1. Кожемякин Е.А., Переверзев Е.В. Межинституциональные связи политического дискурса // Вестник Поморского университета. 2007. № 6. С. 59–65.
2. Кожемякин Е.А., Переверзев Е.В. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 74–80.
3. Переверзев Е.В. Коммуникативно-языковая специфика китайского политического дискурса на материале Интернет//Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. Белгород, 2007. № 9(40). Вып. 2. С. 271–276.

4. *Blommaert J.* Book review: Norman Fairclough, Language and globalization. // Discourse and Society. Vol. 19(2). Sage Publications. London, 2008. P. 257.
5. *Friedman T.L.* The world is flat. The Globalized World in the Twenty-First Century. Penguin Books. New Dely, 2006.
6. *Fairclough N.* Language and globalization. NY: Routledge, 2006.
7. *Shi-Xu.* Discourse as cultural struggle. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2007.
8. *Wodak R., de Cillia R., Reisigl M.* The discursive construction of national identity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.
9. *Wodak, R.* Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA// Discourse and society. 2006. N 8. P.181.

Ломанов А.В.,
д. и. н., ИДВ РАН

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КНР

За годы реформ в КНР были достигнуты значительные успехи в изучении современной зарубежной философии и истории китайской философии, в поиске путей обновления сложившейся системы марксистской философии. Вместе с тем углубление специализации и профессионализации философских исследований лишили эту отрасль знаний былой общедоступной массовости, которую старались придать философии в первые десятилетия после образования КНР.

Формирование нового понимания философии началось в КНР в 1980-е годы с обсуждения проблем человека и гуманизма. Развернулось обсуждение проблемы соотношения природных, социальных и классовых элементов человеческой природы, исследователи пытались осмыслить универсальные характеристики человека, не ограниченные историческими и классовыми рамками. В центре дискуссии была тема гуманизма, понимаемого как уважение достоинства человека, его прав и свобод, ценности личности. Была поднята тема отчуждения в марксизме, возник вопрос о возможности отчуждения личности в социалистическом обществе после уничтожения частной собственности.

В середине 1980-х заметно возрос интерес к традиционной культуре и ее сопоставлению с западной культурой. Вначале доминировала западническая критика китайской культуры, интеллектуалы полагали, что традиционное стремление к стабильности ведет Китая к изоляции от новых идей, препятствует творческим поискам. Но во второй половине 1980-х годов обсуждение соотношения традиционных ценностей и современности повернулось к позитивной оценке роли конфуцианства и национальной культуры в целом, эта тенденция и

поныне определяет главное направление дискуссий в области изучения китайской философии. Основным в развитии китайской мысли стало стремление творчески соединить традиции Китая и Запада. На этом фоне сформировались консервативные течения возрождения конфуцианства и китайской культуры, подчеркивающие всеобщее значение китайской традиции и ее превосходство над западной культурой в решении глобальных проблем. Новой исследовательской темой стало изучение творческого наследия представителей современного конфуцианства XX в., особый интерес вызывал их опыт осмысления места китайской традиции в современном мире.

В 1990-е годы стремление к всестороннему постижению традиции, унаследованию классики и воспроизводству практических навыков в традиционной медицине, живописи и других отраслях оформилось в волну увлечения «национальным учением» (*госюэ*). В начале XXI в. интерес к *госюэ* был мотивирован стремлением воссоздать индивидуальность и целостность китайской академической традиции, преодолеть ограниченность пришедшего с Запада дисциплинарного деления общественных наук. Предпринятые сторонниками *госюэ* попытки поставить под сомнение западную методологию привели к дискуссии о «легитимности» китайской философии. Поскольку представления о философии пришли в Китай с Запада, участники обсуждения задались вопросом о том, является ли использование иностранных критериев для структурирования китайского культурного материала признаком подчиненного статуса национального наследия. Спор о допустимости «объяснения китайского при помощи западного» привел к попыткам заново осмыслить истоки формирования представлений об истории китайской философии, проследить исторический процесс конструирования «китайской философии» с помощью западных концепций и методов мыслителями XX в.

Открытость Китая культурным воздействиям извне создала условия для освоения современной западной философии. На начальном этапе реформ и открытости был всплеск интереса к экзистенциализму и философии жизни, молодые интеллектуалы увлеклись произведениями Ж.П.Сартра и Ф.Ницше, психоанализом З.Фрейда. В 1980-е годы в изучении зарубежной философии сформировались устойчивые направления, развитие которых продолжается в наши дни. Прежде всего это исследования зарубежного марксизма, обращение к которому было обусловлено поиском теоретических ресурсов для обновления китайского марксизма. Творчество Д.Лукача, А.Грамши, представителей франкфуртской школы М.Хоркхаймера и Т.Адорно

стало одним из теоретических источников в дискуссии о гуманизме и отчуждении в марксизме. С изучением зарубежного марксизма китайские ученые связывают появление в КНР концепции «субъектности» человека и широкое распространение идеи реконструкции марксистской философии в направлении «практического материализма».

Западный марксизм стал неотъемлемой частью современных научных обсуждений перспектив обновления философии китайского марксизма. Интерес со стороны исследователей обусловлен восприятием этого течения в качестве опыта соединения марксизма с конкретными реалиями западного общества. Появление в Китае проблем, свойственных для обществ с развитой рыночной экономикой (потребительство, диктат коммерческой рекламы, дегуманизация личности, негативные последствия научно-технического прогресса), дает возможность заимствования части разработок зарубежных марксистов. Однако при этом возникает трудный вопрос о совместимости новых заимствований с теоретическими устоями официальной системы марксизма. Многие китайские исследователи заинтересовались западной критикой идеологии Просвещения, прежде всего тезиса о всемогуществе человеческой рациональности. Проявившееся в начале 1980-х годов стремление освободиться от «догматизма» советской системы марксистской философии, о чем китайские ученые нередко заявляют и в наши дни, привело к односторонней опоре на западные теоретические ресурсы.

Многие китайские исследователи указывают, что широкое увлечение западным марксизмом и изучением идей его отдельных представителей пока еще не проложило путь для соединения иностранных концепций с китайскими реалиями. С одной стороны, «истолкование Маркса с помощью Запада» оценивает марксистскую философию с позиций мировой истории, развитие марксистской философской теории выступает как отражение развития мировой исторической практики. Сторонники этой позиции призывают к активизации диалога с западным марксизмом и созданию общей с ним теоретической платформы. С другой стороны, сторонники «истолкования Маркса с помощью Китая» подчеркивают национальную специфическую основу китаизированного марксизма и призывают исходить из приоритета практики развития китайского общества.

В 1980-е годы в КНР была поставлена задача обновления марксизма и реформирования системы марксистской философии. Недовольство прежним жестким разделением на диалектический и исторический материализм обусловило стремление к воссоединению

марксистской философии. Более двух десятилетий в КНР продолжается обсуждение темы практического материализма в изначальном понимании Маркса и его связи с материалистическим взглядом на историю: одни ученые полагают, что марксизм можно считать практическим материализмом, другие считают, что это исторический материализм. При знакомстве с современной научной периодикой КНР заметна тенденция к текстологическому анализу работ Маркса на языке оригинала, нацеленному на выявление скрытых значений, исчезающих в китайском переводе. Однако часть китайских исследователей полагает, что «академизация» исследований принесла негативный результат, ослабив практическую ценность марксистской философии, они предлагают переломить эту тенденцию и «вернуться к реальности».

Одним из факторов обновления философских исследований в КНР стала работа по переводу и изучению произведений западных мыслителей. Во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов в центре внимания находились англо-американская аналитическая философия, философия языка, феноменология и герменевтика. Позднее к ним добавились проблемы постмодернизма и феминизма, ученые также обратились к переосмыслению опыта развития советской философии. Обновление и усложнение терминологии, расширение тематического поля исследований стали показателями профессионализации современной китайской философии, ее сближения с мировой философской мыслью.

Кожин П.М.,
д. и. н., ИДВ РАН

«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Перемены, произошедшие после Первой мировой войны в социально-политической жизни населения планеты, оказались необычайно значительны. Двадцатый век в целом, — это время непрерывных изменений баланса сил между государствами, их объединениями, союзами и коалициями, мощных перемен в структуре международных отношений и других глобальных новаций (широчайший процесс замены монархических форм государственного управления республиканскими, распад колониальной системы и борьба за реализацию «прав человека» [особо выделять этот термин приходится из-за того многообразного содержания, которое вкладывают в него представители различных политических и социально-религиозных учений, движений и сил] и т.д.). Эти и многие другие процессы и события (войны,

революции, изменения социокультурных и политических ориентаций) определяли макроуровень международной жизни, а через него и формирование новых видов внутривнутриполитических отношений в отдельных странах мира, возникновение мировоззренческих новаций, специфических конкретных проявлений политической и социальной активности населения и элиты, что на микроуровне (личность, семья, малая группа и т.д.) порождало огромный спектр противоречивых оценок, подходов, устремлений, которые в основном переставали направляться, формироваться и корректироваться в едином ключе социально-политической образовательной и воспитательной системой соответствующих стран. Активизация различных форм культурного, религиозного, политического и социального плюрализма и релятивизма в пределах традиционных и новых государственных образований вела к размытию в сознании значительных слоев населения стойких стереотипов мышления, мировоззрения, мировосприятия, привитых в основном традиционными формами региональной, локальной, национальной культуры.

Вследствие этого «человеческий фактор»¹, т.е. индивидуальные и семейно-групповые устремления и ограничения в понимании и осмыслении жизненных, экономических, политических и бытовых коллизий в пределах страны и, тем более, мира, может активно вступать в противоречие и оказывать противодействие всем формам государственной и социальной политики, не рассчитанной на сиюминутный, не вызывающий сомнений положительный эффект, выражающийся в непосредственном подъеме массового благосостояния. Естественно, ухудшение финансовой, экономической и политической конъюнктуры, связанное с расширением сферы действия и усилением давления мирового кризиса на состояние хозяйственной жизни регионов и государств мира, повышает негативную значимость «человеческого фактора» в жизни общества.

Нарастающие в общественной жизни противоречия, начиная с 1960-х годов, стали получать все большую поддержку, оправдание, сочувствие в общественном мнении весьма широких кругов политических деятелей, общественности и неправительственных общественных организаций (переизбыток и засилье последних мир стал ощущать в самом конце предыдущего тысячелетия, когда после «развенчания коммунистических доктрин» очень многие «борцы с коммунизмом, социализмом, диктаторскими режимами, тоталитаризмом» и другими «видами зла», угрожающими американской модели «демократии», лишились четких, к тому же хорошо оплачиваемых, целей пропаган-

ды и агитации). Финансовый кризис, перерастающий в хозяйственно-экономический, способствует нарастанию внутренних и внешних противоречий в общественной и политической жизни большинства стран мира, чему способствует также все большее расхождение интересов правящих элит глобалистско-транснациональной ориентации и массовых общественных структур национальных государств, тяготеющих к национальной самобытности и самостоятельности (или хотя бы испытывающих ностальгию по отношению к этим государственно-национальным и этнокультурным ценностям, как это проявляется в странах Евросоюза). Однако именно этот последний диссонанс общественного бытия наших дней в наименьшей степени затронул Китай, где равноценное негативное действие оказывают противоречия, вызываемые конфликтами поколений, регионов, жителей города и деревни, зарубежных этнических китайцев и различных групп населения КНР.

Острота противоречий между поколениями вызвана значительными различиями общественно-политического опыта у каждого из них, что связано с огромными изменениями в идеологии, государственной и партийной политике на протяжении существования КНР. Достаточно напомнить о неоднократных переменах Конституции страны с 1953 по 1982 г. (в последнюю Конституцию за последнюю четверть века также внесено много существенных поправок). Особенно большое воздействие в отношении формирования специфических форм мировоззрения у молодежи разных возрастных когорт, достигших зрелости за 60 лет существования КНР, оказали неоднократные радикальные перемены политического курса страны, отражавшиеся на изменениях ее внутривнутриполитической жизни и международных отношений (крупных политико-идеологических переломов за этот период произошло не менее шести).

Однако с началом реформ в 1978 г. начинает формироваться еще одна новация в группировке населения в пределах возрастных когорт, так как вместо деления на три основные группы (классы, прослойки) — рабочий класс, крестьянство, трудовая интеллигенция — появляется возможность (а потом и необходимость) более дробной социально-политической стратификации. Различные виды таких стратификаций и происходивших в них изменений (особенно интенсивных в период после вторжения рынка во все сферы экономики) неоднократно уже были представлены в общественно-политической и научной печати. Однако здесь хочется напомнить лишь некоторые принципы выделения социальных, экономических и духовных группировок, не всегда

детерминированных в статистических справочниках. Так, в зависимости от выбора точек отсчета начала популяционных когорт и происходивших в пределах каждого десятилетия крупных политико-экономических изменений, обусловленных самим ходом, вехами и векторами реформ, некоторые когорты обретают далеко не однородный опыт, препятствующий их внутренней духовной (еще сложнее вопрос с идеологической) консолидации (даже в относительно спокойные периоды развития в XX в., когда определяющими гранями когорт становились моменты проведения переписей, в начальные и конечные годы духовная неоднородность резко возрастала).

Далеко не четко сложилось представление о роли демографической политики в формировании когортной духовности. Искажают представление о духовно-идеологической жизни и специфике стран любого региона мира, а тем более развивающихся стран, из числа которых по ряду параметров еще не вышел Китай, несмотря на его передовые позиции в мировой экономике (этот вопрос о статусе Китая, внутреннем и внешнем, становится предметом широчайших дебатов, но однозначного разрешения он не получил), так называемые «опросы общественного мнения» из-за случайного, чуть ли не эвристического подбора вопросов для них. К тому же негативное воздействие на осмысленность процедуры оказывают обычно очень узкий круг опрашиваемых и само по себе формирование вопросника малой группой специалистов. Не говорю здесь еще и об особой роли социального и политического табуирования проблем, связанных с условиями существования «политкорректности».

В действительности, в современных условиях, вопрос о роли «человеческого фактора» должен быть поставлен широко и всесторонне: образование, условия воспитания, приобщение к полезному труду (ставить вопрос об «общественно-полезном труде» в современных условиях — дело граничащее с утопией), существование реальных групповых интересов, определение их сфер, воздействие сословных, религиозных, этнических и этнокультурных установлений на формирование и функционирование «гражданского общества», соотнесение прав индивида с правами коллектива как суммы индивидов, обладающих равными правами и так далее.

¹ Кожин П.М. Человеческий фактор в политической культуре современного Китая // Китай и мир. Актуальные проблемы изучения экономики, политики, истории и культуры Китая. 2-я конференция. М., 1991. ТД. Ч. II. С. 121–125; Его же. Человеческий фактор: индивидум и общество (Запад – Китай) // 3-я МНК «Китай и мир. История, современность, перспективы». М., 1992. ТД. Ч. II. С. 87–91.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В РАЗВИТИИ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Цивилизации, являясь высшей общей мерой идентичности в масштабах человечества, приобретают особую роль в периоды больших исторических переходов, к которым, безусловно, относится и современная эпоха. Нарастание кризисных явлений в важнейших сферах общественной жизни — экономике, политике, международных отношениях, разложение нравственных принципов и падение управляемости социальными процессами требуют обращения к фундаментальным характеристикам и механизмам развития, анализ которых поможет дать ответ на причины и способы преодоления возникших диспропорций.

Укрепив взаимосвязь и взаимозависимость человечества, XX век усилил конфликтный характер его развития, породив мировые войны, экономические кризисы и революции. Глобализация распространила его на все сферы жизнедеятельности, включая культуру. Функциональное значение универсальных, подчиняющихся общим законам социальных структур состоит в поддержании более высокой степени стабильности, чем у разнородных. Именно поэтому вооруженные методы соперничества постепенно вытесняются на глобальном уровне экономическим соревнованием, которое стало сущностью нынешней модели развития. Однако оборотной стороной этого процесса является разрушение национальной культурной самобытности, урезающее возможности для поиска ответов на новые, нетрадиционные вызовы. Нынешние трудности в основе своей связаны с поиском перехода к новым формам развития, с возможным прекращением «царства идентичностей» и неизбежных конфликтов между ними. Однако историческая эволюция, не только общества, но и природы, свидетельствует о том, что до сих пор именно многообразие являлось магистральным направлением и гарантией поступательного движения.

2. Разрушение единого культурного массива цивилизаций вызывает ответную агрессивную реакцию. В первую очередь это относится к исламскому миру, который менее других преуспел в экономическом развитии и часто воспринимается в качестве главного глобального оппонента современной цивилизации. Но есть и другие примеры. Китайская цивилизация сумела не просто встроиться в предло-

женный внешний контекст, но и получить значительную выгоду от экономической конкуренции, став одним из лидеров современного мира, успешно сохраняя при этом и свои культурные особенности, и духовное наследие. Учитывая характер стоящих перед миром задач, анализ китайского опыта адаптации и встраивания имеет, помимо сугубо страноведческого, важное методологическое значение.

3. По большим историческим меркам, политический и экономический компоненты развития часто носят конъюнктурный характер. Цивилизация опирается еще и на социокультурные традиции и исторический опыт, который позволяет задействовать глубинные механизмы развития, сохранять целостность на период активной трансформации, не поддаваясь разлагающему влиянию изменений. Активная фаза синтеза национальной культурной традиции и современного мира проходит в Китае в течение последних 60 лет, а ее успех непосредственно связан с периодом реформ, когда впервые был осознан цивилизационный, а не только социально-экономический характер модернизации.

В силу мощного цивилизационного компонента (цивилизационной идентичности) Китай дольше Японии оспаривал обоснованность целей и методов реформ. И даже после революции 1911 г. все утверждавшиеся во власти политические силы рано или поздно воспроизводили архетип императорской модели управления, возвращая китайскую историю в привычное русло. Этим, как представляется, и был вызван окончательный выбор — в качестве основы преобразований — иноземного учения, воплотившего цивилизационное, материально-техническое превосходство Запада и одновременно создавшего политическое пространство для мощного импульса развитию. Процесс модернизации социокультурной матрицы отчетливо разделился на ряд фаз: проникновение западной культуры, ее китаизацию и последующий синтез, — увеличив тем самым и число, и длительность революционных периодов.

4. После завоевания КПК власти в 1949 г., что означало и признание ценности достижений другой цивилизации, изменился характер задач, важнейшей стало увеличение скорости продвижения по имеющейся, советской модели. До 1950-х годов КПК обладала опытом строительства исключительно в социально-политической и военной сферах, где главными были политическая воля и организация. Революционные методы преобразований выглядели в равной степени применимыми и к экономическим процессам. Государственный план воспринимался как экономический закон, но на практике от-

казывался действовать. Во многом поэтому, быстро исчерпав потенциал простого живого труда, программа форсированной индустриализации закончилась провалом. Неудача заставила перенести центр преобразований в социально-политическую сферу, чтобы преодолеть инерцию традиционной культуры и вырваться за пределы традиционного общества. Однако в результате «культурной революции» выяснилось, что вместе с традициями исчезла социально-политическая стабильность. «Культурная революция» позволила сформулировать основное противоречие социалистического строительства в Китае — между экономическим детерминизмом марксистской теории и социокультурной реальностью, не подчиняющейся характерным для Запада законам общественного развития. Обе попытки внедрения западной модели развития на китайской почве завершились неудачей. Но вместе с тем индустриализация заложила фундамент современной экономики, а «десятилетняя смута создала нужные условия для государственной демократии и самоуправления народа»¹.

5. Смерть Мао Цзэдуна в этом контексте можно рассматривать как еще одну революцию, когда мобилизационный проект, в основе которого стояла фигура вождя, закончился с его смертью. А задача овладеть материальной культурой Запада осталась. В отличие от республиканского периода, когда преобразования проводились недостаточно энергично, чтобы преодолеть силу инерции, попытки их форсировать с конца 1950-х годов вели к разрушению социального организма и, как сейчас стало ясно, к деградации традиций и восприятию западного, конфликтного опыта исторического развития, что и подтвердила «культурная революция».

6. Историческая заслуга Дэн Сяопина, вставшего во главе реформ в конце 1970-х годов, состоит в изменении политического курса от конфликтного характера отношений традиций и современности — к их синтезу. Рыночные реформы, начавшиеся в наиболее типичной для Китая крестьянской среде, передав часть инициативы вниз, населению, способствовали возрождению традиционных социальных механизмов и форм хозяйствования, до этого подавлявшихся мобилизационной экономикой. Их реконструкция вернула обществу стабильные формы существования и позволила сконцентрировать усилия на приоритетных направлениях, «точках роста», локализованных в прибрежных зонах, которые взяли на себя роль локомотива развития. Следующей задачей было придание устойчивости поступательному движению, т.е. создание такого политического механизма, который бы обеспечивал поддержание социально-экономического динамиз-

ма, воплотив исторический и политический опыт традиционного Китая. Главным политическим достижением современного китайского руководства стало перераспределение социальной активности из социально-политической сферы в экономическую. Придав обществу динамизм, оно смогло найти такие формы политического устройства, которые позволили осуществить впечатляющие экономические изменения, деликатно перекачивая главный цивилизационный ресурс в сферу экономики, контролируя при этом ее влияние на политику.

Успех китайской модели преобразований заключается в том, что она представляет собой не просто приближение к современности (модернизацию в этимологическом значении), но и синтез западной современности и собственных традиций, национальное освоение западной по происхождению современности. Опыт Китая показал, что в начале XXI в. это уже не путь к глобальному универсализму, а способ сохранения цивилизационной идентичности, который не прерывает, а продолжает историю в новых обстоятельствах.

¹ Чжунго тэсэ шэхуэйчжуи яньцзю. 2009. № 1. С. 35.

Морозова В. С.,
к. филос. н.,
Читинский филиал ИДВ РАН

РОЛЬ ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня особенно жизненной становится проблема переоценки ценностей. Главные задачи все в большей мере перемещаются в область ценностных ориентаций, понимаемых не только как духовное выражение социально-экономического состояния общества, но и как фактор его политической стабильности. В период кардинальных политических преобразований общества специфика его ценностно-идеологического фактора становится очень актуальна для обеспечения его деятельности как в сфере экономики и культуры, так и в плане политического потенциала.

Усиление цивилизационной энергетики Китая за счет созидательного потенциала ценностного «ядра» традиционной культуры порождает стремление исследователей к новым «открытиям» в объяснении закономерностей успехов этой страны. Данный контекст актуализирует обращение к национальному культурному наследию,

которое является важным инструментом модернизации страны и активно используется руководством КНР в социальной практике всех сфер жизнедеятельности общества.

Политические преобразования современного китайского общества неразрывно связаны с обеспечением китайских граждан демократическими правами и свободами как главными ценностями современного общества. На создание и развитие политической демократии в Китае большое влияние оказывает длительная историческая практика, аккумулировавшая в себе основные принципы социалистической демократии в соответствии с реалиями общественной ситуации в стране. Однако процесс формирования политической демократии в любой стране — сложное, неоднозначное явление. Зарождающиеся институты возникают на базе существующих традиций, факторов, привычек, сложившихся социально-экономических отношений, отражают политические и идеологические ценности, доминирующие в данном обществе [1].

Природа и основные черты китайской политической демократии сыграли важную роль в защите и обеспечении обширных демократических прав и свобод граждан, а также в построении высокодемократической политической системы, основанной на традиционных ценностях китайской культуры. Сегодня, в период колоссального экономического роста, Китай не забывает об усилении строительства политической демократии. Мы можем с уверенностью говорить о том, что в эпоху экономического и социального развития политическая демократия в Китае также достигнет небывалых успехов.

Продвижения в сфере политических реформ еще раз показали, что в деле совершенствования и демократизации политических институтов Китай намерен и впредь исходить из собственных реалий и своих представлений о сроках и темпах этого процесса, а не из навязываемых извне рекомендаций. Уйдя от конкретного обозначения неприемлемых для Китая веяний, Ху Цзиньтао ограничился общей констатацией необходимости «оказывать твердый отпор разлагающему влиянию всех ошибочных и гнилых идеологий».

Читая фундаментальные работы китайских ученых на тему ценностно-идеологического фактора и его влияния на политическое реформирование китайского общества (Ван Мина, Ху Цзяюна, Юй Кэпина и др.), можно видеть широкий диапазон их исследовательского интереса. Однако он применяется прежде всего для теоретического осмысления ценностей и ценностных ориентаций современного китайского общества. Особый интерес проявляется в этой связи к прак-

тике функционирования традиционных ценностей китайской духовной культуры в современных политических условиях. Одновременно китайские авторы обратились к составлению собственных ценностных концепций. В качестве примера можно указать на работы влиятельного экономиста и политолога Шэн Хуна, повествующего о либеральных ценностях свободы, равенства и братства. Шэн Хун сделал вывод, что китайская цивилизация способна «спасти человечество», ибо подлинное ее содержание синтезирует в себе принципы уважения к рынку, демократии и свободной торговле в мировом масштабе.

Сегодня осуществление реформы политической системы в Китае снижает роль воздействия политических факторов на экономические отношения. Уменьшилось количество политических кампаний, характеристикой которых являлись массовые политические движения и острые проявления классовой борьбы.

Таким образом, сегодня главным фактором развития Китая становится проблема реформирования политической системы. В разрешении назревающих проблем Китая приобретают значимость не экономические, а политические факторы, которые окажутся в более тесной связи с социальными противоречиями и интересами и поведут за собой структурные изменения ценностной идеологии китайского общества.

Продвижение политических реформ в Китае зависит от культурной традиции в большей степени, чем ход экономических преобразований. В последнее десятилетие внутрикитайская пропаганда уделяет особое внимание морализации общества, что также совпадает с традиционными представлениями о роли политической власти как хранителя и источника нравственного воспитания [2].

Согласно теории Дэн Сяопина, политические реформы в процессе построения «социализма с китайской спецификой» неразрывно связаны со строительством «социалистической духовной цивилизации» и «социалистической духовной культуры». Ценностно-идеологический фактор, имея универсальный характер для всех слоев населения, является самым сильным фактором идеологической направленности, непосредственно влияющим на политические преобразования в стране.

Имея в своей основе политические ценностные критерии, сама система ценностей ныне переживает кризис. С момента образования КНР фундамент этой системы составляли три известных принципа.

Первый предполагал существование унифицированной политической системы, в которой предпочитался абсолютный приоритет политики, а высшим критерием ценностной оценки являлась поли-

тическая цель. Второй принцип — тенденция полной «уравниловки», вытекающая из плановой экономики. Третий — абсолютный коллективизм и альтруизм.

Китайская молодежь уже готова отвергнуть эти жесткие политические принципы. В выборе культурных и социальных жизненных приоритетов она выработала свои относительно целостные ценностные ориентиры, такие, как, к примеру, разумный эгоизм, соразмерность им предлагаемого и ими требуемого, соответствие прав и обязанностей и др.

При определении политического выбора молодые уже отрицают такое неотъемлемое условие, как вступление в партию или комсомол в качестве средства достижения политического и делового успеха. Напротив, возрос удельный вес ответов, не подразумевающих политические моменты, например, «деньги, дружная семья, свобода выбора» и т.д. Кроме того, значительная часть молодежи оценивает китайскую политическую действительность с двух разных точек зрения — «многообещающие политические идеи» и «несоответствующая политическая реальность». Поэтому ключевым для них становится вопрос «политической честности».

В то же время ценностные представления китайской молодежи кардинально меняются под влиянием пропаганды общественного мнения и идейно-политической работы.

Приоритет возрожденческих целей в стратегии развития КНР закреплён в сформулированной на XVI съезде КПК (2002 г.) концепции «трех представительств». Представляя «прогрессивное направление китайской передовой культуры» и «коренные интересы самых широких слоев китайского народа», она берет под свою опеку духовную жизнь людей, их идеологическое воспитание [3].

Анализ внешней политики КНР свидетельствует о том, что в сфере обеспечения политической стабильности сохраняется прагматический подход, который делает акцент на взаимодействии внутренней и внешней политики с традиционными ценностями китайской нации, что в свою очередь при условии сохранения мира во всем мире гарантирует построение сильного и богатого Китая.

Обширная литература и анализ различных точек зрения по данной проблематике показывает, что творческое прочтение ценностного наследия позволяет современному руководству объективировать ценностную составляющую в плоскость практических решений.

К важным факторам обеспечения политической стабильности можно отнести имманентную для культуры потребность в объединя-

ющем нацию идеале. Социальная гармония — это современная национальная идея, с помощью которой руководство любой страны может сплотить общество в целях обеспечения национальной безопасности. Современное руководство КНР обращается к идеологическому наследию, успешно интерпретируя те идеи и концепции, которые содержат ценности, актуальные для развития Китая.

Анализ, проведенный китайскими и отечественными синологами, показывает, что в политической, жизненной и нравственной ценностных ориентациях китайские граждане больше приближаются к культивируемым обществом традиционным ценностям. Ценностно-идеологический фактор становится частью политического дискурса в КНР, а «традиционная культура становится частью комплексной национальной мощи Китая, обеспечивающей стране не только аргументы для внешней пропаганды, но и защиту от нежелательного внешнего проникновения». Известный российский синолог А.В.Ломанов справедливо отмечает, что только лишь «политическое обсуждение темы останется поверхностным и односторонним, если при этом не будут учтены культурно-исторические отсылки, которыми изобилуют китайские публикации о “гармоничном обществе”» [4].

Современное руководство КНР, традиционно используя формулу «древность на службу современности», обращается к национальному культурному наследию, успешно интерпретируя те идеи и концепции, которые содержат ценности, актуальные для развития модернизирующегося китайского общества.

Правящие круги вырабатывают новую идеологию построения «социалистического гармоничного общества», практическое претворение которой способно устранить существующие дисбалансы и объединить нацию.

Литература

1. Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007.
2. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006.
3. Абрамова Н.А., Юйшина Е.А. Конфуцианский рационализм как духовный ресурс цивилизационного развития. Чита: ЧитГУ, 2005.
4. Ломанов А.В. Современная концепция «гармоничного общества» и китайская традиция// Информационные материалы. Серия Г: «Идейно – теоретические тенденции в современном Китае: национальные традиции и поиски путей модернизации». Вып.13. X и XI Всероссийские конференции «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация» (Москва, 23–25 ноября 2004 г.; 23–24 мая 2005 г.).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕЛЕВИДЕНИЯ КНР В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Доминирующим фактором современного этапа развития цивилизации является феномен, известный как глобализация, т.е. процесс планетарного объединения всех сфер человеческой деятельности, охватывающий производство, технологии, торговлю, культуру, политические и государственные институты.

По различным историческим причинам возможности, которые глобализация несет в разной степени развитым странам мира, далеко не равнозначны. Обладающим большей совокупной мощностью, капиталами, новейшей техникой развитым странам Запада, и в частности США, она принесет намного больше пользы и возможностей, чем множеству развивающихся стран, которым в процессе глобализации уготована пассивная, зависимая роль.

Китай движется в авангарде развивающихся государств, этому способствуют его широчайшая территория, огромное население, богатейшее культурное наследие. Нарастание стратегической мощи Китая, упрочение его международных позиций и усиление международного влияния — при сохранении коммунистической риторики и монополии Коммунистической партии на политическую власть — вызывают тревогу, озабоченность, порой страх у мирового рыночно-демократического сообщества. Поэтому в целях ослабления мировых позиций КНР как нового крупного игрока в мировой экономике и политике США используют все возможные средства. «Жесткому удару» экономических санкций и военных действий в условиях современной социально-политической реальности чем дальше, тем труднее увенчаться успехом. Поэтому именно культурная экспансия превратилась в главное оружие Соединенных Штатов при нанесении «мягкого удара» по Китаю.

В феврале 1994 г. на собрании информационных отделов стран «Большой семерки» был официально выдвинут проект «Базовой структуры глобальной информации». Основным решением было всячески поощрять «безостановочное» течение информации и ее «свободный обмен». Вскоре после публикации данного проекта многие западные ученые и журналисты взялись активно его пропагандировать, считая, что безостановочное течение и свободный обмен потоками информации будут активно способствовать укреплению взаимопонимания между нациями и представителями различных культур.

Однако сейчас становится ясно, что те западные ученые утаили основную движущую силу инициативы ведущих держав в осуществлении «глобальной информационной интеграции». Вследствие так называемых «безостановочного» и «свободного» течения информации и установилась западная, или скорее, американская информационная гегемония. А так как человечество уже вступило в новую информационную эпоху, то информационная гегемония означает культурное, духовное, а также политическое господство.

В современном мире китайская цивилизация — одна из древнейших. И сформировавшаяся в ее русле традиционная духовная культура представляет собой феномен, не имеющий аналогов. Уходя своими корнями в глубокую древность, китайская культура и ее традиции не знали перерывов в своем развитии. Через многие века своей сложной истории китайский народ сумел пронести ее без существенных потерь. В Китае изначально складывался принципиально другой вид общества. В его основе лежали традиционная культура, абсолютная власть государства и полное бесправие граждан. Общество держалось на идеологии, поэтому важную роль в поддержании порядка в стране играло конфуцианство, которое импонирует современному китайскому руководству тем, что характеризуется высокой социально-политической дисциплиной, а также ориентирует на социальный мир, гармонию и единство в противовес борьбе интересов, идущей в западном обществе, проповедует примат государства и общества над личностью, послушание властям, приоритет коллективистских ценностей, упорный труд, учебу и культ знаний, готовность терпеть лишения сегодня во имя будущего, прочность семейных связей, уважение к старшим и т.п.

В настоящее время национальная культура воспринимается в КНР как инструмент сохранения национальной идентичности в условиях глобализации. Китайские власти официально провозгласили: «Сливаясь с экономикой и политикой, культура в нынешнем мире занимает все более видное место и играет все более заметную роль в концентрации комплексной государственной мощи».

Телевидение — самый частый собеседник современного человека. Поэтому с целью сохранения культурных основ страны и социальной гармонии китайским руководством был принят целый ряд мер, направленных на то, чтобы оградить страну от нежелательных внешних воздействий и тем самым укрепить свою власть в ней. Для этого была введена цензура телерадиовещательных средств массовой информации, которые являются важнейшим инструментом формирования общественного сознания.

С учетом значительной дифференциации населения по уровню доходов центром культурной жизни среднестатистической китайской семьи становится телевизор. Сейчас в КНР более 370 телеканалов, транслируется более 2300 телепередач, включая новости, научно-учебные, развлекательные программы. В среднем ежедневная трансляция телепередач превышает 22 тыс. часов. 4 спутника транслируют 40 спутниковых каналов. Население КНР располагает 400 млн телевизоров, телеканалы охватывают 1,2 млрд человек, или 95% населения страны. Согласно статистике, жители КНР ежедневно тратят на просмотр передач в среднем около 3 часов. По оценке ряда зарубежных экспертов, по уровню технической оснащенности станции кабельного телевидения Китая не уступает развитым странам мира.

В целях защиты национального телевидения от развращающего влияния «гнилой» западной культуры местным знаменитостям было предписано отказаться от «подражания быстротечной моде», а главным редакторам каналов — значительно сократить время трансляций зарубежных программ, не соответствующих «социальному строю и национальным особенностям Китая». Ряд переводных программ, «пропагандирующих западную идеологию и политический строй», были вообще запрещены. Китайские власти наложили запрет также и на трансляцию телепрограмм о криминале и насилии, чтобы создать «благоприятную атмосферу для воспитания детей». Большую часть телевизионных программ, представленных китайскому зрителю, составляют исторические сериалы и кинофильмы, спорт, общеобразовательные передачи и интеллектуальные шоу. Все программы, как правило, неразрывно связаны с историей и конфуцианской культурой Китая, так как, по мнению самих китайцев, «посаженное дерево не сможет расти вверх, если у него не будет крепких корней».

Таким образом, в настоящее время основной целью своей внешней политики нынешняя администрация США рассматривает приобщение к демократическим ценностям радикальных и авторитарных стран современного мира. Насколько этот процесс малоперспективен, демонстрирует опыт современного Ирака. Что касается Китая, то трансформация коммунистического режима будет происходить не на пути демократизации политической системы, а на основе националистических и конфуцианских ценностей. Молодежь становится активной силой в этом процессе. Мечта китайских коммунистов — видеть процветающий социалистический единый Китай под эффективным контролем КПК. Для этого проводится специальный

курс, направленный на сдерживание «культуры Макдоналдса и кока-колы», а также на идеологическое воспитание тех, кто будет определять лицо страны уже в самом ближайшем будущем. Причем новейшие достижения современной информационной эпохи, такие, как телекоммуникационные технологии, и в частности телевидение, будут надежным пультом дистанционного управления для формирования массового сознания в руках существующего коммунистического режима.

Ли Яотань,
*Национальный университет политики,
Тайвань*

СРАВНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ТАЙВАНЕ И В КНР

На Тайване Гоминьдан прочно держал власть в надежде возвратиться на континент. Партия осуществляла экономическое строительство, опираясь на «три народных принципа». КПК же полностью проникла в общество, непрерывно проводила различные кампании и за последние 10 лет осуществила перемены, подобные тем, что проводил Гоминьдан в 1950-е и 1960-е годы. Обосновавшись на Тайване, Гоминьдан полностью запретил всеобщие выборы, местные выборы проводились в обычном порядке. Делалось это для исключения внешнего влияния на население, для облегчения получения американской помощи и создания модели противостояния КНР.

После потери места в ООН и разрыва дипломатических отношений со многими странами, перед лицом международной изоляции Тайваню были необходимы перемены, чтобы заручиться поддержкой свободных и демократических стран. Гоминьдан обратил внимание конгресса США на то, что КНР имеет статус великой державы и огромный потенциальный рынок; благодаря сильному националистическому духу она легко противостоит давлению международных сил. Учитывая опыт СССР, Восточной Европы и тайваньской демократии, КНР уходит с «третьего пути» развития и пытается строить новый мировой экономический и политический порядок. Эти перемены позволили получить признание международного сообщества.

Начиная с 1980-х годов на местных выборах в КНР все более проявляются элементы конкуренции, однако по глубине и масштабам

их еще невозможно сравнивать с тайваньскими элементами конкуренции 1950-х годов. В 1970-е годы для местных выборов на Тайване широко привлекалась местная элита. В КНР в новом веке начались постепенные перемены в партийной структуре, был открыт доступ в партию представителям интеллигенции и хозяевам частных предприятий. Гоминьдан находится под давлением либерально-демократических обещаний, КПК использует преимущества социалистической демократии, что определяет ее долговременное правление. В прошлом Гоминьдан под предлогом возвращения на континент сдерживал демократию. В КНР объявили строительство гармоничного общества и открыли путь демократии. На Тайване с 1980-х годов началась реформа системы, переход от авторитарной власти к власти демократической. В КНР — с началом реформ происходят политические перемены без смены режима. В будущем, когда КНР достигнет определенного уровня экономического развития, возможен переход от авторитарной власти к власти демократической, и тогда вполне может пригодиться опыт Тайваня.

Перевод с китайского
Б.Я.Надточенко

Као Юанкуан, Чу Мэйли,
Национальный университет политики,
Тайвань

ПУТЬ К СОТРУДНИЧЕСТВУ И МИРУ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ТАЙВАНЬСКОГО ПРОЛИВА

Процесс регионального объединения начинается с экономической общности, далее следует региональная безопасность, и все завершается политической общностью. На основе этой концепции авторами данных тезисов сделана попытка анализа пути к сотрудничеству и миру по обе стороны Тайваньского пролива.

С тех пор как в 1980 г. континентальный Китай перешел к политике внешней открытости, отношения по обе стороны пролива становятся все более тесными. Тайваньские торгово-промышленные предприятия первыми приступили к инвестициям в континентальную экономику, передавали опыт и модели экономического развития. Благодаря тайваньским инвестициям и ресурсам континентального Китая, осуществлялось развитие экономики КНР. С другой стороны, это способствовало успешной реструктуризации экономики Тайваня,

усилению его международной рыночной конкурентоспособности. В результате успешного совместного взаимодействия сложилась определенная модель, что отвечает общим целям, направленным на единство экономических систем.

Таким образом, на основе экономического сотрудничества можно перейти к созданию механизмов региональной безопасности и модели сотрудничества и мирного сосуществования политических систем.

Перевод с китайского
Б.Я. Надточенко

Степанова Е.Н.,
аспирантка ИДВ РАН

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН НА ТАЙВАНЕ И В ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ*

1. Несмотря на достигнутое за последнее время на Тайване и в ряде других стран Восточно-Азиатского региона увеличение представительства женщин в институтах законодательной и исполнительной власти, это представительство кажется недостаточным с точки зрения оценки изменений в положении женщин в социально-экономической и культурной жизни. В связи с этим представляет интерес проведение сравнительного анализа между Тайванем и странами Восточной (Южная Корея) и Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малайзия и др.), прошедшими, в общем, тот же путь развития, что и Тайвань, а также с континентальной частью Китая (конечно, с учетом специфики развития КНР). Необходимо оценить статус гендерного представительства в политике и управлении на Тайване по сравнению со странами Азии по нескольким компонентам: общее значение представительства женщин, политический статус женщин на Тайване и в Азии, основные факторы, ограничивающие участие женщин в общественном секторе, и меры, которые необходимо предпринять, чтобы увеличить вовлеченность женщин в политику и управление.

2. Для проведения сравнительного анализа положения женщин на Тайване и в Восточно-Азиатском регионе мы используем принятые в ООН основные показатели:

* Исследование по данной теме проводится при поддержке Фонда Цзян Цзинго, Тайвань (2008 и 2009 г.).

- показатель гендерных полномочий (GEM-gender empowerment measure), принятый Программой Развития ООН (UNDP), по которому гендерное неравенство оценивается по 3-м основным критериям: политическое участие и возможность участия в процессе принятия решений, экономическое участие и возможность принятия решений, управление экономическими ресурсами. Индикаторы: 1) доля мест женщин и мужчин в парламенте; 2) доля мест мужчин и женщин в законодательстве, в качестве старших управленцев и менеджеров; 3) доля женщин и мужчин на профессиональных и технических позициях; 4) доля мужчин и женщин в заработанном доходе;

- показатель развития гендерного равенства (GDI-the Gender-related development index). GDI — один из индексов оценки влияния гендерных различий на развитие человечества. Он рассчитывается по четырем факторам: уровень продолжительности жизни, уровень полученного образования, совокупный приблизительный показатель списков учеников начальной, средней школы и школы, после которой поступают в университеты, и заработанный доход.

Изучение этих показателей свидетельствует о том, что уровень гендерного равенства на Тайване стабильно возрастал по мере продвижения процесса социально-экономического развития острова; на сегодня социальный статус женщин на Тайване оценивается как второй самый высокий в Азии после Сингапура. Для сравнения по данному показателю: Тайвань — 2-е место, Япония — 13-е, США — 16-е, Южная Корея — 27-е, КНР — 74-е место¹.

Согласно международным расчетам вышеуказанных показателей, GEM составил для Тайваня в 2005 г. 0,707, что свидетельствует о более активном участии женщин в политике и экономике Тайваня. Для сравнения: США (0,762), 15-е место, Сингапур (0,76), 16-е место, Тайвань (0,707), 19-е место, Япония (0,557), 55-е место, КНР — 58-е место, Республика Корея — 65-е место².

3. Поскольку Тайвань не является членом Организации Объединенных Наций³, страна не была включена в расчет индекса UNDP 2008–2009 гг. С точки зрения сравнительного анализа, тайваньские женщины в бизнесе имеют больше свободы и более высокое представительство, чем в других странах Азии, так же, как их зарплаты более приближены к зарплатам коллег-мужчин. Тайваньские женщины в среднем зарабатывают 1292 долл. в месяц, мужчины 1625 долл. в 2007 г., по сравнению с 1032 и 1431 долл. в 1997 г. соответственно. За 10-летний период зарплаты женщин возросли более чем на 70% относительно зарплат мужчин. Показатель заработков женщин в

Южной Кореи и Японии был 68% и 66% соответственно относительно того же показателя⁴.

4. На Тайване в большей степени обеспечивается участие женщин в политической и экономической жизни, особенно заметно это участие в законодательных органах власти на Тайване (30% мест во вновь избранных законодательных органах занимают женщины); это выше, чем в Японии и Южной Кореи, но все равно ниже по сравнению с европейскими странами, например, в Норвегии — 45%⁵. Среди демократических режимов в странах без квот на представительство женщин, что обычно ведет к более низкому представительству женщин в законодательных органах, надо отметить Японию (9,9% в 2004 г.), Сингапур (6,5% в 2001 г.), Малайзию, где доля представительства женщин в парламенте постепенно увеличивается с 1990-х годов с 6 (1990 г.) до 16% (2003 г.), и Южную Корею, где представительство избранных в законодательные органы власти женщин возросло с 5,6% конца 1990-х годов до 13% в 2004 г.⁶

Закон о выборах 2008 г. относительно представительства женщин в законодательных органах Тайваня гласит, что если партия выигрывает от 5 до 10 мест в данном районе или аборигенном избирательном округе, расположенном на Тайване, или в иммиграционном подразделении, представляющем несколько округов, партийный список кандидатов в этой категории должен включать 1 женщину. На каждые дополнительные 10 выигранных мест в данном районе или расположенном на территории Тайваня партийный список должен включать еще 1 женщину. По меньшей мере, 50% законодателей от партии должны быть представлены женщинами. Не существует минимального количества мест для районных и аборигенных округов⁷.

5. В настоящее время фактически женщины становятся независимыми участниками выборов, так как выигрывают достаточное количество мест в законодательных органах, превышающих их минимальные квоты, доказав тем самым, что они являются конкурентоспособными кандидатами со своими собственными правами. Происходит постепенный рост их представительства в этих органах, но система резервирования мест очевидно помогла продвинуть женское политическое представительство на Тайване, особенно с учетом патриархальных традиций⁸.

6. Бывшая вице-премьер правительства Тайваня Цай Инвень (Tsai Ing-wen) победила на выборах от ДПП 18 мая 2008 г. и стала первой женщиной, возглавившей партию, получив на выборах 57% голосов. По данным Центральной избирательной комиссии, участие женщин

в официальных общественных выборах неуклонно росло за период 2004—2006 гг. Кроме того, в этот период впервые женщина была выбрана мэром Гаосюна, самое высокое представительство женщин было в городском совете Тайбэя (37%), в Гаосюне (36%), в городских и окружных советах (26%) и т.д. Доля женщин, выигравших позиции мэров города или округа были сравнительно низки, 9% и 8% соответственно. Надо отметить, что ситуации различны от города к деревне, от севера к югу. Тайбэй более урбанизирован, либерализирован и образован как столица Тайваня, система квот меньше влияет на результат голосования, женщины утроили свои квоты с 5 мест в 1989 г. до 17 в 1998 г.⁹

7. Что касается участия женщин в исполнительных органах власти, то можно сказать, что здесь их позиций были более ограничены, чем в законодательных, вплоть до 1988 г., когда Ширли Го (Shierley W.Y. Куо) получила пост министра финансов и членство в Центральном исполнительном комитете Гоминьдана, который включает примерно 30 высших партийных лидеров. Демократизация Тайваня с конца 1980-х годов количественно изменила положение женщин в исполнительных органах правительства острова. В 2002 г. список Кабинета Исполнительного юаня включал 8 женщин (1/5 часть всех позиций) с женщиной Лю Шифан (Liu Shyh-fang) во главе. Кроме того, Аннетт Лю стала вице-президентом, заняв самый высокий пост, когда-либо занимаемый женщиной на острове.

Интересная ситуация сложилась в двух лидирующих партиях на Тайване: Гоминьдан (10 женщин из 40 в Кабинете правительства в 2008 г.) и ДПП (женщина — вице-президент в администрации Чэн Шуйбяня и 9 женщин из 35 в Кабинете правительства 2000—2008 гг.; в 2008 г. первая женщина-сопредседатель самой ДПП). В настоящее время обе партии вынуждены улучшать статус женщины, чтобы привлечь больше женского электората на свою сторону.

8. Среди основных препятствий для обеспечения равного гендерного представительства на Тайване можно назвать экономические, социально-культурные, идеологические и политические факторы, влияющие на присутствие женщин на политических и административных позициях: неформальные правила устанавливаются все-таки мужчинами, сохраняется дискриминация по полу. Более того, хотя поощряется женское участие в политике и администрации, предполагается, что они займут «поддерживающие» мужчин роли. Социальные ценности тайваньского общества остаются неизменными, общество не слишком поощряет представительство женщин в политической

жизни на высоком уровне. Существуют и структурные, и неформальные ограничения внутри многих политических партий, которые не поощряют женщин перейти предназначенный для них уровень¹⁰.

9. В соответствии с вышесказанным, существует несколько путей, повышающих гендерное равенство на Тайване и женское представительство в Юго-Восточном азиатском регионе: 1) создание конституционных и законодательных условий в пользу гендерного равенства; 2) обеспечение гарантированных квот для женщин в законодательных и административных учреждениях; 3) проявление политическими партиями инициатив по расширению женского представительства в партиях; 4) политическое признание высшими лидерами необходимости принятия всех мер для окончания гендерной дискриминации и расширения представительства женщин в различных органах власти; 5) изменение традиционных норм и стереотипов восприятия гендерных проблем с помощью пересмотра образовательных программ на различных уровнях¹¹.

¹ Tsai-Wei Sun. Gender Representation in Politics and Public Administration: Taiwan and Asian Countries // National University of Singapore, revised version. 2004. P. 148–151; Taiwan Journal. February, 22. 2008 P. 1.

² Taiwan Journal. March 14. 2008. P. 2.

³ Taiwan Journal. September 28. 2007. P. 7.

Вопрос о членстве Тайваня был исключен из повестки дня Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 2007 г., но все-таки впервые представительство Тайваня широко обсуждалось на пленарном заседании ООН тогда же. Причина такого внимания состоит в том, что многие десятилетия Тайвань вносит вклад в экономическое, социальное, культурное и медицинское развитие, а также оказывает гуманитарную и инвестиционную помощь в Азии и за ее пределами через государственный и частный сектор, активно участвует в развитии позитивных аспектов глобализации.

⁴ Taiwan Journal. March 14. 2008. P. 2.

⁵ Tsai-Wei Sun. Op. cit P. 148–151

⁶ The Republic of China Yearbook 2008 . Ch.5: Democracy and Elections. URL: <http://www.gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/yearbook/contents.html>

⁷ См.: Maryland series in Contemporary Asian studies #3-2002 (170) The social and political bases for women's growing political power in Taiwan // Cal Clark and Janet Clark. «School of law. University of Maryland». P. 3–39.

⁸ Ibid.

⁹ Tsai-Wei Sun. Op. cit. P. 148–151; Taiwan Review. 2008. Vol. 58. April. No1.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

Бартко У. Я.,
аспирант,
Львовский Национальный
Университет им. И. Франко

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИТАЯ И ТАЙВАНЯ И «ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС»

На сегодняшний день среди многочисленных пережитков «холодной войны» остается и продолжает напоминать о себе проблема вокруг Тайваньского пролива, которая отличается от других своей специфичной природой и исторической обусловленностью. Так, с 1949 г. на геополитической карте мира существуют так называемые два Китая, каждый из которых провозглашает, что представляет интересы всего Китая и выступает от имени всего китайского народа: Китайская Народная Республика на материке и Китайская Республика на о. Тайвань. Этот факт, а также притязания Китая на то, что Тайвань является исконно китайской территорией, что руководство Тайваня все чаще обращается к идеям провозглашения независимости, а также участие третьей стороны — Соединенных Штатов Америки, составляют основной узел сложностей «тайваньской проблемы». Именно эта проблема, одна из самых главных и трудноразрешимых в Азиатско-Тихоокеанском регионе, остается открытой для разного рода исследований, посвященных как историческим фактам развития отношений между берегами Тайваньского пролива, так и сегодняшним реалиям существования «двух Китаев».

Исследовательница китайского происхождения Сяокун Сун в своем труде «Интеллектуальные рассуждения в Тайваньском движении за независимость» («Intellectual Discourses in the Taiwan Independence Movement») акцентирует внимание на истории Тайваня и его населения, а также его связи с материком. Установлено, что коренные жители Тайваня по своему происхождению — малазийцы и что только в XVII в. началась эмиграция китайцев с материка на остров. Этот факт представляется очень выгодным для движения за независимость Тайваня, так как обуславливает его претензии и право на самореализацию. Более того, на карте Китайской империи XIV в. Тайваня еще не было. Официально Тайвань был включен в состав Китая только в 1683 г. как часть пров. Фуцзянь. В результате китайско-японской войны 1894—1895 гг. Япония как государство-победитель оккупировала остров Тайвань согласно заключенному мирному соглашению в г. Симоносэки. С тех пор вплоть до 1951 г. Тайвань был японской терри-

торией, и только с мирным соглашением в Сан-Франциско Япония окончательно отказалась от Тайваня.

В 1949 г. правящая партия Республики Китай Гоминьдан переехала на Тайвань в связи с поражением в гражданской войне. С момента провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. конфронтация между КПК и Гоминьданом Республики Китай на Тайване прошла несколько фаз. Период между 1949 и 1970 г. отмечается открытой враждой. Лозунгом КПК было «освобождение Тайваня», в то время, когда националистический Тайвань пообещал «завоевать материк». Исследователь также подчеркивает, что после Корейской войны конфронтация между двумя сторонами стала частью «холодной войны» и соперничества коммунистов с капиталистами. Военное присутствие американского военно-морского флота, а именно 7-го флота, в Тайваньском проливе с 1953 г. только сопутствовало усилению конфронтации. И, хотя Соединенные Штаты предложили Тайваню свой протекторат и сделали его одним из стратегических оплотов в Тихом океане, но они никогда не поддерживали стремления Гоминьдана в его усилиях к силовому захвату материка. Как наглядный пример этому Сун указывает на то, что Тайвань потерял свое место в Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности ООН в пользу материкового Китая, кроме того, в 1979 г. произошла нормализация отношений между США и КНР.

Свою точку зрения отстаивает и профессор по международным отношениям университета Пенсильвании Артур Волдрон в своей статье «Наша ставка на Тайване» (*Our stake in Taiwan*). Он утверждает, опираясь на исторические факты, что все это время Тайвань развивался по-иному, нежели Китай. Среди отличительных характеристик он указывает происхождение, язык, способ и условия жизни. И хотя тайваньцы очень похожи на китайцев, но, тем не менее, они отличаются от тех китайцев, которые живут на материке.

Член правления Национального комитета по внешней политике США Дональд Загория отмечает (*Cross-Strait Relations: Concrete Progress But Strategic Mistrust*), что сегодня отношения между Китаем и Тайванем являются более стабильными и многообещающими, нежели они были на протяжении многих десятилетий спустя 1949 г. Сейчас представляется историческая и стратегическая возможность двигаться к установлению постоянной системы для мира и безопасности в Тайваньском проливе. В 2008 г. в этом направлении произошли следующие позитивные изменения: возобновление диалога между полугосударственными представителями, организация регулярных

чартерных рейсов, обещания об увеличении китайского туризма на Тайвань, уменьшение ограничений на тайваньские инвестиции в КНР и китайские — на Тайвань, несколько встреч между президентом КНР Ху Цзиньтао и лидерами Гоминьдана. Более того, и Китай, и Тайвань остановились на двух основополагающих принципах: во-первых, обе стороны должны продолжать имплементацию последующих шагов к экономическому и культурному примирению, откладывая более сложные политические и стратегические вопросы. Во-вторых, путь к примирению между Тайванем и Китаем должен быть не очень быстрым, но и не очень медленным.

Однако Загория отмечает, что в этих отношениях есть три главных вопроса, которые очень трудно разрешить. Первый из них — вопрос международного пространства Тайваня. Второй — вопрос безопасности, включающий военный баланс в Тайваньском проливе, запуски ракет, которые производятся Китаем, продажу американского оружия Тайваню. И третий — вопрос стратегического недоверия.

Таким образом, понятно одно: проблема есть, и чем больше будет вариантов ее разрешения, тем быстрее этот регион избавится от взрывоопасного очага. Сейчас существует некое «окно возможностей» для разрешения проблемы, но оно в любую минуту может «закрыться». Самое важное на сегодняшний момент — это не потерять достигнутых решений, поскольку процесс к примирению и началу диалога был очень длинным и непростым. На сегодняшний день ясно, что целью нынешней администрации Тайваня не может быть вопрос о воссоединении, хотя обе стороны сошлись на том, что нужно прекращать многолетнюю вражду (XVII съезд КПК).

Действия и позиция Китая по тайваньской проблеме имеет следующий характер: нынешнее китайское руководство не может допустить независимости Тайваня, так как оно потеряет политическую легитимность, подвергнется резким нападкам противников из консервативного крыла, рискуя потерять власть. И хотя Китай в военнотехническом плане способен одержать победу в войне с Тайванем, но руководство понимает тяжелейшие последствия военных действий, которые могут привести к потере нынешними лидерами политической власти и авторитета.

Одним из единственных выходов для руководства КНР является максимально возможное продление статус-кво и поддержка тех политических сил на Тайване (прежде всего Гоминьдана), которые выступают за сохранение существующего положения и обещают не поднимать вопрос о независимости в течение ближайших 50 лет.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И СОЦИАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ НА ТАЙВАНЕ

Мировой экономический кризис ударил по Тайваню сильнее, чем по другим странам, в том числе по другим «азиатским тиграм». Это объясняется его ярко выраженной экспортоориентированной экономикой и зависимостью от внешнего рынка. Замедление темпов экономического роста и инфляция дали о себе знать еще при правлении ДПП. В апреле 2008 г. темпы роста цен на основные товары побили рекорд девятилетней давности. Во второй половине 2008 г., впервые с декабря 2001 г., упал спрос на производимую на Тайване высокотехнологичную продукцию. В августе–сентябре начали сокращаться заказы из Китая (рынка номер один для Тайваня), США, Европы и Японии. Тем не менее, удалось сохранить рост внешнеторгового оборота Тайваня на 9,2% по сравнению с 2007 г. (см. таблицу).

Таблица

Внешняя торговля Тайваня в 2007–2008 гг., млн долл.

Год	Внешняя торговля			Изменения за год		Экспорт- ный заказ	Изменения в % к предыду- щему году
	Экспорт	Импорт	Сальдо	Экспорт, %	Импорт, %		
2007	246 677	219 252	27 425	10,1	8,2	345 809	15,5
2008	255 629	240 448	15 181	3,6	9,7	351 728	1,7
январ. 2009	12 373	8970	3402	-44,1	-56,5	17 675	-41,7
февр. 2009	12 591	10 919	1672	-28,6	-31,6	20 116	-22,3
март 2009	15 585	12 173	3412	-35,7	-49,5	23 935	-24,3
апр. 2009	14 846	12 710	2136	-34,2	-41,2	...	...

Источник: <http://2k3dmz2.moea.gov.tw/GNWEB/default.aspx>

В истории Тайваня имели место отрицательные значения как импорта, так и экспорта. В 2001 г. экспорт сократился на 16,9%, импорт — на 23,3% по сравнению с предыдущим годом, но такого резкого снижения, как в 2009 г., Тайвань еще не знал. Упали темпы экономического роста (0,12%), объем сельскохозяйственного производства сократился на 1,44%, промышленного — на 1,15%. По итогам

2008 г. ВВП составил 126,971 млрд долл. (129,685 млрд долл. в 2007 г.), ВВП — 123,652 млрд долл. (126,358 млрд долл. в 2007 г.)¹. Прогноз на 2009 г. предполагает дальнейшее падение ВВП (до 124,975 млрд долл.) и ВВП (до 121,468 млрд долл.). ВВП на душу населения в 2008 г. составил 12 тыс. долл., хотя планировалось довести его до 18 тыс. долл. Сократился потребительский спрос. В 2008 г. объем внутренней торговли уменьшился на 13% по сравнению с предыдущим годом. Индекс ТАИЕХ в декабре составил лишь 56% от самого высокого показателя, зафиксированного в мае 2008 г. — 9295,20 пунктов².

Новая администрация во главе с Ма Инцзю получила экономику с массой проблем: инфляция, диспропорции в развитии — севера и менее развитых центра, юга и востока, промышленности и сельского хозяйства, центрального и мелких островов; растущий разрыв в доходах населения, понижение качества жизни, ухудшение положения среднего класса. На Тайване отсутствует крайняя бедность, что в значительной степени объясняется высокими бюджетными расходами на социальное обеспечение. Однако ни бюджетное финансирование, ни многочисленные благотворительные программы не могут остановить тенденцию к росту неравенства. Если в 1980-е годы коэффициент Джини (Gini) составлял 0,277, в 2004 г. — 0,259, то в настоящее время он поднялся до 0,35. Чем выше коэффициент, тем больше разница в доходах самых богатых и самых бедных слоев населения. Неуклонно растет число семей, живущих за чертой бедности. Ниже прожиточного минимума в 2006 г. жило 89 902 семей, или 218 тыс. человек, — рекордный за последнее десятилетие показатель.

Одной из самых серьезных проблем, возникших в связи с экономическим кризисом и серьезно дестабилизирующих положение в обществе, стала катастрофическая безработица. В октябре 2008 г. безработных было 4,37%, в декабре — уже 5,03%. Мелкие предприятия и компании закрывались, крупные сокращали численность персонала или отправляли сотрудников в принудительные неоплаченные отпуска, вводили дополнительные выходные. В течение всего первого квартала 2009 г. безработица продолжала расти и достигла уровня в 5,81% в марте, что в абсолютных цифрах составило 630 тыс. человек. В условиях ограниченного рынка труда на Тайване увеличение числа безработных грозит социальными потрясениями и требует принятия незамедлительных мер.

Ма Инцзю пришел к власти со значительным преимуществом и обеспечил себе поддержку на ключевых направлениях. Тем не менее, его кабинету придется очень трудно. Разумеется, предстоит коррек-

тировать предвыборные обещания и программы социально-экономического развития. Оппозиционные силы не прекращают протестные выступления. Сторонники ДПП 17 мая 2009 г. провели в Тайбэе и Гаосюне массовые митинги протеста под лозунгами: «Защитить Тайвань, сохранить суверенитет, покончить с безработицей», особенно резко критикуя готовность Ма Инцзю подписать Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве с КНР.

Население ждет улучшения экономической ситуации, а его вновь втягивают в демонстрации и сидячие митинги, дестабилизирующие ситуацию в обществе. ДПП за годы правления не смогла совершить прорыв в экономике, сосредоточив усилия на определении «тайваньской идентичности» и развитии демократического общества, при этом не сумела консолидировать общество. Непримиимые противоречия между лагерями «синих» и «зеленых» и их союзников, деление граждан на местных и «пришлых», называемых чуть ли не иностранцами, выделение из других национальностей 4,4 млн хакка и пропаганда их языка и культурного наследия, стремление дистанцироваться от Китая не способствовали стабильности и единству тайваньского общества, что крайне важно вообще, а особенно в свете «экономического цунами».

Ма Инцзю в программе экономического развития придает большое значение социальной сфере. Он обещает увеличение доходов населения, сокращение безработицы до 3% к 2012 г., рост ВВП на 6% в 2009–2012 гг. Предполагается увеличение правительственных расходов и улучшение деловых, торговых, транспортных, туристических связей с Китаем для оживления экономики острова. Снятие ограничений на инвестиции в КНР и денежных операций с материком помогут оздоровить тайваньский банковский сектор, увеличить число рабочих мест и повысить зарплаты служащих.

В конце 2008 г. на борьбу с кризисом было выделено около 15 млрд долл., из которых 12,5 млрд должны пойти на инфраструктурные проекты, 2,5 млрд — на поддержание потребительского спроса. Каждый житель получил специальный потребительский ваучер на сумму немногим более 100 долл. на приобретение товаров. Экономисты сомневаются в эффективности такой разовой меры, но потребители оценили ее положительно и восприняли как подарок в Китайскому новому году.

Разработчики экономической стратегии ищут пути оживления экономики в направлении развития наукоемких отраслей, нано- и биотехнологий, чтобы с их помощью превратить остров в азиатско-

тихоокеанский центр исследований и развития инновационной промышленности. Наиболее конкурентоспособными в новых условиях могут стать вэйферы, фотоэлектроника, новейшие информационно-коммуникационные цифровые технологии. Международные экспертные организации положительно оценивают производственный климат на Тайване, что дает основания Ма Инцзю говорить о создании некой «точки опоры» для трех крупнейших экономик мира — США, Японии и КНР.

В секторе услуг, который играет важнейшую роль в экономике Тайваня (в 2008 г. —74,44% ВВП и основная масса рабочих мест), предполагается сосредоточить внимание на совершенствовании телекоммуникационных услуг, медицинского обслуживания, розничной торговли и расширении автоматизации в сфере обслуживания.

Правительство приняло программу развития передовых сельскохозяйственных технологий в сельском хозяйстве, что позволит создать дополнительно более 31 тыс. рабочих мест в ближайшие 4 года и открыть сельские фермы для туризма и отдыха, чтобы создать условия для здорового образа жизни.

С 2010 г. будут уменьшены ставки налога на частные лица и компании, что затронет 3,8 млн человек, или 73 % налогоплательщиков, и распространится на доходы от 410 тыс. нтд до 2,18 млн нтд. Снижение ставки налога на юридические лица должно создать благоприятные условия для инвестиций, для развития малых и средних предприятий, а также старых отраслей промышленности³.

¹ <http://2k3dmz2.moea.gov.tw/GNWEB/default.aspx>

² <http://www.twse.com.tw/ch/index.php>

³ Taiwan Journal. 10.04.2009.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КНР

Новоселова Л.В.,
д. э. н., ИДВ РАН

РОССИЯ И КИТАЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АНТИКРИЗИСНОГО ПАРТНЕРСТВА

1. Современный финансовый кризис является первым по-настоящему глобальным кризисом, не оставившим в стороне практически ни одну страну в мире, независимо от экономической системы и политико-идеологической ориентации. Это означает, что выход из сложившейся ситуации следует искать не в изоляции национальных рынков, а, напротив, — в конструктивном объединении усилий и ресурсов различных стран в противостоянии экономическому спаду и деградации национальных хозяйств. В этих условиях исключительно важно не ошибиться с выбором правильных, наиболее сильных и креативных партнеров по «антикризисной коалиции».

2. Китай представляется оптимальным выбором с точки зрения реализации Россией международного антикризисного сотрудничества.

Во-первых, в отличие от других признанных мировых центров силы (США и ЕС), Китай не имеет сегодня серьезных политических расхождений с Россией, и более того — наши страны уже не первый год строят ориентированные в будущее отношения стратегического партнерства. В арсенале российско-китайского взаимодействия сегодня не только двусторонние, но и многосторонние механизмы сотрудничества, такие, как, например, Шанхайская организация сотрудничества.

Во-вторых, опять же в отличие от стран Европы и США, даже в нынешних сложных условиях Китай сумел избежать рецессии: речь здесь пока что идет всего лишь о замедлении темпов экономического роста, которые, тем не менее, выглядят весьма впечатляюще на обще-

мировом фоне — в 2008 г. прирост ВВП КНР составил 9% (для сравнения, в 2007 г. — 13%).

В-третьих, за два последних десятилетия сверхбыстрого экономического роста Китай скопил крупнейшие в мире международные резервы и, несмотря на кризис, продолжает активно использовать их для реализации широкомасштабных международных инвестиционных проектов (последние примеры — приобретение в Австралии одной из крупнейших мировых горнодобывающих компаний, закупка российской нефти на 20 лет вперед в обмен на кредит в 25 млрд долл., аналогичная по характеру и масштабам сделка с бразильской национальной нефтедобывающей компанией). Тем самым уже сегодня закладываются основы дальнейшего укрепления позиций Китая в посткризисном мире.

В-четвертых, в КНР принята и активно реализуется одна из наиболее масштабных и всеобъемлющих по своему характеру национальных антикризисных программ, позволяющая обоснованно предполагать, что эта страна сможет одной из первых преодолеть кризисные явления, поднявшись на следующую ступень в иерархии мировых экономических лидеров.

3. Реализуя курс на стимулирование внутреннего спроса, власти КНР намерены ассигновать подавляющую часть антикризисного пакета в 4 трлн юаней (около 600 млрд долл.) для возведения социального жилья, развития сельской инфраструктуры, энергетики и транспорта, образования и здравоохранения, охраны окружающей среды, поддержки инноваций и высоких технологий, повышения жизненного уровня населения.

Одновременно антикризисный курс китайского правительства предполагает расширение и совершенствование предложения на внутреннем рынке товаров и услуг. В КНР разрабатываются программы реструктурирования и модернизации десяти ключевых промышленных отраслей, в числе которых автомобиль- и судостроение, нефтехимия, легкая и текстильная промышленность, машиностроение, черная и цветная металлургия, информационные технологии. Механизм отраслевой поддержки охватывает целый комплекс мер — от расширения и совершенствования производственных мощностей до целевого субсидирования спроса в соответствующих сегментах внутреннего рынка, предоставления налоговых льгот, снижения тарифов на электроэнергию и т.д.

4. В сложившихся условиях наиболее перспективными с точки зрения российско-китайского взаимодействия представляются про-

екты экономического, инвестиционного и научно-технического сотрудничества в следующих областях:

- *автомобилестроение* — реализация «замороженных» в предыдущий период сборочных (в том числе экспортно ориентированных) проектов китайских автомобилестроительных компаний в России с постепенным увеличением доли российского компонента;

- *энергетика* — осуществление планов создания в России Восточной энергетической компании (возможно, с участием КНР) и строительство высоковольтных линий электропередачи для экспорта электроэнергии из энергоизбыточной Сибири в энергодефицитные провинции Северо-Востока Китая; ускоренное завершение строительства с использованием китайского кредита компанией «Транснефть» нефтепровода Восточная Сибирь—Тихий океан с ответвлением от российского Сковородино на китайский Дацин;

- *авиа- и двигателестроение* — организация в России и/или в Китае совместного производства продукции авиапрома (перспективные пассажирские и транспортные самолеты, вертолеты, современные авиадвигатели);

- *глубокая переработка древесины* — создание на территории Сибири и Дальнего Востока российско-китайских деревообрабатывающих комплексов по производству (в том числе на экспорт) широкого ассортимента строительных и отделочных материалов, мебели и т.д.;

- *сельское хозяйство* — создание в России совместных агропромышленных комплексов на основе долгосрочной аренды сельскохозяйственных земель и использования китайской рабочей силы;

- *оборонная промышленность*;

- *инновационная деятельность* — проведение совместных научных исследований с последующей коммерциализацией их результатов (энергосбережение, уменьшение вредных выбросов, нанотехнологии и др.);

- *строительство* — участие китайских строительных компаний в инфраструктурном строительстве в России, а также в реализации масштабных строительных проектов, связанных с подготовкой к Саммиту АТЭС во Владивостоке и к Олимпийским играм в Сочи;

- *банковско-финансовая сфера* — согласованное движение к более широкому использованию национальных валют в двустороннем экономическом обмене, привлечение Китая к участию в капитале и операциях недавно созданного Россией и Казахстаном Евразийского банка развития (ЕАБР), ориентированного на финансирование крупных проектов регионального экономического сотрудничества.

5. По многим из перечисленных выше направлений сотрудничества можно ожидать определенного сопротивления со стороны представителей российских деловых и политических кругов, что обусловлено вполне понятными опасениями чрезмерного усиления китайского влияния в России и в целом на постсоветском пространстве. Однако с точки зрения наименее травматичного варианта выхода российской экономики из кризисной траектории, сотрудничество с КНР сулит нашей стране как минимум двойную выгоду.

Прежде всего, это приток из КНР дополнительных финансовых и инвестиционных ресурсов и создание новых рабочих мест в страдающей от резкого спада российской экономике.

Одновременно, помогая Китаю в реализации его антикризисной программы и тем самым участвуя в оживлении китайской экономики, Россия будет способствовать увеличению внешнего спроса и, соответственно, росту цен на свои природные ископаемые, которые до сих пор являются для нас основным ресурсом развития.

У Синьзянь (КНР),
аспирант ИДВ РАН

РЕСУРСНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В РОССИИ И КИТАЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЯ*

Россия и Китай — две крупнейшие державы мира, соответственно по размерам территории и численности населения, постоянные члены Совета Безопасности ООН, ближайшие страны-соседи с переходными экономиками, каждая из которых, однако, в условиях глобализации не является самодостаточной, имеет те или иные *ресурсные ограничители экономического роста*. В совокупности же они располагают *взаимодополняющими* геоэкономическими потенциалами и факторами хозяйствования, что и послужило фактически важнейшей предпосылкой их относительно быстрого политического сближения на рубеже XX—XXI вв.¹

Цветная металлургия — одна из стратегически важных отраслей металлургических комплексов и в целом национальных экономик России и Китая, на примере которой, на наш взгляд, вполне целесообразно проиллюстрировать отмеченную выше *ресурсно-экономическую взаимодополняемость* наших двух стран.

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 08-02-00346а.

В реформенный период, начиная с 1979 г. и особенно после вступления Китая в ВТО (2001 г.), цветная металлургия КНР совершила заметный рывок в своем развитии, в результате которого стране удалось обойти США и выйти на 1-е место в мире как по общему объему производства этой отрасли, так и по объемам производства ряда важнейших цветных металлов. Например, доля Китая в мировом производстве первичного *алюминия* (бокситов) возросла с 2% в 1970 г. до 12% в 2000 г. и 30% в 2007 г., рафинированного *цинка* соответственно с 3 до 19,6 и 27%, *свинца* — с 4 до 15,7 и 37%, *олова* — с 13 до 30 и 40%. В 2006 г. КНР также вышла на 1-е место в мире по производству рафинированной *меди* (обойдя Чили), а ее потребление в 2008 г. составило около 1/4 от общемирового уровня².

Несмотря на динамичный рост цветной металлургии в КНР, масштабы и темпы ее развития далеко не полностью соответствуют еще более быстрому росту потребностей страны в цветных металлах. Эта проблема усугубляется также весьма неравномерным развитием отдельных отраслей и сегментов цветной металлургии, которое уже вступает в существенное противоречие с ускоренным ростом в КНР сектора так называемой новой экономики (электроники, телекоммуникаций и т.д.). Ограничители развития, подпитывающие эту проблему, кроются как в недостаточности природно-ресурсного потенциала Китая по отдельным позициям (например, по *хрому*, *никелю* и *платиноидам*), так и в быстром исчерпании запасов старых месторождений, низкой рентабельности разработки ряда новых залежей минерального сырья в связи с техническими причинами, особенностями расположения месторождений. Все эти факторы делают неизбежным обращение Китая к внешнему рынку для закупки больших объемов ряда недостающих цветных металлов. Действительно, доля импорта во внутреннем потреблении Китая уже в 2000 г. составляла по *меди* 62,4%, *алюминию* — 34,9%. При этом потребление превышало собственное производство меди в 2,1 раза, алюминия — в 1,4 раза.

Являясь мировым лидером по размерам территории, Россия занимает ведущее место в мире и по совокупному объему разведанных запасов минерального сырья, превосходя по этому показателю Китай и ряд других крупнейших стран мира.

Так, по оценке Международного банка реконструкции и развития (МБРР), разведанные запасы полезных ископаемых в России по состоянию на начало 2000-х годов в стоимостном выражении составляли 10 трлн долл., тогда как в Бразилии — 3,3 трлн, Китае — 662 млрд, Индии — 452 млрд долл. Таким образом, согласно расчету на базе этих

весьма авторитетных международных экспертных данных, *Россия превосходит Китай по общему минерально-сырьевому потенциалу более чем в 15 раз*. По данным же Госкомгеологии РФ, валовая потенциальная ценность разведанных балансовых запасов основных видов полезных ископаемых России оценивается почти в 30 трлн долл., а соответствующий общий прогнозный потенциал — даже в 150 трлн долл.

Ресурсно-сырьевая база цветной металлургии в России также является одной из богатейших в мире. Так, согласно официальным данным, страна располагает самыми крупными разведанными запасами *никеля* (31% общемировых), *олова* (27), *кобальта* (21), *цинка* (16), *урана* (14), *свинца* (12), *меди* (11%), одними из крупнейших в мире запасами *золота*, *платиноидов* и других цветных и редких металлов³.

Часть этих запасов активно вовлекаются в промышленную разработку. Например, в первой половине 2000-х годов из общего объема добываемых в мире полезных ископаемых на долю России приходилось *никеля* — 22%, *цветных и редких металлов* — 13%, в том числе *палладия* — примерно 60%.

Россия занимает особое положение на мировом рынке *платиноидов*, поэтому рассмотрим данную отрасль российской цветной металлургии несколько более подробно, в частности с учетом испытываемого Китаем определенного дефицита этих металлов.

К платиноидам относится платина, а также палладий и родий. Платиноиды долгое время относили к побочным продуктам, и спрос на них начал расти по мере развития научно-технического прогресса.

Следует подчеркнуть, что на мировом рынке роль платины и платиноидов как драгоценных металлов снижается, а как *сырья для высокотехнологичных отраслей* — растет, что связано, прежде всего, с мощным развитием электроники, мобильной связи (одним из основных компонентов мобильного телефона является слоистый конденсатор на *палладии*) и защитой окружающей среды (фильтры для автомобилей и др.).

Крупнейшими мировыми производителями *платины* являются ЮАР и Россия, кроме этих стран, производят платину в США, Канаде и Зимбабве. Китай, таким образом, по имеющимся у нас данным, не входит в число мировых лидеров-производителей платиноидов.

Производство платины в России в конце 1990-х годов упало почти на 1/3 из-за сокращения добычи никеля и меди (платина является побочным продуктом при разработке коренных месторождений медно-никелевых сульфидных руд), тем не менее страна ныне удерживает 2-е место в мире (после ЮАР) по производству металлов платиновой группы.

Ежегодный объем добычи платины и платиноидов в России составляет около 130–140 т, а объем экспорта — примерно 37 т. Стоимость ежегодного российского экспорта платиноидов — около 1,5 млрд долл. (по состоянию на середину 2000-х годов).

Россия занимает уникальное положение на мировом рынке *палладия*: на ее долю приходится до 50–70% всех его мировых поставок.

Созданные в прошлые годы инфраструктура и производственные мощности по добыче и производству цветных, редких и благородных металлов пока не только обеспечивают внутренние потребности экономики *России*, но также позволяют поставлять значительную часть минерального сырья на внешний рынок.

Вместе с тем по удельному показателю *обеспеченности активными запасами* (отношение запасов к текущей годовой добыче), разработка которых экономически целесообразна по критериям мирового рынка, Россия *по ряду видов минерального сырья* заметно уступает отдельным зарубежным странам.

Только по *золоту, серебру и алмазам* этот показатель выше общемирового. По многим видам минерального сырья обеспеченность составляет всего 25–50 лет, а по *свинцу, цинку, сурьме и россыпному золоту* — менее 20 лет.

Кроме того, на территории России отсутствуют отвечающие современным требованиям промышленности разведанные запасы *марганцевых, хромовых, циркониевых руд*, дефицитны высококачественные *бокситы*. Потребность промышленности России в *марганце, хrome, ртути, сурьме, титане* и ряде других видов минерального сырья почти полностью обеспечивается поставками из бывших союзных республик.

По важному показателю *ресурсонасыщенности* экономики страны — количеству потребляемых ресурсов или продуктов их первичной переработки на душу населения — Россия, как и Китай, пока значительно уступает промышленно развитым странам.

Существенный урон народному хозяйству РФ наносит *низкая комплексность* (по отношению к мировому уровню) в использовании добытых полезных ископаемых. В частности, наиболее значительны потери на стадии переработки добытых руд. В отвалах горнодобывающих предприятий безвозвратно теряются многие ценные компоненты, содержащиеся в рудах. Так, в настоящее время из добытых и прошедших обогащение хибинских апатитовых руд отбирается и направляется на переработку для получения глинозема лишь 15% нефелинового сырья, что приводит к потере 2,5 млн т глинозема в год.

Практически не извлекаются *стронций и редкоземельные элементы*. Например, по имеющимся данным, при плавке *медно-никелевых* руд на Норильском металлургическом комбинате более 1 млн т остродефицитной для России серы выбрасывается в атмосферу. Здесь же не извлекают достаточно полно *платиноиды и кобальт*.

Несмотря на весьма острые проблемы в добывающей промышленности России, именно эта отрасль обеспечивает почти 1/3 валютных поступлений страны.

Таким образом, Россия в целом превосходит Китай как по общему объему разведанных и прогнозных запасов цветных металлов, так и по удельному показателю *обеспеченности активными запасами* (отношению запасов к текущей добыче). Это особенно очевидно проявляется по таким позициям, как *медь, никель, палладий и другие платиноиды*, несколько менее рельефно — по *серебру, золоту, алюминию, олову, германию, стронцию* и другим редким металлам.

Китай, в свою очередь, явно превосходит Россию по таким позициям, как *сурьма, вольфрам, свинец, цинк, марганец*, а также по *цирконию, танталу, ниобию* и другим редкоземельным металлам.

Взаимодополняемость природно-ресурсных потенциалов России и Китая по указанным выше и другим позициям является наиболее объективной, базовой предпосылкой активизации и развития разностороннего *сотрудничества между нашими странами в сфере цветной металлургии*.

¹ Подробнее см.: Карлусов В.В. Российско-китайские экономические отношения в интеграционном поле Евразии // Мировое и национальное хозяйство. Интернет-журнал МГИМО (У) МИД России. М., 2008. № 2. URL: http://mirec.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=68

² По данным: WORLD MINERAL PRODUCTION . 1999–2007. Keyworth, Nottingham British Geological Survey 2008; URL: <http://www.metalinfo.ru/ru/news/>

³ См.: Национальный доклад «Стратегические ресурсы России» // Информационно-аналитические материалы. М., 1996. С. 35.

Ларин А.Г.,
к. филол. н., ИДВ РАН

КИТАЙСКИЕ РАБОЧИЕ В РОССИИ*

Использование китайской рабочей силы в Российской Федерации началось со второй половины 1980-х годов. Децентрализация внешне-экономических связей в стране дала толчок дальнейшему развитию

* Подготовлено при содействии Фонда международных научных обменов им. Цзян Цзинго (Chiang Ching-kuo Foundation for International Scholarly Exchange, Taipei).

этого вида хозяйственного сотрудничества с КНР. В 1992 г. был подписан базовый двусторонний документ — «Соглашение о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России», зафиксировавший принципы привлечения рабочей силы. Оно должно производиться «на основе контрактов (хозяйственных договоров), заключаемых между предприятиями России и утвержденными Министерством внешних экономических связей и внешней торговли КНР компаниями по внешнеэкономическому сотрудничеству министерств и ведомств, провинций, автономных районов и городов КНР». Срок пребывания китайских граждан по контракту не должен превышать 3 лет.

В течение почти всех 1990-х годов количество привлеченных рабочих, испытывая определенные конъюнктурные колебания, все же превышало 20 тыс. ежегодно, а в «нулевых» годах поднималось до уровня 30 тыс. и более¹. До конца 2007 г. Китай направил в Россию в общей сложности примерно 320 тыс. рабочих. На конец 2007 г. в стране трудились около 31 тыс. рабочих из КНР².

Доля китайцев в общем балансе иностранной рабочей силы особенно заметна в Дальневосточном регионе России, страдающем от сокращения населения и нехватки рабочих рук не только вследствие общенационального демографического спада, но и из-за миграции жителей в более благополучные районы страны. Так, в Хабаровском крае на конец 2007 г. численность иностранных рабочих, прибывших почти из 30 стран, составила 25,1 тыс. человек, или 3,4% от общего числа занятых. В 2007 г. среди иностранных рабочих 1-е место принадлежало гражданам КНР (37,3%), за ними вплотную следовали мигранты из стран СНГ (32,3%)³.

Распределение китайских рабочих по отраслям хозяйства можно вычислить на основании данных ФМС: в 2006 г. в строительстве было занято 55,7% трудящихся, в сельском хозяйстве — 24,5%, в лесном хозяйстве — 19,7%. Они работают не только на Дальнем Востоке и в Сибири, но и в отдельных точках европейской части России.

Нет необходимости лишний раз распространяться о профессиональных достоинствах китайских рабочих. Они отличаются трудолюбием, дисциплинированы, неприхотливы в быту, согласны довольствоваться невысокой оплатой своего труда. Данные об их зарплатах не афишируются, но в публикациях на эту деликатную тему обычно фигурируют числа порядка 3—5 тыс. рублей. Дополнительная ценность импортной рабочей силы для России проистекает из дефицита лиц, владеющих рабочими профессиями, возникшего вследствие

разрушения системы профессионально-технического образования в годы реформ.

Выход китайских строителей на российский рынок происходит в различных организационных формах. Во-первых, это непосредственный наем рабочей силы через рекрутинговые компании. (Из объявления: «Китайские рабочие готовы выехать на следующих условиях: рабочее приглашение на работу, проживание, питание, проезд за счет работодателя. Рабочее время 10–12 часов, 6 рабочих дней в неделю. Контракт 1 год».)

Второй способ привлечения китайских строителей — подряд, в рамках которого они выполняют все виды работ: проектирование, возведение объекта, отделку, поставку оборудования и материалов, предоставление рабочей силы. К достоинствам китайского труда здесь добавляется относительно невысокая стоимость китайских стройматериалов, включая цемент, керамогранит, стекло и арматуру. Однако чаще всего сотрудничество ограничивается субподрядом на возведение кирпичной или бетонной коробки.

Третий вариант — это когда китайские строители выступают в качестве застройщиков. В числе проектов, которые доверено осуществить китайским застройщикам, значится, например, уникальный комплекс «Балтийская жемчужина» в С.-Петербурге. С деятельностью китайских застройщиков связано возведение жилых микрорайонов на сотни и тысячи квартир в Твери, Кемерове, Благовещенске, Иркутске и других городах. Нельзя не упомянуть о компаниях КНР как о важнейших участниках строительства крупнейшего многофункционального комплекса — китайского делового центра «Парк Хуамин» в Москве.

Китайская сторона самым серьезным образом заинтересована в экспорте трудовых ресурсов и предлагает увеличить его объемы, а также объемы подрядных работ, что должно способствовать расширению инвестиционного сотрудничества.

В КНР откровенно говорят о горьком опыте, накопленном в России: «Эффективность работы правительственных структур низка, чиновники коррумпированы, взяточничество распространено повсеместно, решения могут не исполняться, оформление пересечения границы работниками запутано и требует много времени» и т.д. Учитывая существующие в российском обществе опасения, китайские официальные лица заверяют: «Проблема трудоустройства в Китае будет решена за счет экономического развития, государство не намерено перекладывать решение этой проблемы на плечи других.

Это означает, что все китайские рабочие, выехавшие в зарубежные страны на основе соглашений о сотрудничестве в сфере трудовых услуг, должны будут вернуться на родину по истечении срока контракта. Китайские рабочие не будут создавать проблем, касающихся занятости и миграции, в пригласивших их странах».

Серьезным тормозом для более широкого использования китайского труда служат недостаточный инвестиционный потенциал большинства китайских строительных компаний и низкая квалификация работников: в основном они подготовлены лишь для простейшего физического труда — укладки кирпича и бетона или отделки. Завлекательные рекламы рекрутинговых агентств далеко не всегда соответствуют действительности.

Вся логика развития экономики России и российско-китайских связей ведет к тому, что в сотрудничестве двух стран значительную роль будут играть крупные строительные проекты, для осуществления которых станут привлекаться большие партии китайских строителей. Собственно, в период такого рода взаимодействия мы уже вступили и первый опыт уже накоплен. Он свидетельствует о том, что простым увеличением завоза рабочих здесь не обойтись: переход к новым масштабам требует особо тщательной подготовки, скрупулезного планирования, четкого распределения ответственности, то есть качественно иного взаимодействия, нежели при приеме мелких партий гастарбайтеров. Примером этому могут служить многочисленные неувязки и сбои, возникшие в 2007 г. при использовании китайских рабочих на строительстве якутского участка нефтепровода «Восточная Сибирь—Тихий океан».

В сельском хозяйстве России трудится в 2 с лишним раза меньше китайских рабочих, чем в строительстве. Основной ареал их деятельности, как и у строителей, — Дальний Восток и Восточная Сибирь, но постепенно они добираются и до европейской части России. По китайской статистике, в 2006 г. крестьяне одной только пров. Хэйлунцзян, являющейся главным поставщиком трудовых ресурсов в Россию, обработали на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири более 2,1 млн му (более 130 тыс. га) земли, совершив для этого 35 тыс. человеко-выездов в Россию⁴. В Еврейской АО китайские крестьяне в 2006 г. выращивали сою на 2500 га, овощи и бахчевые — более чем на 400 га⁵.

В то же время идеи сдачи земли в аренду на десятки лет или ее продажи иностранцам вызывают в обществе недвусмысленное отторжение, сопровождающееся резкой критикой в адрес властей за

неспособность использовать собственные резервы для возрождения сельского хозяйства.

До наступления финансово-экономического кризиса в России китайский труд понемногу начал применяться не только на стройках и лесоповале, но и в заводских цехах. Однако в кризисный период предпочтение, естественно, отдается собственным гражданам.

В будущем же, после выхода России из кризиса, организованный труд китайских мигрантов на временной основе может получить, по всей видимости, более широкое распространение, чем это было прежде.

¹ Карлусов В., Кудин А. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3. С. 82–83; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток: Дальнаука. 2006. С. 112, 115–116.

² Жэньминь жибао он лайн. 19.06.2008.

³ Там же.

⁴ Жухэ цзяцян Чжун Э лаоу цзо хэ цзо [Как укрепить китайско-российское сотрудничество по трудовым услугам]. URL: http://www.crc.mofcom.gov.cn/crweb/crc/info/Article.jsp?a_no=39064&col_no=18 (04.08.2006).

⁵ Там же.

Терентьева Т.Г.,
ИДВ РАН

РАЗВИТИЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ КИТАЯ ЗА РУБЕЖОМ

1. В последние годы деятельность внешнего подрядного строительства Китая развивается стремительными темпами. За период 2001–2007 гг. среднегодовые темпы прироста в этой сфере составили 28,8%. Объем выполненных подрядно-строительных работ за рубежом в 2007 г. достиг 40,6 млрд долл. По этому показателю Китай в 2005 г. вышел на 6-е место в мире, а в 2007 г. — на 4-е место после США, Японии и Франции. В настоящее время реализуются более 4000 строительных проектов в более 180 странах и регионах мира, в том числе около 400 проектов — крупные, с суммой контрактов, превышающей 100 млн долл.

В процессе развития внешнего подрядного строительства за рубежом наблюдается устойчивое повышение конкурентоспособности китайских предприятий на международном рынке. Об этом свидетельствует тенденция неуклонного роста количества выигранных строительных тендеров, а также рост числа проектов стоимостью более 100 млн долл. (в 2000 г. число таких проектов было 9, в 2005 г. — уже

49). Сумма контракта крупнейшего проекта в 2000 г. составляла около 500 млн долл., в 2005 г. — 6,25 млрд долл. Заключенный в 2005 г. контракт с Алжиром на строительство автомагистрали «Запад — Восток» до сих пор является самым дорогим проектом Китая за рубежом. Тендер на строительство был выигран в результате конкуренции с европейскими и американскими проектными компаниями.

За последние годы значительно расширена сфера деятельности китайских строительных предприятий. Если первоначально основные объекты были сконцентрированы в трудоемких отраслях и связаны с такими видами работ, как строительство зданий и инженерно-дорожных сооружений, то в последнее время значительная часть проектов относится к наукоемким сферам — электроэнергетике, металлургии, нефтехимии, электронной телекоммуникации и др. За последние годы существенным образом изменилась типовая модель подрядного проекта. Предприятия, заключающие международные контракты, все в большей степени применяют инвестиционную составляющую. При возведении строительных объектов китайские компании активно используют такую форму инвестиционного сотрудничества, как лизинг, предоставляя для реализации строительных проектов технику и оборудование. Особенно это характерно для проектов в Азии и Африке.

Постепенно оптимизируется структура субъектов подрядно-строительной деятельности. Растет удельный вес крупных специализированных компаний. В настоящее время количество предприятий, имеющих лицензии на осуществление внешней подрядной деятельности, составляет 3 тыс., тогда как в 2005 г. их было чуть более 1,7 тыс. В 2007 г. 51 китайское предприятие было включено в список 225 крупнейших мировых подрядчиков, из них 13 вошло в первую сотню. Многие китайские компании, занимающиеся подрядными контрактами, стали транснациональными корпорациями, создали собственную производственно-торговую сеть.

Несмотря на разразившийся в 2008 г. мировой финансовый кризис, ситуация в подрядно-строительной деятельности Китая не ухудшилась. В I квартале 2009 г. доходы от выполнения подрядно-строительных работ за рубежом достигли 12,43 млрд долл., увеличившись на 32,6% по сравнению с тем же периодом 2008 г., были подписаны новые договоры на сумму 33,55 млрд долл. с приростом 57,5%. В январе—марте Китай получил право на строительство 101 объекта, договорная сумма каждого из которых превысила 50 млн долл. (в аналогичный период прошлого года этот показатель составил 70).

Правовому обеспечению развития данной сферы в соответствии с нормами международного права способствовало присоединение КНР к ВТО. После его успешного завершения в 2001 г. в Китае был принят ряд новых нормативных актов, направленных на совершенствование работы по заключению подрядных проектов и развитию сотрудничества в сфере трудовых услуг за рубежом. В 2004 г. Министерством коммерции приняты «Административные меры», согласно которым выдаются разрешения на право ведения подрядного строительства за рубежом. На их основе регулируется деятельность всех предприятий, организаций, филиалов, отделений и представительств за границей, которые заключили контракты по строительным проектам и трудовым услугам (претенденты должны иметь уставный фонд свыше 5 млн юаней, офис не меньше 300 кв. м, не менее 5 профессионалов с высшим образованием в этой сфере, не менее 2 административных и финансовых работников и юриста, а также платить взносы).

2. Участие китайских компаний в подрядно-строительных работах в России началось с 1992 г. К концу 1990-х годов в этой сфере на территории России работали 62 компании, в 2002 г. их число увеличилось до 122. По количеству подрядных работ в России лидируют компании северо-восточных провинций и Автономного района Внутренняя Монголия. Их деятельность в основном сконцентрирована на территории Сибири и Дальнего Востока.

Китайский бизнес крайне заинтересован в строительных объектах на территории России, где важную роль играют проекты со значительными объемами инвестиций. К наиболее крупным относятся: строительство микрорайона в Санкт-Петербурге (проект «Балтийская жемчужина» оценивается в 1,3 млрд долл.); строительство китайского делового центра «Парк Хуамин» в Москве (более 300 млн долл.); строительство в Москве высотного здания «Башня Федерации» (58 млн долл.); строительство приграничного торгово-промышленного комплекса «Пограничный—Суйфэньхэ» в Приморье (240 млн долл.); строительство и развитие микрорайона «Весна» в Красноярске (500 млн долл.).

При сооружении крупных объектов, особенно в регионах, заключаются договоры о строительстве за счет китайских инвестиций цементных, кирпичных и других вспомогательных производств. Уже подписаны инвестиционные контракты на строительство семи кирпичных и одного цементного завода, первый из которых будет расположен в Рязанской области. После завершения строительства российская сторона должна выплатить китайской сумму, оговоренную в

совместном контракте, после чего собственником объекта становится российская компания. С российской стороны гарантом выполнения заключенных договоров является Внешэкономбанк, с китайской — Банк Китая. Перспективным направлением является и сооружение китайской стороной на территории России мостов, по строительству трех таких объектов уже достигнута договоренность.

Двусторонняя заинтересованность в сотрудничестве подтверждается подписанием в 2006 г. совместного меморандума между Ассоциацией строителей России и Ассоциацией строителей Китая, согласно которому на российский рынок выйдут 13 китайских строительных компаний. Участие китайских строителей планируется в 40 проектах по всей России, а инвестиционное участие китайских строительных компаний составит несколько миллиардов долларов. Особое значение с точки зрения стимулирования взаимного сотрудничества в инвестиционной сфере имеет участие китайских компаний в тендерах на строительство во Владивостоке, где в 2012 г. будет проведен саммит АТЭС, и олимпийских объектов в Сочи. Именно с реализацией инвестиционных строительных объектов по подготовке Олимпиады и саммита АТЭС связывают рост китайских инвестиций в России до 12 млрд долл.

Важным фактором привлечения китайских строительных компаний является невозможность удовлетворения потребностей российского рынка собственными силами. Заинтересованность России в китайских строительных проектах связана, прежде всего, с наличием инвестиционных средств у китайских компаний, большого опыта в организации строительства, а также дешевой рабочей силы. При сохранении набранных темпов сотрудничества китайские строительные компании могут занять заметную нишу строительного рынка России (по некоторым оценкам, до 30–35%).

Таким образом, Китай уже является одним из крупнейших международных подрядчиков. По мнению экспертов, в дальнейшем его позиции будут укрепляться. Зарубежное подрядное строительство КНР не только способствует экономическому росту, но и решает проблему трудоустройства населения, укрепляет конкурентоспособность китайских предприятий на мировом рынке.

НЕФТЕГАЗОВЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В НАЧАЛЕ XXI века (ЕВРАЗИЙСКИЕ АСПЕКТЫ)

Экономический подъем Китая, сопровождающийся активизацией энергетической дипломатии КНР, оказывает все большее влияние на изменение роли энергетического фактора в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на развитие российско-китайских отношений, актуализируя совместные проекты России и Китая в нефтегазовой сфере. В настоящий момент Китай занимает 2-е место в мире по потреблению сырой нефти, при том, что разведанных запасов этого вида сырья стране хватит лишь на 20 лет (3,3 млрд т.). Специалисты утверждают, что, несмотря на растущую «комплексную мощь» Китая, рост потребления нефтепродуктов в КНР поставит перед страной серьезные проблемы в сфере энергетической безопасности. С 2004 г. Китай формирует стратегический нефтяной запас, создавая специальные нефтехранилища в провинциях Чжэцзян, Шаньдун, Ляонин и др., однако это не снижает степень зависимости КНР от углеводородного импорта.

Взаимодействие России и Китая в нефтегазовой отрасли осуществляется в нескольких основных направлениях:

- экспорт российского углеводородного сырья (поставка нефти из РФ в КНР в 2006 г. превысила 15 млн т.);
- привлечение китайских компаний к геологической разведке нефтяных месторождений в России;
- участие России в строительстве газопровода в Китае (прокладка «Газпромом» газопровода из западных районов Китая в Шанхай);
- инвестиции в строительство нефтеперерабатывающих заводов на территории РФ;
- торговля горнорудным и нефтегазовым оборудованием, его техническое обслуживание.

Эксперты рассматривают реальные возможности развития российско-китайских энергетических отношений не только в сфере импорта, но и в области добычи и переработки сырья. Среди перспективных общих проектов необходимо назвать:

- создание совместного предприятия «Восток—Энерджи» (51% акций — у российской стороны), с целью разведки и разработки российских нефтяных месторождений, строительства НПЗ и экспорта продукции в Китай (соглашение CNPC и «Роснефти», октябрь 2006 г.)¹;

- строительство в КНР компанией «Роснефть» 300 автозаправочных станций и нефтеперерабатывающего завода с рабочей мощностью в 100 млн т²;

- совместная эксплуатация компаниями CNPC, «Роснефть» и «Газпром» нефтегазовых месторождений в Арктике (переговоры начала 2007 г.).

Поставки специального нефтегазового оборудования в Россию становятся важной сферой деятельности госкорпораций КНР. В соответствии с имеющимся территориальным размежеванием интересов китайских корпораций (CNPC, Sinopec) российское направление является приоритетом Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC), с которой в 2005 г. «Роснефть» подписала Рамочное соглашение о долгосрочном сотрудничестве.

CNPC выступает одной из самых мощных государственных корпораций в Китае и занимает 7-е место среди первых 50 нефтяных компаний в мире. В ее состав входят такие предприятия-гиганты, обладающие сложной и разветвленной структурой, как Китайская нефтяная корпорация по технике и разработке (CPTDC), Китайская нефтяная корпорация по снабжению материалами и оборудованием (CPMEC), Китайская национальная корпорация по развитию и разработке нефти и газа (CNODC), Китайская национальная объединенная нефтяная компания (China Oil), Китайская национальная морская корпорация. CPTDC призвана играть роль крупнейшей профессиональной внешнеторговой компании, производителя и поставщика нефтяных и нефтехимических материалов, оборудования и технологий. В целом, CPTDC имеет 38 филиалов в 26 странах мира на пяти континентах. Корпорация объединяет более 200 предприятий, изготавливающих оборудование и нефтехимическую продукцию, предоставляющих различные инженерные услуги. Объем экспорта корпорации в 2006 г. составил 1700 млн долл.³

Анализ специфики и основных проблем деятельности CPTDC в России в контексте укрепления российско-китайского энергетического сотрудничества показывает следующее. Расширяя сеть своих отделений на постсоветском пространстве, CPTDC как одна из дочерних компаний CNPC в 2002 г. открыла свой главный офис в России в г. Тюмени — центре «нефтяного края» РФ. В отличие от Центральной Азии, где корпорация осуществляет еще и геологоразведку и добычу углеводородов, в России добычу нефти и газа китайские компании не осуществляют, а потому область деятельности CNPC в РФ — экспорт и импорт нефтегазового оборудования, послепродажный сервис и техническое обслуживание. Основными статьями поставок CPTDC в Россию являются

буровое оборудование (мобильные буровые установки, долота, бурильные и обсадные трубы, винтовые забойные двигатели, гидравлические ключи), а также установки по очистке воды, которые особо востребованы на месторождениях (повышают производительность нефтяных скважин). Буровые установки КНР, привлекательные с точки зрения цены, качества и удобства доставки по железной дороге, будут все более востребованы на российском рынке, поскольку нефтяные компании весьма заинтересованы в максимальной финансовой отдаче. В 2006 г., реагируя на рост потребностей российского рынка в продукции нефтяного машиностроения, СРТДС учредила предприятие ООО «ЕврАзия» на базе генерального офиса в г. Тюмени. На текущий момент эта компания по торговле и обслуживанию — единственная в своем роде на территории Российской Федерации и является первым официальным шагом, закрепляющим позиции Китая в данном сегменте рынка⁴. За более чем 3-летний срок работы она смогла установить контакты с различными нефтяными и сервисными предприятиями России, а также с научно-исследовательскими и проектными институтами, приняла участие в тендерах на поставку бурового оборудования, организованных компаниями «Сургутнефтегаз», «ТНК-ВР», «Газпром», а также в ряде специализированных выставок. Помимо осуществления поиска партнеров в России и импортеров техники, производимой заводами СРТДС, «ЕврАзию» интересует заключение контрактов на поставки российского оборудования в КНР, аналогов которого не имеется в Китае, либо они уступают российским (удлиненные шасси «Урал» и т.д.), а также продуктов нефтепереработки и нефтехимии.

Российские эксперты выносят следующие рекомендации китайскому государству для повышения эффективности деятельности его корпораций в России:

- необходимость учета внутренней ситуации и энергетической стратегии России при подборе устраивающих стороны способов кооперации, в которых приоритет должен отдаваться сотрудничеству с государственными компаниями;
- ориентация на взаимные интересы с отказом от стремления приобретать действующие российские компании и промыслы, а также получения выгоды в краткие сроки;
- переход от двустороннего энергетического сотрудничества к многостороннему в целях уменьшения противодействия внутриполитических сил и распределения рисков между странами.

Исходя из этого, а также в условиях невозможности прямой покупки Китаем акций российских компаний, дивиденды Китай по-

лучает от участия в разведке и освоении месторождений, а также от поставки оборудования и его сервисного обслуживания.

Принимая во внимание фактор «турбулентности» в мировой политике, сопровождающей трансформацию международной системы, Китай стремится получить гарантии обеспеченности углеводородами и устойчивости торговых связей в области нефтяного оборудования и нефтехимии со стороны стран-партнеров, среди которых наиболее перспективной является Россия. Китайские госкорпорации, включая CNPC, последовательно реализуют энергетическую стратегию КНР. Поэтому все нюансы этой стратегии должны быть изучены разработчиками российской энергетической политики, нефтегазовыми компаниями, производителями нефтяного оборудования и соотнесены с российской стратегией для отчетливого осознания интересов России в нефтегазовом взаимодействии с Китаем и выработки наиболее приемлемых способов сотрудничества⁵. Налаживание устойчивого «нефтегазового диалога» между Китаем и Россией на фоне растущей взаимозависимости энергетических политик различных государств и перестройки глобальной экономической системы послужит не только углублению стратегического партнерства, но и повышению уровня регионального сотрудничества, позволяя сделать очередной шаг на пути к созданию надежной и функциональной системы региональной безопасности.

¹ Годовой отчет CNPC за 2006 г. Пекин, 2007. С. 2.

² Китайский НПЗ // Эксперт-онлайн. 2 марта 2009. URL: www.expert.ru/news/2009/03/02/rosneft-cnpc-npz

³ Китайская нефтяная корпорация по технике и разработке // Тюменская губерния. Март 2007. С. 3.

⁴ Интервью представителя СРТДС и генерального директора ООО «ЕврАзия» Ли Хэцзюня. 12.05.2009.

⁵ Бергер Я.М. Об энергетической стратегии Китая // URL: www.carnegie.ru/ru/pubs/media/70487.htm

Троекурова И. С.,

К. Э. Н.,

Саратовская государственная академия права

РЕАЛИЗАЦИЯ ДВУСТОРОННЕГО РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОГЛАШЕНИЯ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ НЕФТЕПРОВОДА «ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ – ТИХИЙ ОКЕАН»

Энергетические ресурсы, несмотря на мировой финансовый кризис, по-прежнему выступают рычагом в переустройстве мира. В активную борьбу за них включился новый игрок – Китай. От того,

удастся ли этой стране гарантировать себе источники нефти и газа, зависит будущее КНР как мировой супердержавы.

Наличие террористической угрозы, а также политическая нестабильность в некоторых регионах мира, являющихся поставщиками энергоресурсов, ставят под вопрос возможность бесперебойных поставок энергоресурсов в КНР.

Зависимость Китая от импортной нефти достигла 47% (к 2020 г. она превысит 60%). Спрос на нефть в КНР возрастет с 7,5 млн баррелей в 2006 г. до 21 млн баррелей в сутки к 2020 г. (именно столько сейчас используют США)¹.

Для поставок нефти в регион АТР в 2005 г. было решено начать строительство трубопроводной системы «Восточная Сибирь—Тихий океан» (ВСТО) (протяженность — более 4 тыс. км, мощность — 80 млн т) с ответвлением на КНР. В 2006 г. для снижения экологических рисков маршрут трубопровода был изменен (стал дальше на 40 км от Байкала за пределами водозаборной зоны, удлинён на 400 км)². Система ВСТО начнется в г. Тайшет (Иркутская область) и будет протянута до Сковородино (Амурская область) и от Сковородино до бухты Козьмино (Приморский край).

Ответвление нефтепровода ВСТО начнется у Сковородино (Амурская область) и пройдет до г. Дацин (Китай, пров. Хэйлунцзян). По ответвлению на КНР (до г. Дацин) будет поставляться 30 млн т нефти в год (пока нефть поставляется по железной дороге), по маршруту Сковородино—Козьмино — 50 млн т.

Однако что произойдет в реальности, сказать сложно. Ведь пока российская сторона строит только первую часть этого нефтепровода, которая заканчивается у точки под названием «Сковородино». Это ключевое место: от него можно протянуть трубопровод как в Китай, так и к берегу Тихого океана. Следовательно, при желании можно пересмотреть план и все 80 млн т направить в Китай. И если за время строительства трубы уровень потребления нефти в Китае вырастет, то весьма вероятно, что предполагаемые объемы поставок, 30 млн т, могут быть действительно пересмотрены.

Восточный нефтепровод важен как для Китая, так и для России, поскольку выступит побуждающим стимулом для развития Восточно-Сибирской нефтегазовой провинции. Предполагается, что основой ресурсной базы для трубопроводной системы ВСТО станут 4 месторождения — Ванкорское в Красноярском крае (лицензия принадлежит «Роснефти»), Верхнечонское в Иркутской области (лицензия принадлежит «Верхнечонскнефтегазу», вла-

дельцы — ТНК—ВР и «Роснефть»), Талаканское в Якутии (разрабатывается «Сургутнефтегазом») и Юрубчено-Тохомское в Эвенкии («Роснефть»)³.

«Роснефть» планирует к 2012 г. вывести Ванкорское месторождение на уровень добычи 18—19 млн т нефти в год, из которых 15 млн т будет направлено в систему «Восточная Сибирь—Тихий океан». Одновременно выйдет на проектную мощность (7,5—10 млн т нефти в год) Верхнечонское месторождение ТНК — ВР и «Роснефти». Примерно в это же время «Сургутнефтегаз» достроит нефтепровод до Усть-Кута, который соединит Талакан с системой «Восточная Сибирь—Тихий океан», и начнет добывать на месторождении до 23 млн т нефти в год. Вместе с Юрубчено-Тохомским участком потребности в прокачке нефти на экспорт только с этих крупнейших месторождений могут составить до 60 млн т в год. Это означает, что через несколько лет встанет вопрос о расширении мощности нефтепровода⁴.

Основной объект инвестиций «Роснефти» в настоящее время — Ванкорское месторождение. В I квартале 2009 г. 85% от общего объема инвестиций компании направлялось на проекты по добыче нефти, половина из них — на Ванкорское месторождение. Ранее предполагалось, что добыча нефти здесь начнется в конце 2008 г., однако из-за финансового кризиса компании пришлось перенести сроки завершения проекта. Сейчас, как полагают эксперты, все усилия будут направлены непосредственно на решение этого вопроса.

17 февраля 2009 г. завершились китайско-российские переговоры по крупным нефтяным проектам. Государственная нефтяная корпорация Китая — Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК) и российские компании «Транснефть» и «Роснефть» подписали ряд соглашений, касающихся⁵:

- прокладки нефтепровода Сковородино — российско-китайская граница (67 км через приграничный китайский город Мохэ) — далее Дацин (около 960 км); ожидается, что поставки нефти российскими компаниями начнутся в январе 2011 г.;

- предоставления кредитов российской стороне на сумму 25 млрд долл. под 5% годовых (15 млрд долл. — «Роснефти», 10 млрд — «Транснефти»);

- объемов долгосрочных поставок нефти в Китай (20 лет по 15 млн т в год)⁶.

Подписание соглашений и о долгосрочных нефтяных продажах, и о кредитах пришлось как раз на период мирового финансового кри-

зиса, когда Россия очень нуждается в средствах, что может явиться гарантией выполнения соглашений. Это знаменует выведение сотрудничества двух стран в энергетической области на новый уровень и имеет позитивное значение для диверсификации поставок энергоносителей в Китай и диверсификации энергетического экспорта России. Эффект будет зависеть от продвижения и реализации долгосрочного сотрудничества.

Подписание соглашений о долгосрочной продаже нефти и нефтепроводе является рациональным выбором российской и китайской сторон на фоне падения цены на нефть в мире в условиях мирового финансового кризиса. Для Китая и России это взаимовыгодно. В качестве страны-экспортера нефти Россия стоит перед проблемой диверсификации экспорта. Благодаря данным соглашениям, Россия сделала важный шаг в этом направлении. Китай станет значимым рынком для экспорта сырой нефти из восточносибирских месторождений России. Для Китая — страны-потребителя нефти диверсификация энергетических поставок очень важна в плане обеспечения безопасности снабжения энергоносителями. Сейчас большая часть нефтяного импорта Китая проходит через Малаккский пролив. Давление и риски морских перевозок очень велики, поэтому Китай нуждается в диверсификации нефтяных перевозок и способов снабжения.

При этом, что будет с долларом в перспективе мирового кризиса, сказать трудно, а вот то, что 30 млн т нефти, что в 2009, что в 2019, что в 2029 г. останутся все теми же тоннами — сомнений не вызывает.

По мере развития китайской экономики возрастает потребность Китая в энергоносителях. Россия богата электроэнергией, ядерной энергией, углем и другими энергоносителями, поэтому расширение сотрудничества в области энергетики важно для развития экономик обеих стран.

¹ См.: *Галаджий И.* Энергетический спрут // Нефть России. 2007. № 8. С. 105.

² Строительство ведется в тяжелейших условиях, и, несмотря на то, что первая очередь ВСТО была удлинена на 500 км, пока все идет в соответствии с графиком.

³ См.: О российско-китайском сотрудничестве в энергетике // БИКИ. 2006. № 44. С. 4.

⁴ См.: *Смирнова О.* Смена ориентации // Профиль. 2006. № 19. С. 45.

⁵ <http://narodsobor.ru/default.asp?trID=378&artID=5686>.

⁶ См.: Будущий взаимный выигрыш Китая и России // Китай. 2009. № 3. С. 40–41.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ КРУГЛЫМ ЛЕСОМ (1997–2008 гг.)

По мере роста официальных объемов лесозаготовок в России увеличиваются и объемы незаконно заготовленной в лесах страны древесины, все большее ее количество поступает на мировой рынок. Развитие ситуации на рынке древесного сырья, прежде всего при торговле с Китаем и Финляндией, вызывает серьезное беспокойство.

Лесозаготовителям просто невыгодно осуществлять глубокую переработку древесины, поскольку при минимуме затрат на заготовку круглых лесоматериалов можно извлекать так называемые сверхприбыли, уступающие разве что доходам нефтяных отраслей промышленности.

Политика низких цен на ресурсы, дающая лесному бизнесу определенные выгоды на данном этапе в присваивании большей части лесного дохода, в перспективе разрушает основу бизнеса — техническую и технологическую модернизацию производства, поскольку в условиях низких цен на сырье мотивация к техническим новациям отсутствует.

Главной тенденцией российско-китайских торгово-экономических отношений последних лет стало значительное увеличение объемов экспорта российской древесины. Так, в 2004 г. эта группа товаров впервые вышла на 2-е место, а экспорт из России в Китай необработанных лесоматериалов, по китайской статистике, составил около 64% от общего объема экспорта КНР круглых лесоматериалов.

Значительную часть поставок круглого леса из России в КНР занимают хвойные породы, такие, как корейская (маньчжурская) сосна, сосна Бунге, лиственница, камфорная сосна, ель саянская, а из лиственных пород имеются поставки различных пород дуба (кислосма кистевидная), ивы. С началом реализации мер по защите естественных лесов в КНР удельный вес импорта хвойных пород леса неуклонно возрастает, что объясняется стремительным ростом рынка недвижимости и, соответственно, ростом спроса на древесину, применяемую в строительстве и ремонтных работах.

Российский лес быстро занял лидирующие позиции на китайском рынке (рис. 1) не только из-за того, что в Китае проводилась политика по защите естественных лесов, приведшая к огромному разрыву в спросе и предложении на рынке древесины, но и в силу следующих причин:

- Российские породы леса в целом однотипны с породами древесины, растущими в северо-восточной части Китая. Подобная си-

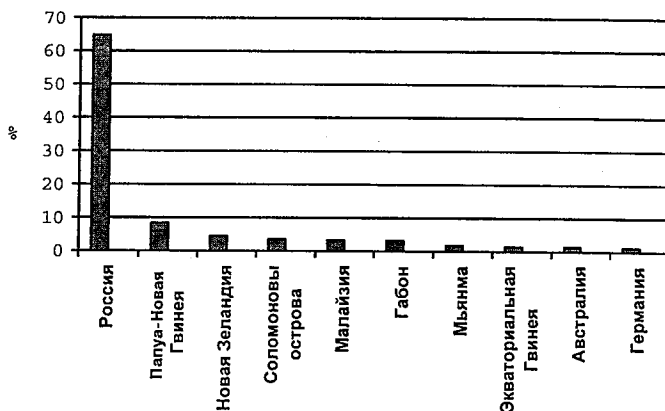

Рис. 1. Доля основных стран-экспортеров круглого леса в КНР в первой половине 2008 г.

Источник: URL:<http://www.china-cbn.com>.

туация позволяет полностью заменить традиционно используемую продукцию и легко принимается китайскими потребителями.

■ Цены на российскую продукцию долгое время были значительно ниже, чем у других поставщиков, — и это привлекало потребителей. Так, в 2004 г. средние цены на круглый лес сосновых пород из России составили 67,69 долл. за 1 куб. м, а цены на аналогичную североамериканскую продукцию — более 100 долл. за 1 куб. м. К тому же российский лес вырастает медленно, естественным способом, и его качество на порядок выше американского пробкового дерева и новозеландской ускоренно выращенной радиоактивно облученной сосны.

Низкие цены на российскую древесину были следствием отсутствия государственной политики в области экспорта «лесной продукции». В настоящее время лесная отрасль Дальнего Востока и ряда субъектов СФО ориентирована преимущественно на экспорт. Еще 15 лет назад экспорт составлял меньшую часть от общего объема вырубаемой древесины, а экономику лесной отрасли определяла глубокая переработка сырья. В структуре экспорта «кругляк» составлял 6–7% от объема заготовки. Поскольку экономические связи советских регионов были тесными и все издержки на транспортировку были нивелированы в центральном бюджете страны, зачастую основная часть продукции реализовывалась в европейской части страны.

Но, начиная с 1992 г., после приватизации государственных заготовительных предприятий, ситуация в лесопромышленном комплексе существенно изменилась. Появилась масса небольших фирм-экспортеров, которые были в состоянии вести рубку леса только в легкодоступных местах, поскольку осваивать удаленные районы не хватало средств. Наиболее ценные леса начали рубить с удвоенной силой — суммарный объем рубок близок к полному использованию расчетной лесосеки.

В целях изменения сложившейся ситуации правительство РФ приняло ряд постановлений, нацеленных на ограничение экспорта круглого леса и стимулирование развития лесоперерабатывающей отрасли. Так, Постановлением правительства РФ от 5 февраля 2007 г. № 75 было введено трехэтапное, на 30% ежегодно, повышение вывозных пошлин на круглый лес — хвойные породы, березу и осину (кроме балансовой древесины), а также ценные и твердолиственные породы. По нему с 1 июля 2007 г. специфическая составляющая вывозной пошлины поднялась до 10 евро за 1 куб. м, с 1 апреля 2008 г. — до 15 евро за 1 куб. м. 1 января 2009 г. должен был состояться последний шаг в повышении пошлин — до 50 евро за куб. м., когда пошлина приобретает запретительный характер. Но в связи с рядом сложностей последний этап перенесен на более поздние сроки. Но даже состоявшееся повышение пошлин внесло определенные, пусть пока и небольшие, изменения в величину объема поставляемого в КНР круглого леса.

Так, по данным китайской таможни, за 11 месяцев 2008 г. поставки «древесины и изделий из нее» в стоимостном выражении увеличились на 3,0%, а в физическом выражении уменьшились на 21,7% (56,66% всего импорта древесины Китая). На долю российского экспорта круглого леса пришлось 63,62% (против 68,40% в 2007 г.) совокупного импорта Китаем круглого леса. Средняя цена 1 куб. м круглого леса из России в ноябре 2008 г. составила 147,30 долл.

При сокращении физических объемов экспорта «кругляка» существенного роста экспорта обработанной древесины в Китай тоже не наблюдается: пока 95% отправляемой из России древесины приходится на круглый лес. Китай является крупнейшим рынком для нас, особенно для наших дальневосточных регионов.

При ряде оптимистичных моментов в российско-китайском сотрудничестве в области лесных ресурсов нельзя забывать и об остающейся острой проблеме, а именно нелегальных рубках, имеющих особое распространение на российском Дальнем Востоке и юговосточных районах Сибири. Они тесно связаны с внутренними социальными и экономическими процессами. Районы, больше ориен-

Рис. 2. Импорт леса-кругляка Китаем, млн куб. м

Источник: URL:<http://www.china-cbn.com>.

тированные на экспорт, имеют более высокий уровень нелегальных заготовок.

По данным органов лесного хозяйства, в первой половине 2008 г. объем самовольно заготовленной древесины составил 33,1 тыс. куб. м, а причиненный ущерб — 829 839 тыс. руб. Самые криминогенные в этом отношении субъекты — Хабаровский край (59% от общего объема самовольно заготовленной древесины), Приморский край (32%), Амурская область (6%); на Республику Саха (Якутия), Еврейскую АО, Сахалинскую область приходится 3% незаконно заготовленной древесины¹.

Импортерам, в частности Китаю, где глубокая переработка хорошо развита, нужен от нас именно кругляк, а не доски, шпон и фанера (рис. 2). Китайские представители могут сколько угодно убеждать, что они согласны сотрудничать с дальневосточными и сибирскими лесопромышленниками в области деревообработки, но в реальности у них нет экономических стимулов инвестировать в лесоперерабатывающие мощности Приморья. Ведь в таком случае Россия будет возить в Китай не сырье, а готовый продукт, и, как следствие, сами китайские предприятия лишатся дополнительных прибылей и рабочих мест. Поэтому после дальнейшего повышения пошлин на вывоз круглого леса Китай может начать поиск других поставщиков сырья.

В заключение хотелось бы отметить, что существует ряд направлений российско-китайского сотрудничества в лесной сфере, которые могут принести обоюдную пользу:

- взаимодействие по вопросам формирования информационной базы данных по китайским специализированным организациям, осуществляющим закупку лесоматериалов в России, и российским лесозаготовительным компаниям с возможностью отслеживания маршрутов поставок в целях предотвращения незаконных лесозаготовок;
- развитие лесовосстановления и лесоразведения в рамках положений Киотского протокола;
- проведение совместных исследований по развитию биологических методов защиты леса от вредителей и болезней;
- разработка совместных согласованных мероприятий для успешной борьбы с лесными пожарами в приграничной полосе, включая установление порядка оповещения сторон об их возникновении, взаимодействия штабов по охране лесов от пожаров, определения дополнительных каналов и схем радиосвязи между китайской и российской сторонами.

¹ <http://www.rosleshoz.gov.ru>.

Романова Г.Н.,

к. и. н.,

*Институт истории, археологии и
этнографии народов ДВ ДВО РАН*

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ

В условиях перехода к рыночной экономике и либерализации внешнеэкономических связей России и Китая активизируется формирование транспортной инфраструктуры. В Федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» отмечается, что из-за значительной удаленности от центра (до 10 тыс. км) регион характеризуется неразвитостью инфраструктуры и высокими тарифами. Транспортная составляющая в цене товаров в ДВФО равняется 55–70%, что является существенным ограничением экономического роста. Главная задача для Дальнего Востока – снизить себестоимость продукции за счет уменьшения доли транспортных расходов. В среднем по России доля транспортных затрат в себестоимости продукции составляет 15–25 %, в странах с развитой рыночной экономикой – 7–8 %.

Юг Приморья продолжает оставаться потенциальной точкой роста и интеграции транспортной системы страны в международную, осуществляется это на базе обслуживания экспортных грузопотоков, доля транзита — около 3%. Такая интеграция носит односторонний характер, нужна современная транспортно-логистическая система, соответствующая уровню окружающих стран — Японии, Республики Корея, Китая. Для развития транспортного потенциала России необходимо усовершенствовать работу Транссибирской магистрали и транспортного комплекса Приморья в целом. В настоящее время четко просматриваются два логистических объекта — Владивостокский и Находкинско-Восточный транспортные узлы. Для развития первого разработан проект «Южный приморский терминал» (в районе пос. Нового). В дальнейшем к нему можно подключить Уссурийск (с выходом на Китай), а также весь Хасанский узел. Построенный на стыке морских и железнодорожных линий терминал станет первым специализированным транспортным каналом для обслуживания транзитных контейнерных грузопотоков. Большие перспективы связывают со строительством логистического центра Находкинско-Восточного транспортного узла в окрестностях с. Хмыловка. Находкинский узел через ст. Угловая связан с Транссибирской магистралью, имеет выход на приграничные станции Гродеково, Махалино—Хуньчунь.

На долю ДВЖД приходится более 96% грузооборота и 1/3 пассажирооборота, выполняемого всеми видами транспорта в регионе. Главные перспективы связываются с развитием грузообразующих секторов: нефтеперерабатывающего, угольного и лесного, а также с формированием контейнерных поездов и развитием рыбной отрасли. Стратегической программой развития российских железных дорог поставлена задача в среднесрочной перспективе обеспечить рост объемов контейнерных перевозок до 330—350 тыс. контейнеров в год, к 2015 г. выйти на 750—800 тыс. контейнеров с последующим их увеличением до 1 млн.

Китай придает огромное значение Транскитайскому (Евразийскому) маршруту Ляньюнган (пров. Цзянсу) — Роттердам (Нидерланды). Эта железнодорожная магистраль в Китае получила название «2-го трансконтинентального евроазиатского моста», или «железнодорожного шелкового пути». Маршрут на 2—2,5 тыс. км короче Транссиба, доставка грузов из порта Ляньюнган в Западную Европу будет обходиться на 20% дешевле и вдвое быстрее (на 20 дней), чем морем через Индийский океан, и на 10 дней быстрее, чем по Транссибирской магистрали. Если раньше Россия считалась единственным транспор-

тным коридором между Европой и Азией, то сегодня у данной географической монополии появился серьезный конкурент.

2 марта 2005 г. из г. Хух-Хото (КНР, Автономный район Внутренняя Монголия) до Франкфурта-на-Майне (Германия) отправился первый экспериментальный состав нового «шелкового пути». В ноябре 2007 г. было объявлено о завершении испытаний и вводе в эксплуатацию этой железнодорожной магистрали. Общая протяженность ее составила 9814 км, время в дороге — от 14,5 до 16 суток. Поезд следует через территории шести государств — Китая, Монголии, России, Белоруссии, Польши и Германии. Прежний путь из Китая в Германию занимал не менее 40 суток и шел морем из Шанхая вдоль южного побережья Евразии, затем через Суэцкий канал в Средиземное море и далее в Атлантику, на Балтику и в Германию. Общая протяженность его составляла 19 тыс. км. Появилась альтернатива в виде поезда, который на официальном сайте РЖД именуется как «Монгольский вектор».

В процессе развития интеграционных экономических связей и встраивания ряда стран и регионов в мировую транспортную систему идет интенсивное формирование международных транспортных коридоров (МТК). В соответствии с Концепцией развития транспорта Российской Федерации до 2010 г. территория Приморского края является «восточными воротами» МТК, два из которых непосредственно связаны с Северо-Восточным Китаем: 1) Трансконтинентальный евроазиатский транспортный коридор, объединяющий Транскорейскую железнодорожную магистраль с Транссибом по схеме «Республика Корея—КНДР—Россия—Европа»; 2) Трансконтинентальный азиатско-американский транспортный коридор «Восток—Запад», объединяющий северо-восточные провинции Китая и западное побережье США по схеме «Приморье-1» и «Приморье-2». *Направление Транспортного коридора «Приморье-1»:* Харбин — Суйфэньхэ — Гродеково — Владивосток/Восточный/Находка — порты АТР. *Направление Транспортного коридора «Приморье-2»:* Хуньчунь — Краскино — Посьет/Зарубино — западное побережье США; грузы также могут направляться в порты Японии, Республики Корея и других стран АТР. Эти транспортные коридоры являются перспективными, но разработка их находится по существу на начальной стадии; 3) Международный евроазиатский транспортный коридор «Северный морской путь» (северо-восточные провинции Китая — «Приморье-1» и «Приморье-2» — Северная Европа).

При определении Китая как приоритетного российского партнера в Северо-Восточной Азии важное значение приобретает сотрудни-

чество в области транспорта, поскольку большая часть границы РФ и КНР проходит по суше. Железнодорожные перевозки составляют 65% всего объема грузопотока между Россией и Китаем. В конце 1990-х годов через железнодорожный переход Забайкальск–Маньчжурия проходило до 75% грузов из КНР и до 50% грузов, направлявшихся из России в Китай, без учета транзита. В 2003 г. экспортные перевозки по этому переходу составили 9,2 млн т. По состоянию на конец 2002 г. грузовые и пассажирские перевозки между Россией и КНР осуществлялись через 23 пограничных пункта, 3 из которых являются железнодорожными, а также транзитом через Казахстан и Монголию. 17 пограничных переходов, в том числе 2 железнодорожных и 9 речных через р. Амур, находятся на территории Дальнего Востока России.

Построенный 100 лет назад переход Маньчжурия–Забайкальск является самым мощным пограничным переходом на российско-китайской границе. Обе стороны стремятся улучшить деятельность перехода и увеличить его пропускную способность. Поэтому реконструкция станции была включена в план 10-й пятилетки КНР (2000–2005 гг.). Объем перевозок в перспективе составит 11,5 млн т. Была разработана комплексная целевая программа развития ст. Забайкальск на период 2002–2005 гг.

В 1997 г. через Суйфэньхэ прошло 1,314 млн т грузов, или 2/5 экспортно-импортных перевозок приграничной торговли Хэйлунцзяна. С санкции правительств Китая и России в 1999 г. на погранпереходе Суйфэньхэ–Гродеково была создана зона свободной торговли. В 1999 г. годовая пропускная способность автодорожных и железнодорожных контрольно-пропускных пунктов (КПП) в Суйфэньхэ составляла 6,5 млн т грузов. Предполагается, что пропускная способность Суйфэньхэ в 2010 г. достигнет 12 млн т. В 2002–2006 гг. ДВЖД инвестировала проекты перехода Гродеково–Суйфэньхэ на сумму в 1 млрд долл. Ввод в эксплуатацию приграничного торгово-экономического комплекса «Пограничный – Суйфэньхэ» планируется в 2015 г. Расширение глобальных экономических связей и товарооборота между странами Европы и Азии, рост экономик России и Китая требуют более рационального использования транспортных коммуникаций.

МОДЕЛИ (ДЕ)ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЫНКОВ КНР И РФ

Интеграция приграничных рынков ведет к расширению локальных рынков регионов, расположенных вблизи государственных границ, посредством снижения барьеров для осуществления приграничной экономической деятельности. Любая экономическая кросс-границная активность зависит от политических решений — ориентироваться на интеграцию, снижая барьеры, стимулируя потоки товаров, людей, информации, или, напротив, иметь границы барьерные и развивать экономику окраинного региона другими способами? То есть международная интеграция и в том числе приграничная интеграция зависят от типа административной (де)централизации в стране¹. Наша цель — сравнить соответствующие подходы к (де)централизации и интеграции приграничных рынков в КНР и в РФ.

Табл. 1 характеризует пространственную структуру внешней торговли между китайскими провинциями и Россией.

Таблица 1

Основные торговые партнеры России в Китае

Административная единица*	Оборот с РФ в 2007 г., млн долл.	Рейтинг			
		2007 г.	2006 г.	2005 г.	2004 г.
Хэйлунцзян	10727,9	1	1	1	1
Гуандун	5740,0	2	3	4	2
Шанхай	4895,0	3	2	3	3
Шаньдун	3596,8	4	4	5	4
Чжэцзян	3578,7	5	5	2	5
Цзянсу	2331,8	6	6	7	6
Шэньси	1564,5	7	7	15	16
Таньцзинь	1445,8	8	9	9	8
Пекин	1054,8	9	10	10	13
Цзилинь	801,9	10	11	()	14
Хэбэй	676,4	11	8	6	()
СУАР	601,6	12	15	11	9
Ляонин**	()	()	()	8	7

* Представлены данные по крупнейшим партнерам РФ, а не по полному кругу провинций.

** Из-за отсутствия данных за 2006–2007 гг. рейтинг рассчитать невозможно.

Рассчитано по: [Провинц. стат. ежегодн. КНР (URL: www.chinadatacenter.org); Uncomtrade Database].

Пров. Хэйлунцзян традиционно является ведущим торговым партнером РФ, ее внешнеторговый оборот превышает второго по значимости партнера (Гуандун) в 2 раза. Цилинь и АРВМ, также разделяющие общую границу с РФ, имеют достаточно высокие рейтинги и уступают только приморским и прочим административным субъектам, имеющим большие преференциальные условия развития. То есть китайские провинции — внешнеторговые партнеры РФ пространственно приближены к рынкам РФ.

Аналогичная или даже более рельефная картинка и по другим странам (табл. 2): в торговле КНР с Вьетнамом на торговлю приграничных провинций приходится около 20% совокупного оборота, с Казахстаном — около 60, с Таджикистаном и КНДР — около 70, с Кыргызстаном — более 80%.

Таким образом, в Китае реализуется модель *административной децентрализации*, направленная на интеграцию приграничных рынков.

Пространственная структура российской внешней торговли с КНР сильно тяготеет к центру (табл. 3): основные российские регионы — внешнеторговые партнеры Китая сконцентрированы в зоне действия Центрального таможенного управления.

На собственно приграничные регионы — Приморский, Хабаровский, Забайкальский края, Амурскую область, Еврейскую автономную область — в сумме приходится около 10% учтенного оборота с Китаем.

Таблица 2

**Доля внешнеторгового оборота провинции с сопредельной страной
во внешнеторговом обороте КНР с этой страной (2006 г.)**

Провинция КНР и страна, имеющие общую границу	%
Ляонин — КНДР	48,4
Цилинь — КНДР	20,1
Хэйлунцзян — РФ	20,0
АРВМ — Монголия*	9,61
СУАР — Казахстан	60,0
СУАР — Кыргызстан	83,4
СУАР — Таджикистан	67,4
Юньнань — Мьянма	47,4
Юньнань — Лаос	31,7
ГЧАР — Вьетнам	14,7

* Из-за отсутствия данных по АРВМ приведена доля по экспорту.

Рассчитано по: [провинц. стат. ежегодн. КНР; Uncomtrade Database].

**Географическая структура российско-китайского
торгового оборота в 2007 г.**

Таможенные управления	Оборот	Доля, %	Импорт	Доля, %
Всего торговля РФ с КНР	40319,5		24401	
Центральное	15397,8	38,2	8207,3	33,6
Северо-Западное	6775,6	16,8	6117,9	25,1
Южное	728,8	1,8	567,1	2,3
Приволжское	2937,1	7,3	539,5	2,2
Уральское	980,9	2,4	()	()
Сибирское	9227,0	22,9	()	()
Дальневосточное	4272,3	10,60	2626,7	10,8

Рассчитано по: [данным ФСГС РФ, ФТС РФ].

В одной Москве этот показатель выше. Все это доказывает, что в РФ реализуется модель централизации, определяющая (дез)интеграцию приграничных рынков.

Хотя доли оборота приграничных российских регионов в торговле России с Китаем незначительны, значимость Китая для этих регионов высока: в ЕАО на Китай приходилось 13% внешней торговли в 1995 г., 45 в 2000, 95% в 2006 г.; в Амурской области — 39, 81 и 84; в Приморском крае: —14, 27 и 37% соответственно. Для того, чтобы оценить относительную специализацию регионов на сопредельных странах, полезно рассчитать торговый индекс специализации (подобный индексу специализации Баласса). Значение индекса более 1 означает, что регион торгует существенно больше со страной, чем это «предписано» его долей в международной торговле своей страны. Хэйлунцзян торгует в 22 раза больше с Россией, чем было бы предписано долей провинции во внешней торговле Китая (табл. 4).

Представляется, что столь высокие значения торговых индексов специализации связаны с развитием приграничной торговли, хотя для российских и китайских регионов этот факт имеет принципиально различные объяснения. В России приграничная торговля остается институционально не определенной и развивается стихийно, в Китае же ее постоянно совершенствуют и развивают².

Наиболее частым объяснением того факта, что в РФ приграничную торговлю не развивают, является «обвинение» ее в распространении неформальных схем. Авторские исследования подтверждают³, что приграничная торговля связана с неформальными практиками. Наличие этих практик приводит к значительному расхождению в

Таблица 4

Торговые индексы специализации

Регион	1996	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Китайские приграничные регионы								
Цзилинь	1,9	1,0	0,8	0,5	0,9	0,0	2,9	3,5
Хэйлунцзян	17,1	25,4	27,9	30,0	30,6	29,0	27,4	28,0
АРВМ	9,6	19,7	20,1	21,6				
СУАР	()	3,3	4,2	3,1	2,2	1,4	1,0	2,0
Приграничные регионы российского Дальнего Востока								
Приморский край	4,1	4,9	4,6	5,2	4,8	5,3	5,0	()
Еврейская АО	14,1	8,2	6,4	9,5	12,2	13,1	12,5	()
Хабаровский край	4,0	7,3	5,9	6,8	6,6	6,1	5,9	()
Амурская	11,2	14,6	10,0	9,4	9,8	11,6	10,9	()

Рассчитано по: [провинц. стат. ежегодн. КНР; региональн. статист. ежегодн. РФ].

Таблица 5

Расхождение данных китайской и российской таможенной статистики

Показатель	2000	2002	2003	2004	2005	2006
Всего оборот приграничных регионов ДВ с КНР*	993	1377	1769	1990	3190	4030
Приграничный оборот пров. Хэйлунцзян	1014	2131	2540	2540	3685	4652
Превышение, раз	1,02	1,55	1,44	1,28	1,16	1,15
Торговый оборот РФ с КНР, данные РФ	5347,2	7722,6	10248,5	13106,8	18469,4	26760,0
Торговый оборот КНР с РФ, данные КНР	8003,2	11927,4	15758,0	21225,5	29101,2	33386,8
Превышение, раз	1,50	1,54	1,54	1,62	1,58	1,25

* Стат. наблюдение в России за приграничной торговлей не ведется, поэтому в качестве приграничной торговли учтен весь оборот с КНР в приграничных регионах РДВ.

Рассчитано по: [провинц. статист. ежегодн.; Uncomtrade Database; регион. статист. ежегодн.].

данных китайского и российского таможенного статистического учета. Однако сопоставление расхождений статистических данных по совокупному внешнеторговому обороту с данными по приграничной торговле заставляет сильно усомниться в том, что только приграничная торговля «ответственна» за наличие неформальной составляющей во взаимной торговле (табл. 5). Напротив, расхождение по обо-

роту РФ—КНР даже выше, чем оценочные данные расхождения по приграничному обороту.

* * *

Подведем итоги. Взаимная торговля между РФ и КНР расширяется; в расширении торговли активно участвуют китайские приграничные регионы и российские центральные. Приграничные регионы обеих стран во внешней торговле пространственно специализируются на стране, с которой делят общую границу. Однако в Китае это обусловлено институциональной поддержкой приграничной торговли и развитием «приграничного пояса открытости», в России — спонтанно складывающейся зависимостью от внешней торговли с китайскими партнерами. Приграничная российско-китайская торговля также имеет положительную динамику, при этом неформальные схемы бизнеса, определяющие расхождение данных зеркальных балансов, сопоставимы в приграничной и «большой» взаимной торговле двух стран.

¹ Либман А.М. Децентрализация, интеграция и регионализация: взаимосвязь и взаимовлияние// Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 19–35. – предлагает разделять децентрализацию на политическую и административную. Полагаем, что рассуждать о политической децентрализации в унитарном государстве КНР бессмысленно.

² *Guangzhi Zhao*. The Changing Peripheries in China: a Case Study of the Political and Economic Impacts of the Development of Border Trade in Yunnan Province. Dissertation. Northern Illinois University, 1996. P. 60–75; *Li Maoxing et al.* Theory and practice of border trade. De Hong Nationality Press, 1997. P. 287–295.

³ *Ryzhova N.* Informal economy of translocations. The case of the twin city of Blagoveshensk-Heihe// Inner Asia, 2008. V.10. N. 2. P. 323–351.

Горбачев Б.Н.,

д. и. н.,

Академия военных наук

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ СВЯЗИ В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ

Российско-китайские связи в военной области уходят корнями в новейший период истории двух стран. Они складывались неоднозначно в разные периоды времени. Их установление и развитие отражало объективную необходимость соседних государств совместно противостоять внешним угрозам, которые возникали у их границ, а также в борьбе с внутренними угрозами, обострившимися в результате противоборства внутривнутриполитических сил и гражданской войны в Китае.

Так, в результате активизации дальневосточной политики западных стран в середине XIX в. Китай вынужден был для поддержания баланса сил на Дальнем Востоке принять военную помощь, предложенную Россией в 1858 г. В период 1861—1862 гг. в Китай было поставлено вооружение, в том числе 10 тыс. нарезных ружей, батарея полевых орудий с боеприпасами, 500 боевых ракет и свыше 70 ящиков запасных частей. Русские офицеры стали первыми европейскими инструкторами в китайской армии. На русской границе было организовано обучение 6 офицеров и 60 солдат Китая.

Известен еще один факт, когда российский император в 1896 г. «изъявил признать возможным и желательным командировать наших инструкторов для китайских войск». В августе 1897 г. в Китай в качестве кавалерийского инструктора при войсках Печилийской провинции был направлен полковник Воронов с двумя унтер-офицерами. Однако в тот период опыт военной помощи России Китаю советниками оказался малоэффективным. Ее уровень и масштаб не соответствовали ни китайским, ни российским интересам и возможностям. Китай, ориентировавшийся в военном строительстве больше на западные державы, упустил тогда шанс получить квалифицированную и во многом бескорыстную помощь со стороны северного соседа.

В новых исторических условиях, когда в Китае развернулось мощное революционное движение, Советская Россия по просьбе Сунь Ятсена оказала существенную военную помощь. С 1924 по 1927 г. в Китае работало 135 советских военных советников. Немало китайских командиров получили военную подготовку в Советском Союзе. СССР поставлял в Китай оружие, боеприпасы, различное военное снаряжение, медикаменты.

Новой страницей в российско-китайских отношениях стало военное сотрудничество накануне и в годы Второй мировой войны. Договор о ненападении между СССР и Китаем явился актом поддержки Советским Союзом китайского народа в условиях войны с японскими агрессорами, направленным на укрепление мира и безопасности на Дальнем Востоке.

В период 1937—1942 гг. Китаю было поставлено 1285 самолетов, 1600 орудий, около 100 танков, 14 тыс. пулеметов, около 2 тыс. автомашин и тракторов, большое количество винтовок и боеприпасов. В то время в Китае работали и участвовали в борьбе с японскими захватчиками 3665 советских военных специалистов.

Разгром Квантунской армии Японии войсками Советского Союза в августе 1945 г. и освобождение Северо-Восточного Китая от

японских захватчиков создали благоприятные условия для действий Народно-освободительной армии Китая (НОАК). С переходом в стратегическое наступление потребности НОАК возросли. Руководство КПК обратилось к Советскому правительству с просьбой усилить оказание военной помощи. Совет Министров СССР 19 сентября 1949 г. принял решение о направлении в Китай военных специалистов. К концу декабря 1949 г. в НОАК было направлено более 1 тыс. советских военных специалистов. В трудных условиях и в короткий срок они многое сделали для подготовки летчиков, танкистов, артиллеристов, пехотинцев.

После образования КНР Советский Союз оказал большую помощь в военном строительстве молодой республики. Уже весной 1950 г. через четыре недели после подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР в Китай прибыло 3258 тыс. советских советников и специалистов. В короткие сроки в стране были созданы ВВС, ВМС, войска ПВО, бронетанковые, артиллерийские и другие специальные войска. Оказание СССР экономической и технической помощи Китаю в создании 100 объектов оборонной промышленности позволило оснастить НОАК необходимым вооружением.

С начала 1960-х годов из-за противоречий политического и идеологического характера между руководителями КПК и КПСС военные и военно-технические связи были свернуты. Между странами возникла серьезная конфронтация, вплоть до вооруженных конфликтов на советско-китайской границе в 1969 г.

По мере нормализации советско-китайских отношений с конца 1980-х годов между Россией и Китаем были восстановлены военные контакты и военно-техническое сотрудничество. Руководители РФ и КНР проявили политическую мудрость и волю, чтобы в условиях новых глобальных тенденций исторического развития определить правильную тональность российско-китайских отношений, позволяющую сочетать национальные интересы своих государств. Соглашение между правительствами двух стран о военно-техническом сотрудничестве от 24 ноября 1992 г. придало данной сфере ускоренное развитие. В рамках достигнутых договоренностей Россия поставила Китаю 4 эскадренных миноносца, 12 подводных лодок, истребители Су-27СК, Су-27УБК, Су-30МКК, Су-30МК2 общей численностью около 200 ед., вертолеты Ми-17 и Ка-28, ЗРС С-300ПМУ, ПМУ1 и ПМУ2, ЗРС «Тор-1М» и другие вооружения. Российская сторона передала Китаю лицензию на производство самолетов Су-27СК, пехот-

ных огнеметов и некоторой другой продукции военного назначения. Российские специалисты стали проводить заказные или совместные НИОКР в области различных вооружений. За последние 15 лет общий объем поставленного в Китай российского вооружения превысил 25 млрд долл.¹

Соглашение о военном сотрудничестве между министерствами обороны России и Китая от 11 ноября 1993 г. положило начало прямым связям между вооруженными силами двух стран. Расширился обмен между военными делегациями различного уровня. В военных вузах России проходят обучение китайские военнослужащие. Армии двух стран проводят совместные учения, в том числе широкомасштабные маневры «Мирная миссия» (2005, 2007 и 2009 гг.). Между генеральными штабами вооруженных сил России и Китая проводятся регулярные консультации по вопросам стратегической безопасности. Установлена линия прямой горячей связи между военными ведомствами двух стран, что является важной мерой по углублению делового сотрудничества армий и новым конкретным воплощением высокого уровня доверия и стратегического взаимодействия между Китаем и Россией.

Анализ состояния и перспектив российско-китайских отношений в военной области говорит об их масштабности и динамичности. РФ и КНР стремятся развивать военно-техническое сотрудничество, преодолевая текущие проблемы на пути реализации отдельных проектов. Практика двусторонних отношений говорит о том, что военное и военно-техническое сотрудничество, как и российско-китайское партнерство в целом, имеют долговременный характер и не направлены против безопасности других государств.

Следует отметить, что российско-китайские отношения в военной области не являются чем-то исключительным. Китай в последние годы активно развивает военные связи с внешним миром, особенно с армиями крупных стран, включая США, соседних государств, в том числе Индии и Японии, и странами третьего мира, стремясь играть важную роль в создании безопасной и стабильной обстановки в регионе и в мире в целом.

¹ Красная звезда. 17–23.12.2008. С. 4.

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В начале XXI в. военная политика Китая направляется на обеспечение условий реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение Китаем к середине века (к 100-летию образования КНР) статуса сильной, модернизированной, объединенной (имеется в виду решение тайваньской проблемы) державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и равной по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим державам мира.

Реализацию национальной стратегии в Китае связывают с усилением комплексной государственной мощи, которая рассматривается в качестве общей способности государства путем мобилизации всех ресурсов, как национальных, так и мировых, осуществлять данную стратегию.

Предметом особого внимания руководства КНР является обеспечение внутривластной стабильности как необходимого условия реализации стратегии развития. Это достигается посредством проведения взвешенной национальной и социальной политики, поддержания устойчивого управления и общественного порядка, в том числе и с привлечением армии. Укрепление контроля КПК над армией, выполняющей роль инструмента опоры власти и поддержания внутривластной стабильности, постоянно находится в центре внимания военно-политического руководства и является лейтмотивом всех партийных форумов, включая состоявшийся в октябре 2007 г. XVII съезд КПК. Это достигается, в частности, путем избрания непропорционально большого количества военных в состав ЦК КПК. На XVII съезде КПК членами ЦК был избран 41 человек из числа военных высшего и среднего ранга, которые составили 20% общего количества его членов (204)¹.

Международная обстановка в сфере военной безопасности, согласно взглядам китайской стороны, характеризуется сложностью и противоречивостью мировых процессов. Несмотря на то, что в отношениях между странами доминирующими тенденциями продолжают оставаться мир и развитие, усиливаются факторы неопределенности и нестабильности. Налицо тенденция нарастания как традиционных, так и нетрадиционных угроз, в число которых в последнее время, наряду с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, вошли проблемы

безопасности в сфере энергетики, ресурсов, финансов, информации, международных транспортных коммуникаций.

Китай все еще стоит перед лицом многообразных угроз и вызовов национальной безопасности как традиционного так и нетрадиционного характера. Угрозу его суверенитету и национальной безопасности представляют сепаратистские силы («За независимость Тайваня», «За независимость Восточного Туркестана», «За независимость Тибета»). Нарастает ущерб, причиняемый нетрадиционными угрозами, такими, как терроризм, нарушение экономической и информационной безопасности страны².

Стратегия Китая в сфере военной безопасности заключается в осуществлении превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера, направленных на создание благоприятных условий вокруг Китая и уменьшение факторов нестабильности. Одновременно, следуя мировой тенденции в военной области и опираясь на растущую экономическую мощь, Китай продолжает реализацию курса на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала на базе науки и передовых технологий.

На нынешнем этапе военная политика Пекина основывается на принципах: неучастия в военных союзах (блоках); неприменения ядерного оружия первым; поддержки создания зон, свободных от ядерного оружия; отказа от размещения вооруженных сил на иностранных территориях, за исключением участия в миротворческих операциях под эгидой ООН.

Большое значение Пекин придает развитию многостороннего сотрудничества, в том числе в сфере военной безопасности, со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором Китай стремится занять лидирующее положение. В результате активной внешней политики по отношению к странам АСЕАН Пекину удалось в значительной мере ослабить влияние в странах региона мифа о «китайской угрозе» и добиться заметных успехов в создании в АТР атмосферы многостороннего сотрудничества, основанного на межгосударственном доверии³.

В Китае полагают, что наибольшую угрозу национальной безопасности, суверенитету и территориальной целостности КНР представляет деятельность сепаратистских сил, выступающих за независимость Тайваня. Решение тайваньской проблемы на условиях КНР по принципу «одна страна — две системы» продолжает рассматриваться в Пекине как важнейший шаг в направлении завершения «воссоеди-

нения нации» после возвращения под юрисдикцию КНР Гонконга и Макао в 1997 и 1999 гг. соответственно.

Согласно «Белой книге КНР по вопросам национальной обороны — 2008» в области военной политики Китай следует стратегии «активной обороны», которая предполагает строительство мощной модернизированной армии, имеющей сбалансированное соотношение видов вооруженных сил и родов войск. При этом оборона включает в себя как оборонительные, так и наступательные действия.

Учитывая опыт вооруженных конфликтов последнего десятилетия, военно-политическое руководство страны предпринимает меры по ускорению модернизации НОАК с акцентом на информатизацию и компьютеризацию войск и сил флота, усиление боевых возможностей вооруженных сил за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Наибольшие усилия прилагаются для переоснащения стратегических ядерных сил, ВВС и ВМС, что объясняется стремлением повысить потенциал ядерного сдерживания, а также прикрыть от ударов с воздуха и с морских направлений наиболее развитые в экономическом отношении восточные и приморские районы страны. Наряду с этим признается необходимым сохранить и стратегию «народной войны», которая модернизируется применительно к требованиям сегодняшнего дня.

В модернизации НОАК делается акцент на подготовку сил общего назначения к возможному использованию в качестве силового аргумента при решении Тайваньской проблемы, включая сценарии с военным участием США. Создаются силы и концепции их боевого применения, направленные на предотвращение развертывания сил вероятного противника в районы оперативного предназначения в западной части Тихого океана. ВВС и ВМС НОАК оснащаются средствами борьбы с авианосными ударными группировками в открытом море, на значительном удалении от материка.

В настоящее время Китай реализует принятую в конце 2006 г. программу модернизации национальной обороны, рассчитанную до середины XXI в. и включающую 3 этапа: до 2010 г. — создание фундаментальных основ преобразований, до 2020 г. — достижение общего прогресса по основным направлениям модернизации, до 2050 г. — достижение в основном стратегической цели создания информатизированных вооруженных сил, способных успешно действовать в войнах с применением информационных технологий⁴. В связи с реализацией программы продолжается наблюдаемая в последние годы тенденция

опережения темпов увеличения военных расходов КНР по сравнению с темпами экономического роста: в 2008 г. официальные военные расходы составили 60,1 млрд долл. (увеличение против 2007 г. на 17,7%) при росте ВВП за тот же период 9%⁵. Мировой финансовый кризис не оказал существенного влияния на бюджетные военные ассигнования Китая, хотя темпы их увеличения несколько замедлились: на 2009 г. они предусмотрены в сумме 70 млрд долл.⁶ (на 14,9% выше, чем в 2008 г.).

Составной частью военной политики Пекина и одновременно атрибутом глобальной политики является военная дипломатия. Ныне эта сфера деятельности характеризуется высокой активностью и становлением в качестве важного компонента реальной государственной политики.

Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество сегодня осуществляется в контексте политического сближения и усиления стратегического взаимодействия двух стран в международных и региональных делах, что, в частности, нашло отражение в Совместной декларации РФ и КНР по основным международным вопросам, подписанной президентом РФ Д.А.Медведевым и председателем КНР Ху Цзиньтао в мае 2008 г. в Пекине. В начале века сотрудничество получило качественно новое развитие, распространившись на оперативную и боевую подготовку штабов и войск с отработкой вопросов взаимодействия при проведении антитеррористических операций.

С подписанием в июне 2007 г. Соглашения между государствами-членами ШОС о проведении совместных военных учений создана правовая база для их подготовки и проведения на регулярной основе в дальнейшем. Достигнута договоренность о проведении следующих совместных военных учений в 2010 г.⁷

Что касается военно-технического сотрудничества, то в связи с ростом возможностей китайского ВПК оно вступает в качественно новый этап. Ожидается, что Китай будет стремиться к получению большего количества российских технологий⁸ и снижению доли расходов на приобретение готовых вооружений в пользу увеличения закупок узлов и компонентов для их использования в совместных проектах, а также в системах вооружений собственной разработки. Кроме того, требуют решения поставленный Пекином вопрос о повышении технологического уровня предлагаемой Россией военно-технической продукции⁹, а также возникшая в процессе военно-технического сотрудничества проблема защиты прав на российскую интеллектуальную собственность¹⁰. В связи с вышеизложенным в 2006—2008 гг. воз-

никла пауза в работе российско-китайской комиссии по военно-техническому сотрудничеству¹¹. Вместе с тем в данной области открываются новые возможности для России, связанные с обслуживанием и модернизацией ранее закупленной Китаем техники.

¹ East Asian Strategic Review 2008. P. 94.

² Белая книга КНР по вопросам национальной обороны – 2008 г.

³ East Asian Strategic Review 2005. P. 3, 4.

⁴ Белая книга КНР по вопросам национальной обороны – 2006 г.

⁵ russian.china.org. 13.03.2009.

⁶ Жэньминь жибао он-лайн. 04.03.2009.

⁷ Совместное коммюнике по итогам совещания министров обороны государств-членов ШОС// Жэньминь жибао. 16.05.2008.

⁸ Время новостей. 25.09.2006.

⁹ Макиенко К. За 15 лет Китай потребил до половины всех российских военных поставок за рубеж. URL: www.interfax.ru. (02.02.2007)

¹⁰ ИТАР-ТАСС. 23.05.2008.

¹¹ Point RU. 23.05.2008.

Бергер Я.М.,
д. и. н., ИДВ РАН

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЮАНЯ – ВАЖНЫЙ КАНАЛ РАСШИРЕНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ КИТАЯ

1. Многие китайские эксперты считают практически бесконтрольное доминирование доллара в международной финансовой системе одной из важных причин формирования модели нелимитированного потребления в США, которая в свою очередь породила нынешний глобальный финансово-экономический кризис. Поддержанию такой ситуации в немалой мере способствовал рост удельного веса долларовых активов в золотовалютных резервах Китая, Японии, России и ряда других стран. Китаю принадлежит мировое первенство по объему имеющихся у нее казначейских обязательств США. Он составляет 739,6 млн долл., или 7% их общей суммы.

2. Глобальный финансовый кризис, пошатнувший роль доллара в мировой финансовой системе, объективно создает благоприятные предпосылки для укрепления международных позиций юаня. Официально Пекин никогда не провозглашал интернационализацию юаня в качестве своей цели. Однако в реальности важные шаги в этом направлении предпринимаются. Более того, можно говорить о наличии определенной стратегии и тактики по расширению сферы влияния юаня.

3. Предлагаемые схемы «маршрутной карты» различны по степени детальности, по набору и порядку рекомендуемых шагов, но в основных векторах они имеют немало общего. В частности, предполагается, что их реализация должна быть поэтапной и рассчитанной на долгий срок. Предусматривается, например, постепенное расширение ареала обращения юаня с одновременным наращиванием его функциональной роли¹. Интернационализация юаня проходит в три этапа длительностью по 10 лет каждый. На первом этапе, который уже осуществляется, юань появляется на окрестной территории в качестве «твердой валюты». На следующем этапе совершается переход от «квази-регионализации» к формальной регионализации и «квази-интернационализации». Наконец, на третьем этапе происходит формальная интернационализация. Параллельно меняются функции юаня. В первом десятилетии он становится расчетной валютой для соседних стран, во втором — региональной инвестиционной валютой, в третьем — резервной валютой для всех стран мира.

4. По мнению некоторых экспертов, регионализацию юаня не следует смешивать с созданием единой региональной валюты для Азии². Последнее находится еще на стадии предварительных проектов, воплощение в жизнь которых зависит от согласования множества политических, экономических и культурных факторов. Регионализация же юаня — акт односторонний, не требующий широкого согласия.

5. Китайская валюта продвигается, прежде всего, в Юго-Восточную и Центральную Азию. Регионализацию юаня в ЮВА связывают с повышением роли Сянгана как офшорного юаневого рынка и центра расчетов в юанях. Сянган призван стать главным распределителем юаневых потоков в странах Азии и опорой расширения юаневого ареала. Выдвигаются предложения заменить связку сянганского доллара с американским долларом на связку с *жэньминьби*. В 2003, 2005 и 2007 гг. центральное правительство КНР трижды расширяло рамки осуществления юаневых операций финансовыми организациями Сянгана. В конце 2008 г. Госсовет КНР принял решение о проведении в экспериментальном порядке расчетов в китайской валюте по торговле товарами китайской пров. Гуандун и района дельты р. Янцзы с Сянганом и Аомэнем, а Гуанси-Чжуанского автономного района и пров. Юньнань — со странами АСЕАН. Соглашения о выборе национальных валют для расчетов в двусторонней торговле заключены Китаем с рядом соседних стран, включая Россию, Монголию, Вьетнам, Мьянму.

6. Повышению роли и влияния юаня в региональном масштабе способствуют:

- создание зоны свободной торговли КНР–АСЕАН;
- укрепление сотрудничества между министрами финансов и главами центральных банков КНР, стран АСЕАН, Японии и РК, способствующего совершенствованию азиатских фондовых рынков и выходу на них транснациональных компаний;
- развитие кооперации между торгово-экономическими и финансовыми ведомствами стран региона.

7. В конце марта 2009 г. перед Лондонским саммитом «двадцатки» глава Центрального банка Китая Чжоу Сяочуань выступил с инициативой создания международной резервной валюты на наднациональной основе. Одновременно он предложил изучить возможности более полного раскрытия роли SDR, которая могла бы служить признанным платежным средством в международной торговле и финансовых сделках³. Для этого требуется усовершенствовать систему определения стоимости и эмиссии SDR. В корзину валют, на основе которых устанавливается стоимость SDR, рекомендуется включить валюты всех важнейших в экономическом отношении стран мира⁴.

8. Эти соображения поддержала Россия (выступившая с аналогичным предложением несколько раньше) и другие страны БРИК. Против них достаточно категорично высказался президент США Б.Обама, заявивший об исключительной крепости позиций доллара. Саммиты «двадцатки», состоявшиеся 15 ноября 2008 г. в Вашингтоне и 2 апреля 2009 г. в Лондоне, также не поддерживали китайские предложения о создании наднациональной валюты.

9. Если шансы на становление SDR как мировой наднациональной валюты в обозримом будущем невелики, то в чем же смысл китайской инициативы? Как поясняют китайские эксперты, она направлена на решение трех задач. Во-первых, оказать давление на США, помешать планам дальнейшей беспредельной эмиссии доллара, в том числе для выкупа казначейских обязательств США, что привело бы к падению стоимости валютных резервов Китая и сократило бы его способность инвестировать их в иные зарубежные активы. Во-вторых, стимулировать перестройку МВФ, поднять в нем роль развивающихся стран и тем самым способствовать повышению значения SDR. В-третьих, укрепить основы интернационализации юаня⁵.

10. За 4 месяца, с декабря 2008 по март 2009 г., Китай заключил 6 двусторонних соглашений о взаимном обмене национальными валютами на общую сумму в 650 млрд юаней. Эти соглашения помогают решать проблемы краткосрочной нехватки ликвидности, справляться с кризисом, поддерживать устойчивость валютных систем.

Одновременно они закладывают основу интернационализации юаня. По некоторым данным, 60% золотовалютных резервов Монголии номинировано в юанях. Той же цели способствует открытие в Шанхае и нескольких городах пров. Гуандун пунктов для расчетов в юанях по трансграничной торговле.

11. На долю Китая приходится половина золотовалютных резервов Восточной и Юго-Восточной Азии. Несмотря на кризис, Китай остается лидером экономического роста в регионе. Все это создает хорошие предпосылки дальнейшего усиления финансово-экономического и геополитического влияния КНР.

12. Стратегия интернационализации юаня предполагает его усиление. Поэтому, несмотря на необходимость поддержания экспорта в период глобального финансового кризиса, маловероятно, чтобы Пекин допустил сколько-нибудь значительную девальвацию своей валюты, как он не пошел на это и во время Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. Тогда это значительно повысило авторитет и влияние Китая в регионе, что служит сегодня хорошим фундаментом для дальнейшего продвижения на том же направлении. Значительное повышение стоимости юаня также вряд ли возможно, пока на долю Китая приходится только 6% мирового ВВП, даже учитывая то обстоятельство, что по результатам 2009 г. он, скорее всего, обойдет Японию и станет второй экономикой мира.

13. Интернационализация юаня повысит эффективность валютной политики, даст возможность расплачиваться за импортируемые товары, услуги, инвестиции национальной валютой, позволит отойти от инвалютной формы образования профицита в двусторонних торгово-экономических отношениях. Китай сможет вообще, по примеру развитых стран Европы и США, отказаться от создания больших валютных резервов.

¹ Тан Шуаннин. Гоцзи хоби тиси юй жэньминьби [Международная валютная система и жэньминьби]//Чжэцзян жибао. 20.04.2009.

² Туйцзинь жэньминьби цююйхуа яо цзинькуай цзецзюе у да вэньти [Для продвижения регионализации жэньминьби нужно решить пять больших проблем]// Шанхай чжэнцюаньбао. 15.04. 2009.

³ SDR (special drawing rights – специальные права заимствования) – безналичная валюта, являющаяся платежным средством МВФ.

⁴ Чжоу Сяочуань. Гуаньюй гайгэ гоцзи хоби тиси ды сыкао [Размышления о реформе международной валютной системы] //Сайт Народного банка Китая. 27.03.2009.

⁵ Жэньминьби гоцзихуа: ляе тяо гоусян луцзин ды сыкао [Два мыслимых пути интернационализации юаня]// Гоцзи цзиньжун бао. 21.05.2009.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ БИЗНЕС КИТАЯ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА РАЗВИТИЯ*

В марте 2009 г. в Китае состоялась 2-я сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 11-го созыва. В докладе на сессии премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао о работе правительства, в его пресс-конференции по окончании сессии, а также в выступлениях делегатов сессии, в частности, подчеркивалось, что, несмотря на глобальный финансово-экономический кризис, опираясь на политику реформ и открытости, Китай должен усилить и диверсифицировать процессы интеграции в мировую экономику в рамках внешнеэкономической стратегии «выхода за рубеж» (*«цзоу чуцзюй» кай-фан чжэаньлюэ*. — Д.К.) и вытекающего из нее стратегического курса на создание и развитие в КНР системы крупных корпораций различных форм собственности, конкурентоспособных на мировом рынке и ориентированных на экспорт товаров, капитала и рабочей силы. Констатировалось также, что в условиях кризиса транснационализация деятельности крупных китайских предприятий — неизбежный путь к их выживанию и дальнейшему развитию¹.

После вступления КНР в ВТО (2001 г.) и особенно во второй половине 2000-х годов государство в Китае активизирует политико-правовое регулирование транснациональной хозяйственной деятельности (ТНД) предприятий страны. Так, Госсоветом КНР и нижестоящими центральными и местными органами принимается ряд законодательных и подзаконных актов и постановлений, во-первых, значительно упрощающих процедуру получения и оформления разрешений предприятиями на ТНД и прямые зарубежные инвестиции (ПЗИ), во-вторых, существенно расширяющих потенциальный круг китайских предприятий — зарубежных инвесторов и, в-третьих, принимающих попытку с учетом китайской специфики регламентировать ТНД в соответствии с опытом стран с нормативной рыночной экономикой.

В частности, в 2006 г. вступило в силу постановление, разрешающее и регламентирующее валютное кредитование транснационального китайского бизнеса (ТНБ) в целях общего расширения и легитимизации финансирования его зарубежных инвестиционных про-

* Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 08-02-00346а.

ектов. Право на получение валютного кредита имеют предприятия со статусом независимого юридического лица, зарегистрированные провинциальной промышленно-торговой администрацией, преимущественно несырьевого профиля, как крупные, так и средние. При этом, исходя из общих приоритетов стратегии «выхода за рубеж», весьма жестко регламентируется целевое назначение запрашиваемого кредита².

В 2006—2007 гг. правом на зарубежную инвестиционную деятельность наделяется ряд отечественных институциональных инвесторов, в число которых включены прежде всего прошедшие акционирование крупнейшие специализированные банки (в частности, Банк Китая, Промышленно-торговый и Строительный банки³), 12 крупных совместных государственно-частных банков (по состоянию на 2005—2008 гг. с активами более 1 трлн юаней каждый), а также крупные страховые компании и некоторые паевые инвестиционные фонды. Основная функциональная цель их ТНД — осуществление инвестиций на международных — включая Сянган — фондовых рынках. Нормативно-правовая регламентация этой ТНД осуществляется посредством системы QDII («Qualified Domestic Institutional Investors»), разработанной Народным банком Китая (НБК) и Китайским комитетом по регулированию банковской деятельности⁴. Данная система подлежит дальнейшему совершенствованию и развитию в связи с тем, что пока имеет чрезмерно жесткие ограничения как по количеству инвесторов, так и по допустимой степени риска разрешенных к приобретению ими иностранных ценных бумаг. Именно по этой причине, несмотря на вполне приемлемые инвестиционные квоты, выделенные для участников системы в 2006 г. (на общую сумму 31,7 млрд долл.⁵), в указанном году ими было реализовано лишь 9 инвестиционных проектов на сумму 1,2 млрд долл.⁶

Помимо политико-правовой и прямой финансовой поддержки корпоративного бизнеса, государство в Китае наращивает меры по регламентации хозяйственной деятельности и оказанию помощи внешне ориентированному малому и среднему предпринимательству (МСП). Так, в рамках оказания помощи развитию МСП в период нынешнего мирового экономического кризиса из центрального и местных бюджетов во второй половине 2008 г. было выделено 28, 64 млрд юаней. Основные цели этой финансовой поддержки — качественное обновление продукции МСП за счет стимулирования их самостоятельной технической инновационной деятельности, повышение конкурентоспособности продукции и на этой базе освоение ими новых

международных рынков. В рамках данной поддержки стимулировался известный в Китае экспериментальный проект, связанный с венчурным инвестированием МСП; была усовершенствована система кредитных гарантий для малого и среднего бизнеса; расширилась — за счет субсидий из центрального бюджета — сфера выдачи небольших гарантированных кредитов; активизировалась политика налоговых льгот для общего стимулирования экспортной и зарубежной инвестиционной деятельности МСП⁷.

Несмотря на весьма активно развивающуюся в КНР в 2000-е годы поддержку со стороны государства малого, среднего и крупного корпоративного бизнеса, общая доля китайских компаний в численности 500 крупнейших мировых ТНК, хотя и возрастает, но пока остается относительно невысокой — 4,8% в 2007 г. (против 4,0; 3,2; 3,0 и 2,2% в 2006, 2005, 2004 и 2000 гг. соответственно), что, в частности, существенно ниже удельного веса КНР в мировом ВВП, подсчитанном по паритету покупательной способности валют, — около 15%⁸. В связи с этим приходится по-прежнему — как и год-два назад — констатировать, что становление системы транснациональных корпораций, которое, по нашему убеждению, является сердцевиной современной модификации внешнеэкономической стратегии Китая, пока еще в целом не вышло за рамки одной из начальных стадий своего воплощения в жизнь⁹.

⁷ См.: URL:<http://russian.people.com.cn/95197/6613338.html>

Так, на валютный кредит могут претендовать предприятия, чья ТНД связана с разработкой природных ресурсов за рубежом, экспортом промышленных товаров из КНР, строительством за рубежом сборочных предприятий, использующих китайские комплектующие, инфраструктурных объектов, учреждением исследовательских, маркетинговых и гарантийных центров, а также с участием в акционерном капитале иностранных фирм, приобретением зарубежных активов и брендов. - См.: URL:<http://www.cicn.com.cn/>

⁸ В 2006 г. с привлечением иностранных инвесторов была начата акционеризация — с частичной приватизацией — двух из четырех крупнейших спецбанков (Банка Китая и Стройбанка Китая), в ходе которой 8% их активов было продано в процессе «первичного размещения акций» (IPO).

⁹ Действует с июля 2006 г. по общей аналогии с системой QFII (аббревиатура от английского «квалифицированные иностранные институциональные инвесторы»), разработанной ранее для зарубежных ТНК, работающих в Китае.

⁴ В том числе для вошедших в состав участников системы 15 банков квота составила 14,2; 15 страховых компаний — 17,0 и 1 паевого инвестиционного фонда — 0,5 млрд долл.

⁶ China Daily, 20.03.2007. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/>

⁷ См.: URL:<http://www.acfc.org.cn/>; <http://russian.people.com.cn/95197/6613338.html>

- ⁸ Подсчитано по: URL:<http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/asia/>; World Development Report 2009. Washington, 2008.
- ⁹ См., в частности: *Калашников Д.Б.* Транснациональная деятельность предприятий Китая: тенденции и динамика роста // 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки. Тезисы докладов XVII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 22-24 октября 2008 г.). Часть I. М.: ИДВ РАН. 2008. С. 57.

60 лет КНР.
Шестидесятилетие дипломатических отношений
СССР/РФ и КНР (1949–2009 годы).

Тезисы докладов XVIII Международной научной конференции
«Китай, китайская цивилизация и мир.
История, современность, перспективы»
(Москва, 21–23 октября 2009 г.)

ЧАСТЬ 2

Редакторы: Белилина Е.В., Иванова Н.И.

Корректор: Потапова Н.Б.

Верстка и оригинал-макет: Суднищикова С.А.

Оформление: Иваншина Т.В.

Печатно-множительная лаборатория
Учреждения Российской академии наук
Институт Дальнего Востока РАН.
Москва, 117997, ГСП-7, Нахимовский пр-т, 32.

Подписано к печати: 21.09.2009 г.

Формат 60 x 84/16.

Печ. л. 17. Тираж 300 экз.

Заказ № 27.